

Петербургская
библиотечная школа
№ 2(11) 1999 г.

Настоящий журнал издан
при финансовой поддержке
«Института Открытое общество.
Фонд содействия».

Редакционная коллегия

З.В. Чалова,
С.А. Басов,
А.С. Зонин,
Н.М. Комиссарчик,
Е.В. Конюхова,
Л.Г. Косачева,
Н.Н. Мазняк,
В.А. Минкина,
Т.Ю. Монакова,
Н.Н. Никитина,
Т.И. Новикова,
Т.В. Петрусенко,
З.А. Рудая,
Н.П. Тряпкина,
Е.В. Шеповалова

Редакционный совет

Б.Ф. Володин
(Научный редактор),
М.Ф. Ежова
(«Публичные библиотеки»),
З.А. Рудая
(«Уникумы»),
И.Л. Клим
(«Переводь»),
С.С. Серейчик
(«Реклама»)

Литературный редактор

Л.Д. Грибакина

**УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

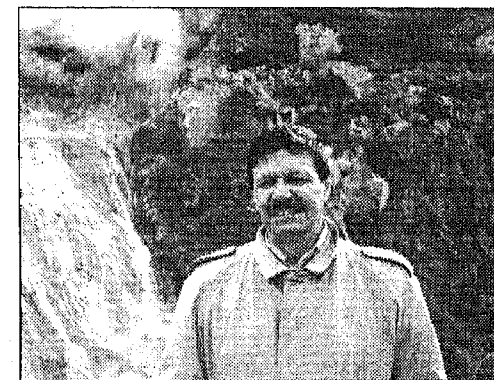
Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

© Петербургское
библиотечное
общество

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА: СПЕЦИФИКА СТРАНЫ, СПЕЦИФИКА РОССИИ

Главной темой номера стала публичная библиотека. Разумеется, мы не ставили перед собой задачи охватить круг даже самых основных проблем, но на рубеже 10-летия Петербургского библиотечного общества, которое мы отмечаем в мае этого года, мы считаем необходимым уделить особое внимание именно библиотеке этого типа. Ведь еще 10 лет назад это понятие в русском языке ассоциировалось не с теми библиотеками, которые во всем мире обслуживают самые разные широкие слои населения и которые представляют собой большинство библиотек практически в любой стране. Публичной библиотекой мы раньше называли нынешнюю Российскую национальную библиотеку, да и сегодня это ее название продолжает жить. А публичные библиотеки как библиотеки особого типа мы называли массовыми. И даже по отношению к библиотекам других стран мы не случайно пользовались термином «массовые библиотеки», делая вид, что дело вовсе не в названии типа библиотеки.

На протяжении 1980-1990-х гг. российские библиотекари стали осознавать, что массовые библиотеки не имеют почти ничего общего с публичными библиотеками — с теми публичными библиотеками, которые функционировали практически во всех странах мира. Массовые же библиотеки отличались от них тем, что они, будучи сориентированными так же, как и публичные, на обслуживание самых широких слоев населения, не могли называться, как дореволюционные библиотеки России, земскими, или как зарубежные, родственные им библиотеки, — коммунальными, муниципальными или просто местными. Советские общедоступные библиотеки назывались, как известно, государственными массовыми библиотеками. За определением «государственная» стояла не только форма собственности или форма управления. Это означало, что повсюду они создавались по одной схеме, по одному образцу и отступлений от этих

схем быть не могло. Это положение, равно как и другие особенности библиотек, развивающихся в условиях «отдельно взятой страны», могло измениться, разумеется, только в том случае, если бы изменилось само общество. По отношению к массовым библиотекам поиск новых путей развития, поиск путей совместимости с родственными библиотеками других стран мира стал возможен только в условиях очевидных общественных перемен, в обществе, которое стремится к тому, чтобы называться открытым и демократическим.

Насколько открытым и демократическим стало российское общество — это вопрос совсем не простой. Ставить его и тем более давать ответ — такую задачу мы перед собой не ставим. Но если сама гипотетическая попытка постановки такого вопроса исключает возможность получения однозначно положительного или однозначно отрицательного ответа, а предполагает ответ с оговорками, с выявлением целого ряда противоречий, то и по отношению к публичным библиотекам как к одному из главных институтов подлинно демократического общества ставить аналогичный вопрос и тем более получить на него ответ будет очень не просто. Очевидно, что в нашей стране публичные библиотеки не обладают статусом одного из важнейших институтов современного российского общества прежде всего потому, что в этом качестве их не

рассматривают там, где определяют приоритеты развития общества, там, где есть возможность эти приоритеты не только определять, но и воплощать в жизнь. И тем не менее публичные библиотеки в современной России уже стали реальностью. Они существуют. Они развиваются. И есть потребность попытаться понять, какими они стали. Если невозможно назвать все их новые черты, то, с нашей точки зрения, можно назвать хотя бы некоторые весьма существенные черты этих библиотек и поставить ряд наиболее важных вопросов, что нам и хотелось бы сделать с единственной целью — пригласить к разговору, продолжить с помощью наших авторов размышления на эту тему.

Современная публичная библиотека в России, вне сомнения, стала свободной от директивных указаний государственного центра. Она связана со своим регионом и стремится, обслуживая его жителей, делать это с учетом специфики и истории этого региона. Иными словами, региональные публичные библиотеки имеют общие черты, но они могут и должны быть разными, непохожими одна на другую. Именно к этому стремились библиотеки регионов России в начале XX века, и именно это было впоследствии утрачено либо полностью, либо в той или иной степени. В связи с этим сегодня особенно важно понять, каковы тенденции развития современных публичных библиотек и прежде всего, как эти тенденции связаны с особенностями российской библиотечной истории, а именно истории российских публичных библиотек низового уровня земских библиотек, народных библиотек. Не менее важно понять, как публичные библиотеки России должны учитывать многонациональность состава населения страны. И в этом отношении нашими библиотеками в начале XX века, в 1920-е гг. уже накоплен интереснейший опыт. Разумеется, этот опыт следует воспринимать в контексте наших современных условий. В странах, где публичная библиотека стала важнейшим институтом общества — демократического общества, решаются иные проблемы соотношения библиотеки и власти. А поскольку там есть не только определенные

достижения, но и свои проблемы и свои противоречия, нам хотелось показать их для того, чтобы российские библиотекари не относились к опыту коллег из более благополучных стран как к некоему идеалу, который непременно необходимо переносить на российскую почву. Идеальных решений быть не может. Каждая страна должна исходить из своей специфики, но не воспринимать эту специфику в отрыве от того, что стало по отношению к публичным библиотекам к концу нынешнего столетия само собой разумеющимся для наших коллег во всем мире.

Представляется необходимым заострить внимание на проблеме, которая таковой нашими библиотекарями не воспринимается. Наши публичные библиотеки во многом остаются не похожими на публичные библиотеки других стран. Некоторые проблемы совместимости, приближения к профессиональным идеалам решить в современных экономических условиях крайне сложно. Одно из очевидных требований времени — введение столь обязательного для библиотечного обслуживания в публичной библиотеке открытого доступа. Но есть и другие отличия, которые определяются не только экономическими трудностями. Так, за последние 10 лет мы привыкли к тому, что в условиях сохранившихся централизованных сетей филиалы стали в большинстве случаев специализированными. Хорошо это или плохо — так вопрос ставить вообще не следует. Но не стоит ли задуматься над тем, почему такое решение, если не принимать во внимание финансовую сторону и необходимость искать выход из тяжелейшей кризисной российской ситуации, в которой оказались и библиотеки, не воспринимается нашими зарубежными коллегами и мы выглядим в наших поисках по-прежнему как «отдельно взятая страна». Что же представляет собой это решение — неизбежную временную меру или наш специфический путь, которым мы можем гордиться, или некую стадию детской болезни в своем стремлении быть на какой-то стадии развития во всем не похожими на другие библиотеки, или же что-то совсем иное? А за этой проблемой возникает вопрос — насколько же наши

библиотеки являются публичными. Ведь многие зарубежные коллеги отказывают российским коллегам сегодня в самом праве называться так, и нельзя сказать, что оснований у них нет.

Современные российские публичные библиотеки не могут остаться в стороне и от процессов информатизации. Необходимость применения новых технологий, необходимость компьютеризации — очевидно, что это не требует дискуссий. Но не должны ли мы воспринимать возникающие в ходе внедрения компьютерных технологий проблемы во всей сложности и вследствие этого не впадать ни в одну из крайностей, то есть и участвовать, не впадая в эйфорию, в процессах информатизации, не пытаться, ориентируясь на привычные профессиональные ценности, противостоять ей. При этом следует осознавать следующее. Библиотека, будучи вовлеченной в процессы информатизации, будучи учреждением и институтом общества, работающим практически со всеми жителями страны, начинает не только предоставлять жителям своих регионов новые возможности. Она влияет на жизнь своих — уже не читателей, а пользователей, оказывая на их души не только положительное воздействие. Общение с виртуальным миром не может пройти бесследно. Как должна реагировать на это библиотека? Не замечать этого противоречия и вообще отмахиваться от него? Или учитывать его как явление само собой разумеющееся и пытаться искать новые пути достижения гармонии своими средствами? Не претендуя на исчерпывающий ответ, мы хотели бы поставить саму проблему и опять же начать, а в чем-то и продолжить уже на-

чатый в предыдущих номерах разговор. Нам хотелось бы показать, что зарубежные коллеги уже пытаются по-своему решать эту проблему. Так например, в Нидерландах возникла концепция тихой библиотеки. Во Франции много лет ведется кампания за «публичное чтение».

Во многих странах мира развитие компьютеризации сопровождается усилением роли библиотеки как культурного центра. Это можно сказать как о местных библиотеках — библиотеках коммун, так и о крупнейших библиотеках — национальных библиотеках. Это чрезвычайно интересная тема, требующая особого рассмотрения, и к ней мы предлагаем вернуться. В данном же случае нам хотелось бы затронуть один аспект этой темы: если библиотека является культурным центром и эта ее функция не только не теряет своего значения, а начинает интенсивно развиваться, то центром какой культуры является в таком случае библиотека? Этот вопрос не является только узко профессиональным. Библиотека и культура сегодня развиваются в обществе, в котором столь сильны именно деструктивные тенденции. В данном номере мы пытаемся выйти за рамки узко библиотечных проблем, но разговор о судьбах культуры и общества ведется именно в библиотеке.

Хочется надеяться, что предложенные публикации заинтересуют читателя, вызовут отклик и появятся новые работы, которые продолжат разговор на эту тему, как в данном номере уже продолжился разговор о детской библиотеке.

*Борис Володин,
научный редактор журнала*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ БИБЛИОТЕКАРЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКИХ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(материалы «круглого стола»)¹

В.Р. Фирсов:

Коллеги, практически все мы высказались, но у нас еще один достаточно самостоятельный вопрос, на который я предлагаю обратить внимание. Мы с вами в рамках нашего первого направления говорили о тех компонентах нашего профессионального сознания, которое собственно его институтирует. Один из основных компонентов профессионального сознания — это система общих профессиональных ценностей. Один из компонентов общих профессиональных ценностей — это система общих профессиональных поведенческих ценностей, в данном случае речь идет о профессиональных ценностях библиотекаря как работника, как профессионала. В настоящее время близится к завершению очень большая работа, которая проделана большим количеством специалистов-экспертов в этой сфере. Работой руководила Юлия Петровна Мелентьева. Это пока проект, но я надеюсь, что он примет документальную форму профессионального кодекса библиотекаря. Мы надеемся, что этот кодекс, в том числе и с нашей помощью, будет доработан. Как раз Руджеро Сергеевич говорил о механизме влияния в плане профессиональной консолидации наших библиотечных ассоциаций. Мы надеемся, что этот документ будет первым, который будет рекомендован для профессионального сообщества нашей Российской библиотечной ассоциацией в мае этого месяца.

Ю.П. Мелентьева:

Этот документ разрабатывался в рамках секции Российской библиотечной ассоциации с привлечением специалистов Московской библиотечной ассоциации, т.е. начал работать механизм, когда именно Ассоци-

ация, а не государство воздействует на наше профессиональное сознание и на формирование профессиональной общности. Второе, в чем я полностью поддерживаю Людмилу Николаевну: любое техническое оснащение профессии не предполагает забвения ее гуманитарной основы, т.е., на мой взгляд, происходит ее усиление, а значит, должно быть усилено внимание к этической стороне профессии. Позволю себе привести пример. Пешеход гораздо больше озабочен проблемой правил дорожного движения, чем человек, едущий в машине. На мой взгляд, человек, который оснащен техникой, должен еще больше думать о гуманитарной стороне своей профессии.

Я хочу немного рассказать о том, как мы работали над этим кодексом, потому что мне это представляется очень важным. Этот документ сложился далеко не сразу, мы над ним работали в течение 4-х лет. Что легло в основу кодекса? Я сразу хочу сказать, что этот кодекс явился тоже плодом желания войти в международную библиотечную общность, но не надо понимать, что это была мода и желание только следовать форме. Дело в том, что необходимость кодекса реально ощутима. Ведь что такое профессиональный кодекс? Профессиональный кодекс защищает профессиональное сообщество от государства и государство от профессионального сообщества. То есть профессиональный кодекс — это осознание своих границ и своего метода.

Профессиональный кодекс очерчивает границы нашего профессионального пространства. В основу работы над кодексом было положено три момента. Во-первых, были изучены профессиональные кодексы весьма многих профессиональных сфер. Это кодекс профессионального журналиста, ко-

торый был принят в 1993 г., кодекс коммуникатора, кодекс книготорговца и еще несколько кодексов, которые мы смогли найти.

Второе, мы достаточно хорошо изучили библиотечные кодексы, принятые в зарубежных странах. Нужно сказать, что некоторые страны уже на протяжении 100 лет имеют кодексы и живут по ним.

В частности, это американский кодекс профессиональной этики, кодекс профессиональной этики Великобритании, кодекс Дании, который сейчас разрабатывается, украинский кодекс, который был принят, и т.д. Поскольку разработка кодекса лежит в широком поле этических проблем, у нас были очень серьезные и глубокие консультанты. В частности, Юрий Анатольевич Шрейдер, он участвовал в двух наших семинарах и дал нам очень многое для понимания того, что мы должны были делать, а также доктор философских наук Евгения Анатольевна Яблокова, которая работает на кафедре профессионализма Академии госслужбы при Президенте. Эта кафедра связана с проблемами госслужащих, с проблемами профессиональной этики и т.д.

Я не могу не сказать, что очень хорошо сориентировал нас Шрейдер, дав емкую формулу: продуктом библиотеки является свобода от невежества. Это не педагогическая функция, это функция культурологическая, информационная. Кстати, когда я говорю, что библиотека — это не педагогическое учреждение, я ни в коем случае не хочу сказать, что она не выполняет в каких-то случаях педагогической функции. Библиотека так же, как семья, скорее, специализированное учреждение, которое не должно воспитывать в плане жесткого педагогического процесса, а должно помогать человеку решать его жизненные проблемы. Вот это та преамбула, которая мне кажется необходимой. Еще самое основное.

Мы рассматриваем этот кодекс как открытый документ так же, как это сделано в Великобритании, в Америке, когда кодекс изменялся и совершенствовался в течение всего этого столетия, идя вслед за изменениями самой профессии. Этот документ открыт для дальнейшего обсуждения, коррек-

тировки. В основе кодекса отработанные формулировки. Смысловое содержание кодекса профессиональной этики российского библиотекаря образует проблемное поле, компонентами которого являются: обеспечение доступности информации, отсутствие цензуры в отношении библиотечных материалов, конфиденциальность информационных запросов пользователя, обязанности в отношении пользователя и власти, руководства персоналом, взаимоотношения между коллегами и т.д.

Несмотря на то, что мы опирались на зарубежные кодексы, не надо думать, что мы не учитывали собственную специфику. Это будет отражено, вы почувствуете в одной из статей кодекса. Мы разработали документ, куда входит непосредственно сам кодекс, который состоит из восьми позиций. Но поскольку этот документ для России новый и для наших библиотекарей новый, то мы посчитали необходимым дать вступительную часть, которая говорит о том, почему возникла эта идея, как она возникла, что было положено в основу разработки, и прокомментировать каждую из этих статей. Он уже опубликован в первом варианте в Бюллетене РБА № 7, но в кратком виде. Также он опубликован в журнале «Библиотека», в «Вестнике Московской библиотечной ассоциации», в журнале для юношеских библиотек, который издает Республиканская юношеская библиотека. Он поставлен в Интернет на страницу ВГБИЛ. Я имела счастье быть на ИФЛА в этом году, и там я его представила. Мне обещали его опубликовать в IFLA Journal. Кроме того, будет публикация в НБТ, т.е. он достаточно хорошо представлен.

У нас была очень сложная ситуация, нам нужно было выйти на уровень такого обобщения, чтобы вложить все существующие проблемы взаимоотношения библиотечной профессии с властями, с коллегами и т.д. Еще такой момент — в Америке, в Англии эти кодексы написаны от имени сообщества. Психологи считают, что это более правильно, потому что человек присоединяется к мнению профессионального сообщества, и тем самым берет на себя какие-то обязательства, входит в него. Мы сознательно даем

¹Окончание. Начало см. «Петербургская библиотечная школа». — 1998. — №2;3/4

это пока в безличной форме, до того момента, как этот документ будет ратифицирован в Российской библиотечной Ассоциации. Если он будет принят, то формулировка будет изменена. Я прочту 8 положений без комментариев:

1. *Профессиональная деятельность российских библиотекарей направлена на создание условий свободного, беспрепятственного, равноправного доступа пользователя к информации через использование возможностей общемировых библиотечных ресурсов и материалов. Мы используем термин пользователь, как более приятный в Международном библиотекведении и, действительно, сегодня в библиотеке не только читатели, но и человек, который использует ее.*

2. *Российский библиотекарь противостоит цензуре библиотечных материалов и любым несправедливым способом противодействует их изъятию и уничтожению.*

3. *Российский библиотекарь рассматривает свободный доступ к информации как средство, способствующее развитию духовной жизни пользователя, как возможность его просвещения через приобщение к реальным ценностям мирового и национального значения. Мне кажется, что это положение должно снять противопоставление просвещенческой и информационной функций, потому что для России просвещение в традиции, и мы постарались учесть эту специфику.*

4. *Российский библиотекарь оберегает право пользователя на конфиденциальность его информационной деятельности, противостоит попытке кого бы то ни было осуществить над ней надзор, за исключением тех случаев, которые предусмотрены Конституцией РФ.*

5. *Российский библиотекарь признает и защищает все права на интеллектуальную собственность. Это очень важный момент, который приобретает особое значение.*

6. *Российский библиотекарь стремится к профессиональному совершенствованию, повышению уровня профессионального образования и компетенции.*

7. *Российский библиотекарь относится*

с уважением к коллегам, защищает их права, если они не противоречат этическим нормам, и способствует авторитету профессии.

8. *Российский библиотекарь заботится о высоком общественном статусе своей профессии.*

Я предлагаю комментарий к 8 пункту. Библиотекарь ищет возможности привлечь внимание всей общественности на социальную роль библиотеки. Библиотекарь завязывает контакты со всеми, кто осознает миссию библиотечной профессии и может помочь в ее реализации. Библиотекарь стремится привнести библиотечные знания по психологии чтения, социологии чтения, информационной грамотности в другие профессиональные сферы и сделать их достоянием широкого круга пользователей. Библиотекарь стремится создать открытую библиотеку, отвечающую задачам открытого демократического общества.

На мой взгляд, кодекс профессиональной этики — это тот инструмент, благодаря которому мы можем сформировать профессиональное сообщество, корпорацию, способствовать формированию профессионального сознания. Массовое библиотечное сознание с трудом принимает идею кодекса. Первый вопрос, который мне задавали на обсуждениях, что будет, если ты не будешь выполнять кодекс? Ничего, наверное. Но если ты себя считаешь профессиональным библиотекарем, ты должен стремиться присоединиться к документу, который признает Российская библиотечная ассоциация. Второй момент. Библиотечный кодекс — это документ.

Имеет ли он реальную почву, можно ли требовать от библиотекаря выполнения его от и до? У меня есть очень хороший аргумент, который мне подсказал Ю.А. Шрейдер, он сказал, что этический кодекс — это высокая планка для каждодневной нашей бытовой жизни, но этический кодекс нужен для того, чтобы знать, что мы нарушаем. И второй вопрос, который задается в любой аудитории: что же, если у меня читатель попросит Гитлера, я его тоже должен дать? Тут было одно выступление, которое позволяет мне разглагольствовать на эту тему.

Да, если есть такой запрос, мы обязаны его удовлетворить. Но это совсем не значит, что мы должны выставлять эту книгу на первую полку или пропагандировать. С этим кодексом мы, конечно, опоздали по сравнению с другими странами на 100 лет. В

журнале ИТБ вместе с нашим кодексом будет опубликован кодекс, разработанный Университетом Мемфиса. Это кодекс работы в Интернет, в котором этические вопросы авторского права, открытости будут стоять на первом месте.

У нас есть перспективы развития нашей деятельности. В основе лежат три момента: духовное развитие личности, интеллектуальная свобода и свобода выхода к информации.

И.Л. Клим:

Там, где вы говорите о доступе, мне кажется, что слово «комфортное» — это что-то вроде американизма. Можно сказать «удобно», это звучало бы для русского уха лучше. Ведь речь идет не о том, чтобы в кресле сидеть, а чтобы удобно работать. Может, я не права.

Ю.П. Мелентьева:

Вы не совсем правы, потому что сложился термин «комфортный доступ». Есть несколько статей по этому поводу, и понятие «комфорт» предполагает не только комфорт чисто физический, но и удобный, удобное расположение информации в каталоге, и кресло тоже, и режим работы. Как сказал Ю.Н. Солонин, когда я прихожу в библиотеку, я натываюсь на всевозможные барьеры, начиная с барьеров физических, кончая барьерами нежелания библиотекарей идти навстречу. У нас этот момент нежелания идти навстречу, ощущение своей власти — очень распространен.

Это тоже проблема профессиональной этики. И то, о чем говорила здесь Светлана Николаевна Иконникова, когда библиотекарь ленится встать на ступеньку и достать книгу с последней полки, это тоже нарушение профессиональной этики, потому что библиотекарь-профессионал не должен так поступать. Мне сказали, что существует термин «профессиональная честность».

Честность бывает как бы общечеловеческая, но мне представляется, что такой термин вполне возможен, т.е. человек выполняет честно свои профессиональные обязанности и никогда не откажет человеку в информации, если может ее предоставить. Я хочу упомянуть еще один момент, который не принимается библиотекарями. Например, очень плохо понимается этот пункт: свободный, беспрепятственный доступ к любой информации. Мне сразу говорят, что вот у меня небольшая сельская библиотека, и как я могу осуществить этот свободный, равноправный доступ к мировой цивилизации.

Библиотекари очень плохо себе представляют возможность включения в систему. Эти возможности есть. И когда тут говорили, что мы находимся в самом начале компьютеризации, автоматизации, это не совсем верно. Я была на семинаре в ГПНТБ и просто получила информацию нового качества.

Во-первых, там называлась цифра: более десяти тысяч библиотек России находятся на той или иной стадии подключения к мировым сетям. Кто-то покупает компьютеры, кто-то уже вошел в Интернет. Может, вы слышали, что ГПНТБ идет впереди многих библиотек. Она подключилась к OCLC, организовала международный информационный фонд, который является совместным американско-российским плюс некоторые наши республики СНГ. Фонд зарегистрирован в США, что дает возможность получать американские деньги и на эти деньги фонд развивать.

Суть этого фонда в обмене информационными ресурсами. Он предполагает стажировки. Обмен преподавателями.

Этот процесс очень бурно идет, мы зря думаем, что небольшие библиотеки остаются вне его.

Р.С. Гиляревский:

Можно конкретный вопрос? Вот по этому кодексу в библиотеку можно принести ноутбук и сканер.

Ю.П. Мелентьева:

Пожалуйста.

Р.С. Гиляревский:

Ни в одной нашей библиотеке нельзя. Вот у меня сканер, это не портит книгу, это ничего с ним не делает. Нельзя!

Ю.П. Мелентьева:

Вот, пожалуйста, здесь написано: для удовлетворения запроса пользователей библиотекарь использует все доступные ему возможности, включая обращение к фондам, к базам информации других библиотек, организаций, в т.ч., по возможности, международных через систему межбиблиотечного абонемена, Интернет, OCLC и т.д. Ваш вопрос мне, вполне возможно, поможет уточнить этот момент.

О.С. Либова:

Это вопрос авторского права. В Петербурге был конкретный случай. Сестра Ольги Берггольц подала в суд на выпуск 3-томного собрания сочинений, потому что в 3-м томе были, с ее точки зрения, искажения, нарушения. Процесс она выиграла, в решение суда было занесено, что третий том подлежит уничтожению, поскольку были нарушены авторские права. Но этот третий том находится в библиотеке, в частности, даже в нашей. Ей неприятно, что этот том фигурирует в нашей библиотеке в литературном зале и на читательском абонементе. Она обращалась к нам с этим вопросом.

Ю.П. Мелентьева:

Я думаю, что вы должны удовлетворить ее просьбу, изъять и уничтожить. Это сложный вопрос. Вы поймите, что кодекс — это такой документ, который не может учесть все возможные ситуации. Он только дает ориентиры для решения таких сложных проблем.

В.Р. Фирсов:

Коллеги, мы с вами говорим о кодексе профессиональной этики. Этика — это всегда акт свободного волеизъявления, свободный акт выбора или иной формы поведения, что касается таких конкретных вопросов, конечно, они находятся за пределами кодекса. Это система профессиональных ценнос-

тей, которыми мы руководствуемся при принятии решений, осуществляя конкретные действия. Мы можем следовать им, можем — не следовать.

Поэтому я предлагаю не углублять дальнейшее обсуждение за счет такого рода конкретных ситуаций.

Ю.П. Мелентьева:

В то же время я хочу призвать всех, если у вас есть какие-то соображения, замечания, мысли по этому поводу, еще не поздно их нам прислать. Это открытый документ. Мы его будем постоянно обдумывать.

Д.К. Равинский:

Юлия Петровна, это кодекс для всех библиотек, и для медицинских тоже?

Ю.П. Мелентьева:

Да.

Д.К. Равинский:

А там совсем другое. Человек находит литературу и там свой приговор. Это должно быть запрещено.

Ю.П. Мелентьева:

Во-первых, в медицинских учреждениях есть два вида библиотек. Это специальные библиотеки для врачей, в которых собрана медицинская профессиональная литература. Я же не говорю, что нужно показывать больным истории болезней.

И.Л. Клим:

Этика существует, действительно, разная. Прежде, чем начинаешь в Америке работать, тебя очень много инструктируют. Тебе говорят, может ли ты дать стакан воды человеку, если он попросил. Оказывается, что не можешь.

Что касается юридической и медицинской информации — ты не можешь ответить на вопрос юридический или медицинский. Библиотекарь не может по телефону ответить, как принимать эти лекарства, хотя все лекарственные справочники есть в библиотеке. Это выходит за пределы этики.

Дело в том, что нам обязательно надо иметь этику, особенно, по авторскому пра-

ву. Но соблюдение этических норм во многом относится к проблеме, которая в Америке называется Library practices. Это несколько томов в библиотеке, которые предписывают вам профессионально, что вы должны по ступеньке подняться, иначе вас уволят. Если вам что-то надо взять, это предписано процедурой.

Этика поддерживает нас в уважении к нашей великой миссии. И общество видит, что мы делаем что-то большое. А вот чтобы читатели по ступенькам поднимались, надо чтобы в библиотеке были правила, что читатели должны делать, потому что люди очень разные.

Было бы чудно, если бы все мы были воспитаны на самой лучшей христианской этике.

П. Ричардс:

Мне было интересно, что вы обсуждаете открытый документ, и этот документ защищает библиотекаря против правительства, т.е. против власти.

Ю.П. Мелентьева:

Памела, здесь у нас некоторая специфика, связанная с тем, что мы против того, чтобы на библиотеку были возложены идеологические функции.

П. Ричардс:

В Америке главные функции кодекса — это нас защитить от публики. Я вам скажу почему. Я говорю о практических функциях. Мы помещаем наш кодекс на открытом месте, где все могут посмотреть его.

Случается, что например, мама видит дома, что ребенок читает, с ее точки зрения, порнографию. Мама возвращает это в библиотеку и протестует, что в библиотеке есть такие книги, и библиотекарь виноват, что эта книга у ребенка.

Мы можем показать наш кодекс, что это общедоступная библиотека. Я знаю, что вначале этот кодекс не был создан для подобной функции, потому что он служил во время второй мировой войны, чтобы защитить нас против фашизма, но на практике он нас защищает от большой активности со стороны публики.

Ю.П. Мелентьева:

Да, это очень ценное замечание, наверное, его надо как-то учесть и даже что-то включить.

В.Р. Фирсов:

Мы с вами говорили о том, что основные компоненты профессионального сознания — общий язык, цели, ценности, правила. Это наше совместное действие как раз показало всплеск, проблеск этого сознания. Я хочу предоставить слово для завершения руководителю научно-исследовательского отдела Б.Ф. Володину, потому что именно этот отдел и, прежде всего, наши специалисты — Л.Н. Гусева и Е.В. Смолина, готовили этот «круглый стол».

Б.Ф. Володин:

Я не претендую на то, что я выражу общее мнение, наверное наша трибуна еще открыта и каждый еще может выступить. Наверное, сегодня от «круглого стола» мы и не ожидали методических рекомендаций. Все участники сегодняшнего «круглого стола» были активны, и лично мне было очень интересно. Наш «круглый стол» был новым шагом в постижении непростых проблем, связанных с философией библиотечного дела.

Год назад мы впервые провели в этом же зале «круглый стол», в котором принимали участие также многие участники сегодняшнего «круглого стола». Он был проведен иначе. Это были доклады, между которыми были попытки поспорить, задать вопросы, но все-таки формула более традиционная.

В промежутке между тем и сегодняшним «круглым столом» была еще одна попытка провести «круглый стол» в Москве. Он проходил в Доме дружбы, который сейчас называется Домом Европы, в конце июня и был также очень традиционен по форме. Шел три часа.

Это были заранее заготовленные доклады, но дискуссии там не было, она не была предусмотрена.

Сейчас наше обсуждение показало, насколько полезна может быть встреча, если она не заформализована, рассчитана больше на обмен мнениями.

Я особо хочу поблагодарить наших московских коллег: Руджеро Сергеевича, Юлию Петровну и Марию Ивановну, которые приехали сюда в период безденежья наших организаций. Ваше участие было плодотворным и полезным для нас.

Особая благодарность Памелле Ричардс, которая эти месяцы находилась с нами. Спасибо нашей Академии культуры, с которой мы связаны тесными узами. И тот журнал, в котором будут опубликованы материалы «круглого стола» назван так не случайно, потому что Петербургская библиотечная школа — это, прежде всего, наша Академия культуры. Мы — ваши выпускники, коллеги.

К сожалению, к концу нашей встречи ни одного из философов с нами нет. Это просто случайное совпадение обстоятельств. Конечно, особая благодарность той библиотеке, которая нас принимает.

Прежде всего, Владимиру Руфиновичу, который, будучи философом по базовому образованию, заинтересован в обсуждении этих проблем. И мы это ощущаем.

Особенная благодарность Екатерине Николаевне Бережковой, которая приехала из еще более отдаленного региона.

Хотел бы выразить надежду на то, что «второй стол» не будет последним. Может быть, мы сегодня выскажем еще свои пожелания относительно следующей встречи, самой темы.

Наши коллеги, которым я тоже хотел бы выразить благодарность, Елена Викторовна и Людмила Николаевна, которые взяли на себя основную нагрузку и подготовку, хотели бы посвятить следующую встречу проблеме библиотечного образования, но это проблема очень широкая.

Наверное, можно было бы конкретизировать эту тему. Может быть, нам изменить форму, не встречаться за «круглым столом», а выбрать какую-то другую форму, совершенно нетрадиционную. Например, «мозговую атаку». Я не исключаю такой формы, но для этого нужен совершенно другой сценарий, совершенно другая подготовка.

Кроме того, есть и другие формы, которые мы не используем. Это телекоммуникационные формы.

Л.Н. Гусева:

Я принимаю, критические замечания к организации «круглого стола». Задумывая философские «круглые столы», мы исходили из понимания философии как переосмысления наших стереотипов и представлений, т.е. каких-то сущностных моментов. Я сейчас слушала и пыталась анализировать результаты. Вижу, что есть определенные стереотипы в нашем профессиональном сознании и о самой философской деятельности, которые нам мешают выйти на философский уровень переосмысления своих собственных представлений о библиотеке и о ее месте в обществе. Я согласна, что нужно учитывать аудиторию, подготовленность к таким обсуждениям, надо, наверное, конкретизировать темы, но все-таки не хотелось бы, чтобы мы опускались на уровень научно-практических конференций, на уровень обсуждения очень конкретных и частных проблем.

Эта тенденция все-таки есть, присутствует здесь и это понятно. Действительно, нужно конкретизировать темы, но все-таки на будущее давайте попытаемся взглянуть на проблемы, которые нас волнуют, несколько шире, глубже, с точки зрения того, что мешает нам самим в нашей деятельности взаимодействовать с обществом, т.е. все-таки оставаться на уровне философских обсуждений, где каждый имеет право на истину. Это просьба ко всем участникам на будущее.

Е.Н. Бережкова:

Мне очень приятно, что Людмила Николаевна и Елена Викторовна пригласили меня на этот «круглый стол». Я считаю, что форма, которую нашли в РНБ, самая удобная сейчас, потому что живой общение ничем не заменишь: ни телекоммуникациями, ни публикациями, подготовленными сообщениями.

Прелесть этих совещаний заключается в том, что истина рождается спонтанно и ты при этом присутствуешь. Роскошь общения именно в том и проявляется. Мне очень хочется поблагодарить всех участников, потому что такого шикарного общения мы лишены там, у себя.

НАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ БИБЛИОТЕКИ: ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНЕНИЯ

*М.Ю. Матвеев — научный сотрудник
научно-исследовательского отдела библиотековедения РНБ,
канд. пед. наук, автор многочисленных публикаций
по истории библиотечного дела*

В настоящее время становится актуальным изучение «белых пятен» отечественной истории. Сейчас, на переходном периоде, перед российскими библиотеками стоят проблемы, похожие на те, что были у большинства дореволюционных библиотек: проблемы финансирования и комплектования, привлечения читателей в библиотеки и др. В то же время, как отмечается в некоторых публикациях, современный библиотеквед практически ничего не знает ни о земствах, ни о просветительных обществах, не говоря уже о других учредителях библиотек.

В данной статье предпринимается попытка сравнения народных библиотек с современными общедоступными (до недавнего времени массовыми) библиотеками по ряду параметров (количественные показатели, наличие сходных проблем, отдельные моменты обслуживания читателей). Из-за ограниченного объема статьи в ней рассматриваются не все возможные аспекты сравнения народных библиотек с общедоступными библиотеками, а только некоторые из них.

1. Количественные показатели

Безусловно, со времен существования народных библиотек в библиотечном деле очень многое изменилось. Несравнимо больше стали фонды библиотек, совершеннее стал справочно-библиографический аппарат, увеличилось общее число библиотек и т.д. Между тем в деятельности дореволюционных библиотек и библиотек современных можно найти и некоторые общие черты. В качестве примера можно рассмотреть

результаты исследования «Библиотека в новой книжной ситуации», проведенного Российской Государственной библиотекой в 1993—1994 гг. Данное исследование показало следующее.

1. Призывы к стопроцентному охвату населения библиотеками были утопичны. В 1994 г. библиотеками пользовались лишь 20% жителей (20, с.34). В дореволюционной России к 1913 г. народными библиотеками пользовалось около 10% грамотного населения, а в пределах отдельных губерний — 3-4% от числа всех жителей (18). Но при этом надо еще учитывать, что общее количество библиотек в то время было гораздо меньше, чем сейчас. Имея в виду также и ту ситуацию, в которой находились народные библиотеки, следует признать, что для своего времени они сделали не так уж и мало.

2. 49,5% опрошенных составили лица, разочаровавшиеся в библиотеке, то есть те, кто был записан прежде, но больше не собирается ею пользоваться по разным причинам. При этом более половины всех читателей (56,3%) были записаны в библиотеку год — полтора, 22,3% — 2-3 года, а 5 лет и более — только 14,2% (20). Сходная ситуация наблюдалась и до революции. В отчетах большинства народных библиотек отмечалась значительная «текучесть читательского состава». За год состав читателей успевал обновиться на 40-50%, и количество лиц, разочаровавшихся в библиотеке, примерно соответствовало современной цифре.

3. 37% молодежи стремятся обойтись без библиотек, а 30,5% опрошенных заявили, что никогда не были записаны в библиотеку. При этом в группе, которая стремится

обойтись без библиотек, есть представители всех слоев населения. «По-видимому, здесь мы имеем дело со специфическим проявлением отношения к библиотеке, как объекту, малозначимому для личности и поэтому не включенному в сферу ее культурной жизни» (Там же, с.34). Похожие высказывания встречаются и в дореволюционных изданиях, т.е. народные библиотеки тоже не могли существенно повлиять на мировоззрение «читателя из народа», не говоря уже о более образованных слоях населения. И в том и в другом случае библиотеку покидали те, кто не находил в ней нужных книг, кто резко ограничивал чтение или прекращал читать вообще.

4. В исследовании РГБ отмечается и влияние общественных процессов. 26,3% опрошенных заявили, что у них нет времени, чтобы ходить в библиотеку.

Аналогичные высказывания весьма часто звучали и в адрес народных библиотек, причем причины назывались схожие, а именно: поиск дополнительного заработка, работы в садово-огородном хозяйстве и др. (Напр. см. 28-30). (Вообще период развития капитализма в России имеет некоторые общие черты с нынешней эпохой рыночных реформ).

5. Число читателей-учащихся из-за введения новых школьных программ, создания новых учебных заведений, не имеющих библиотек и других причин достигло 50,6%. При этом читатели 15-18 лет составляли 32,7% от общего числа читателей, а молодежь от 19 до 21 года — 15,6% (20). Подобные цифры приближаются к показателям, которые имели народные библиотеки (33, 41, 52).

Во всяком случае, в современных общедоступных (массовых) библиотеках, как и в дореволюционных народных, наиболее непрочен средний слой читателей, а преобладают в основном учащиеся в сочетании с людьми пенсионного возраста, нередко проявляющими большой интерес к чтению.

Помимо перечисленных выше пунктов, для сравнения дореволюционных библиотек с современными можно использовать данные и из других публикаций. Приведем некоторые из них.

1. Художественная литература в массовых библиотеках составляет 50% книговыдачи и самого фонда (10, с.55). Довольно схожая картина наблюдалась и в дореволюционных библиотеках (17, 22, 33, 47).

2. Процент неудовлетворенного читательского спроса в массовых библиотеках по разным источникам составляет от 40 до 90% в зависимости от автора книги и ее темы (14, с.35; 57, с.18; 65, с.55). В дореволюционных библиотеках тоже отказывали часто — примерно каждому третьему посетителю, а то и каждому второму. (Справедливости ради надо отметить, что читатель того времени был куда менее требователен, чем современный посетитель библиотеки.)

3. От 30 до 50% фонда массовой библиотеки читателями практически не используется (57, с.18). Аналогичная картина была и в народных библиотеках, разве что процент неиспользуемых книг иногда поднимался несколько выше этих цифр (18, 22, 47 и др.).

4. Надежд на расширение зоны деятельности библиотек в настоящее время довольно мало. При этом отсутствие надежд связано не столько с падением интереса к чтению и неудобным расположением библиотек, сколько с уже упомянутым недостатком времени у читателей, плохим составом библиотечного фонда и с использованием личными библиотеками и другими источниками информации (57, с.23). Именно так обстояло дело с народными библиотеками — они не могли повлиять на повседневную жизнь народа и не располагали хорошо подобранными фондами. Кроме того, даже сравнительно хорошие народные библиотеки не могли противостоять такому источнику информации, как лубочная литература. Как отмечалось на первом общеземском съезде по народному образованию, «в деятельности наших народных библиотек за небольшим исключением в настоящее время существует какая-то ненормальность, что чувствуется и сознается всеми, кто сколько-нибудь близок к этому делу... Устраиваются народные библиотеки, наполняются хорошими книгами, лучшими произведениями родных писателей, а народ в библиотеки мало ходит, книг этих почти не

берет и совсем ничего не читает, или читает что-то свое, достает где-то там из другого источника» (23, с.1).

2. Народные и общедоступные библиотеки: сходство некоторых проблем 2.1. Организация библиотек

Рассматривая деятельность дореволюционных и современных библиотек, можно обнаружить не только сходство отдельных количественных показателей, но и сходство проблем, стоящих перед библиотеками. Это относится как к самой организации библиотек, так и к непосредственному обслуживанию читателей. Что касается общих вопросов организации библиотек, то здесь можно выделить следующие моменты.

1. Как уже говорилось выше, период рыночных реформ имеет общие черты с периодом развития капитализма в России.

По мнению В.Д.Стельмах, «... очевидно одно — в условиях неразработанности новой культурной стратегии судьба библиотек оказывается полностью зависимой от весьма субъективных и изменчивых слагаемых — стечения обстоятельств, разумности и интеллигентности местного начальства, авторитетности руководителей культуры и т.д.» (57, с.25).

В подобном же положении были и народные библиотеки, и, если исходить из опыта их деятельности, никаких мало-мальски оптимистичных выводов по поводу современной ситуации сделать нельзя (1, 34).

2. Как отмечает В.Осипова, важно не столько количество библиотек, сколько их привлекательность для читателей. В советскую эпоху темпы роста числа библиотек значительно опережали темпы роста библиотечных ресурсов, и последствия этого продолжают оказывать влияние на общую ситуацию в библиотечном деле (43, с.25). Между тем надо отметить, что и до революции число библиотек возрастало довольно быстрыми темпами, а их фонды были очень бедными.

Другими словами, проблема тогда состояла в следующем: либо необходимо сравнительно небольшое число хорошо организованных и обеспеченных библиотек, либо

необходимы более скромные библиотеки, которыми, однако, можно охватить всю территорию страны. Нельзя сказать, что до революции было достигнуто единое мнение по этому вопросу, но само развитие библиотечного дела пошло все-таки по второму варианту (33, 52).

3. По мнению С.Г. Матлиной, коммерческая деятельность библиотеки сама по себе не является криминалом, но здесь очень важно то, что именно становится во главу угла — интересы населения региона или интересы самой библиотеки: «Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что постоянная борьба за безбедное существование, связанная с наращиванием доходов, рано или поздно приводит к конфронтации с пользователями» (32, с.46). И действительно, если рассматривать деятельность дореволюционных библиотечных обществ и советов, то становится очевидным, что основное внимание они уделяли проблеме поиска средств для библиотеки и гораздо меньше задумывались над запросами «читателя из народа» (1, 44 и др.).

Что же касается общих собраний читателей, то они мало что могли сделать, поскольку решающее слово все-таки было за учредителем библиотеки.

4. Складывается впечатление, что интерес к чтению вне библиотеки возбудить чрезвычайно сложно: «В области книги чрезвычайно неэффективным оказалось воздействие основных институтов социализации: школы и семьи. Школа принуждает к временному контакту с книгой, но не создает других образцов читательского поведения, кроме обращения к книге по обязанности».

Семья не укрепляет влияния школы, не увеличивает и не обогащает образцов чтения, критериев оценки, набора произведений, стоящих внимания. Создаваемые ею образцы чтения оказываются кратковременными и действуют в ограниченном общественном пространстве. 92% сельской молодежи в возрасте 15—17 лет читали книги, а 10 лет спустя только половина этих лиц имела контакты с книгой «(3, с.115). Земские деятели в свое время столкнулись с очень похожей проблемой, и в этом отно-

шении весьма актуально звучит вывод о том, что учитель в любом случае должен обладать навыками библиотечной работы и знакомить учащихся с деятельностью библиотек (напр. см.: 60). Здесь, однако, необходимо учитывать несколько аспектов:

а) Как сообщается в современных публикациях, учителя в большинстве своем поддерживают контакты с библиотекой и не прибегают к их услугам по развитию у детей навыков поиска и переработки информации (62, с.42);

б) Несмотря на то, что народным библиотекам в какой-то степени было легче решать проблему взаимодействия школы, семьи и библиотеки (поскольку они нередко располагались при школах, а их библиотекарями были местные учителя), нельзя сказать, что они в этом отношении добились существенных результатов. Действительно, чтение не проникало глубоко в народную толщу, да и происходило оно либо в связи с учебой, либо по определенной «инерции» после окончания учебных заведений.

5. Общие черты у общедоступных (массовых) и народных библиотек можно найти и в самой истории их развития. Во всяком случае, как отмечает М.Я.Дворкина, «пожалуй, массовая библиотека имеет своим аналогом в прошлом народные библиотеки. Именно в народной библиотеке фонды были сформированы так, как хотели их учредители. Конечно, это тоже была довольно идеологизированная библиотека. Во многом, наверно, массовая библиотека явилась продолжателем народной» (31, с.117).

2.2. Обслуживание читателей

Применительно к обслуживанию читателей в деятельности дореволюционных и современных библиотек также можно найти сходные моменты.

1. Как отмечают современные авторы, сегодня библиотека — не родной дом для читателя, а скорее элитарный клуб хранителей письменной культуры (57, с.19; 31, с.106). Классификация фондов и система каталогов мало понятна читателю, и в конечном итоге, по мнению М.Д. Афанасьева, библиотекарь сам придумывает себе

библиотеку (31, с.121). Действительно, «...при нынешнем уровне библиографической грамотности воспользоваться даже самым совершенным СБА может далеко не каждый читатель» (39, с.71). Современный читатель, как и «читатель из народа», считает библиотеку официальным учреждением: «...Несмотря на внешнюю демократичность официальных библиотечных постулатов «общедоступность», «бесплатность», «универсальность» и т.д.), массовая библиотека интуитивно осознается читателями как чужая, не ими созданная и не им предназначенная» (57, с.17).

Хуже всего то, что здесь невозможно дать какие-либо рекомендации, основанные на опыте работы народных библиотек. Действительно, как ни старались просветители-интеллигенты, народ не считал народные библиотеки своими, и не помогало ни создание библиотечных обществ, ни привлечение читателей к делам библиотеки (8, 22, 33, 54).

Можно сказать, что это было извечное недоверие народа ко всяким посторонним инициативам, пусть даже и просветительного характера. Кроме того, библиотеку вообще трудно считать своей, когда в ней налицо разрыв спроса и предложения, запросов читательской аудитории и комплектования фонда.

2. В настоящее время происходит расслоение читательского восприятия библиотеки: «На одном полюсе — ценностная модель библиотеки, свидетельствующая о ее высоком символическом статусе, на другом — негативная оценка возможностей библиотеки и отход от нее интеллектуальной элиты» (57, с.23). Нечто подобное происходило и с дореволюционными библиотеками — с одной стороны, «читатель из народа», как и читатель из более образованных слоев населения, относился к ним довольно уважительно, а с другой стороны, уже существовал читательский стереотип, что «в библиотеке хороших книг не получишь», вполне применимый и к сегодняшнему дню. Можно назвать две причины такого положения, характерные как для дореволюционных, так и для современных библиотек. Во-первых, библиотекари мало уделяют внима-

ния конкретному читателю и выполняют только «механическую работу» по выдаче книг. Во-вторых, библиотеки испытывают большие трудности с комплектованием. Опыт дореволюционных библиотек недвусмысленно свидетельствует, что если библиотека не пополняется новыми книгами один-два года, в ее деятельности наступает застой; если книг нет два-три года, то библиотека начинает терять читателей; а если такое положение растягивается на 3-4 года, библиотека закрывается. При этом, как говорилось выше, дореволюционный читатель был еще не очень требователен...

3. Как до, так и после революции целью библиотечной деятельности нередко ставилось гармоническое развитие личности читателя, но ни в том, ни в другом случае этот постулат не был конкретизирован применительно к работе библиотек. По мнению Л.А. Панфиловой, деятельность библиотеки скорее уж должна строиться таким образом, чтобы библиотека помогала читателю принимать жизненно важные решения (46, с.36). С этим в принципе можно согласиться, но надо сказать, что такой подход может привести к довольно неожиданным результатам, а именно к искусственному завышению в глазах читателей возможностей библиотеки.

Так, например, простодушные «читатели из народа» нередко ставили библиотекарей в тупик желанием получить такую книжку, «чтобы от нее земли было побольше, а податей поменьше» (49). Одной из особенностей современного периода как раз и является то, что у библиотеки нет реального, четко определенного места в обществе, а контакты библиотеки с действительностью очень запутаны.

4. Положение, складывающееся в современных библиотеках, таково, что «большинство читателей не испытывает потребности в общении с библиотекарем. И не потому, что открытый доступ позволяет им самим во всем разобраться, а потому, что библиотекарь стал «должностным лицом», чиновником со своими задачами и функциями, которые не совпадают с проблемами посетителей библиотеки» (71, с.37). До революции в сознании читателя библиотекарь

тоже был «должностным лицом», к которому неудобно было обращаться, равно как неловко было и просто зайти в библиотеку. Поэтому актуально звучат высказывания земских деятелей о том, что библиотека в первую очередь должна привлечь к себе внимание читателей и предоставить достаточно подробную информацию о своей деятельности (48).

5. В современной общедоступной библиотеке, как прежде в народной, качество обслуживания практически не стимулируется (24, с.69; 25, с.53). (Правда, в дореволюционных библиотеках была все-таки отчетность перед пользователями.) Что же касается директивных мер, то дореволюционный вывод о том, что заработную плату библиотекаря нельзя ставить в зависимость от статистических показателей библиотеки, практически в неизменном виде повторяется и в современных изданиях (напр. см.: 14, с.41; 64, с.8).

6. Как сообщается в современных публикациях, первейшая ошибка тех массовых библиотек, которые обслуживают одновременно и детей, и взрослых — это отсутствие дифференциации в отношении работы с детьми, причем представление об отсутствии различий между читателем-ребенком и взрослым читателем прочно утвердилось в профессиональном сознании (62, с.42; 63, с.19). Как отмечает Л.Н. Фомина, «И читатель-взрослый, и читатель-ребенок стали для библиотек объектом воздействия, воспитания и формирования, ведь в профессиональном багаже библиотекаря были не знания о человеке, а теория руководства чтением, для которой любые читатели, все люди — всего лишь объекты, следовательно, разница между ребенком и взрослым только в том, что один объект большой, а другой маленький» (62, с.41). Учитывая сказанное выше, можно прийти к выводу, что массовые библиотеки повторяют недостаток, который был характерен и для дореволюционных библиотек. «Читатель из народа», как впрочем, и «интеллигентный» или «полуинтеллигентный» читатель в глазах библиотекарей того времени были довольно-таки «моноклассными» понятиями, и до дифференцированного подхода в отноше-

нии обслуживания детей и взрослых дело не доходило (6, 8, 35, 41). В определенной степени это было связано с тем обстоятельством, что до революции психология как наука еще не пришла к выводу, что ребенок не есть маленький взрослый (61, с. 100). (Однако что касается самого открытия библиотек, то здесь подход был более правильным — создавались школьные библиотеки, народные библиотеки, обслуживающие детей и взрослых, публичные библиотеки для удовлетворения «запросов повышенного типа», наконец, детские библиотеки, которые выделялись как самостоятельные учреждения из состава публичных библиотек).

7. Из предыдущего пункта вполне логично вытекает вывод и о более общей проблеме, одинаковой как для народных, так и для общедоступных (массовых) библиотек, а именно о том, что и те и другие библиотеки ориентированы не на конкретного читателя с его индивидуальными потребностями, а на некую усредненную массу с однотипными запросами (15, с. 7).

Впрочем, относительно массовых библиотек у современных авторов нет полного единодушия. Одни из них, как, например, М.Я. Дворкина, Б.Ф. Володин, О.В. Осипова, считают, что массовые библиотеки не нацелены на выполнение запросов конкретного читателя, а другие (Г.П. Фонов) придерживаются противоположного мнения (58, 65). Но так или иначе, трудно не согласиться с тем, что массовые библиотеки (как в свое время и народные) весьма похожи друг на друга и по внутренней структуре, и по штатной численности, и по качеству фондов (58, с. 10).

Надо сказать, что дореволюционные деятели в области народного образования понимали всю сложность такого положения и пытались найти пути выхода из создавшейся ситуации.

В этом отношении из дореволюционного опыта развития библиотек можно выделить идею неповторимости каждой конкретной библиотеки, что вполне созвучно и современному периоду (32, с. 46).

С одной стороны, по мнению дореволюционных авторов, у библиотекаря должны быть творческий подход к своему делу и же-

лание решать все проблемы своими силами (48).

С другой стороны, неповторимость каждой библиотеки нередко увязывалась с краеведческим подходом в обслуживании читателей, то есть библиотекам теми же земскими управами рекомендовалось собирать литературу о крае, а также устраивать при библиотеке музей местной природы и быта. Другое дело, что подобные земские проекты чаще всего так и оставались только проектами и на их осуществление у библиотек не было ни средств, ни подходящих помещений.

Что же касается видового многообразия народных библиотек (их открывали различные учреждения и частные лица), то оно в значительной мере сводилось на нет существовавшими до революции жесткими правилами о народных библиотеках, едиными практически для всех народных библиотек.

3. Различия в деятельности дореволюционных и современных библиотек

Как было показано выше, в деятельности дореволюционных и современных библиотек можно найти сходные проблемы, однако не менее важно отметить и принципиальные отличия этих библиотек друг от друга. Сводятся эти различия к следующему.

1. Как отметил В.И. Харламов, хотя в сознании библиотекарей и есть определенные компоненты, мало меняющиеся со временем (сохранение надежд на государственное решение библиотечных проблем, подозрительное отношение к книжному рынку и легкому чтению и т.д.) все же надо признать, что и читатель, и общество существенно изменились с течением лет (67, с. 31-33).

По сравнению с дореволюционным временем неизмеримо выше стал уровень грамотности читателей, и, кроме того, изменился и их непосредственный состав.

Так, например, в современных библиотеках 2/3 читателей составляют женщины, в то время как в народных библиотеках все было наоборот, причем в немалой степени это было связано как раз с грамотностью населения (20, с. 35).

2. Существенные различия заключаются

и в самом образе библиотекаря, который существует среди самих библиотекарей (в профессиональной печати) и в общественном мнении. Действительно, в XX в. обслуживание читателей стало развиваться по конвейерному принципу, и тот человек, который непосредственно выдает книги, в профессиональном сознании библиотекарей стал менее значимой фигурой, чем другие специалисты.

Более того, из-за снижения образованности библиотекаря по сравнению со многими читателями и узкой специализации у идеи свободного просвещения теряется база (16, с. 15). В XIX — начале XX в. все-таки существовал образ всезнающего (и весьма уважаемого населением) библиотекаря, для которого было делом чести ответить на все запросы читателя.

Между тем сами библиотекари относились к своей работе очень критически и были даже склонны выделять преимущественно негативные моменты в деятельности библиотек, а не позитивные. Что же касается современной ситуации, то статус библиотечной профессии в общественном сознании очень низок, чего, пожалуй, нельзя сказать про профессиональное сознание библиотекарей (16, с. 16-17).

3. Существенно возросли и дифференцировались запросы читателей по сравнению с дореволюционным временем. Так, например, острая нехватка литературы в современных библиотеках, по мнению их посетителей, приходится на следующие издания: детективы упомянули 35,6% читателей, литературу по различным увлечениям — 33,4%, приключенческие книги — 26,9%, фантастику — 25,7%, книги по специальности — 18,5%, зарубежную классику — 14,7%, религиозную литературу — 12,5%, издания общественных движений — 10,8%, справочники — 10,8% (57, с. 20). Здесь можно обратить внимание на два момента — на широкий круг запрашиваемой литературы и довольно равномерное распределение предпочтений между различными жанрами. Подобной ситуации в дореволюционных народных библиотеках не было. В них существовал в основном неудовлетворенный спрос на авантюрно-приключенческую ли-

тературу, а все остальные направления не были достаточно четко оформлены (17-18, 33).

4. В современных условиях более заметной стала и разница между читательскими группами и вкусами этих групп, даже если их выделять только по профессиональному признаку. Кроме того, здесь надо учитывать и то обстоятельство, что современные библиотеки все-таки обладают значительно большим потенциалом, чем дореволюционные, в которых из-за очень бедного фонда особой разницы в запросах читателей и быть не могло.

4. От народной библиотеки к публичной и от массовой — к публичной: сходство и различие

Если обобщить сказанное выше, то можно прийти к выводу, что существенное сходство между народными и массовыми библиотеками заключается в довольно пессимистической оценке их деятельности на страницах профессиональной и центральной печати.

Действительно, и в том и в другом случае состояние библиотек характеризовалось как кризисное, и путь выхода из этого кризиса виделся в одном и том же — в преобразовании народных (или, соответственно, массовых) библиотек в публичные. Полезным будет, пожалуй, рассмотреть подробнее, что же имелось в виду и в том и в другом случае.

Дореволюционные просветители, видя обилие недостатков в деятельности народных библиотек, хотели улучшить их работу, преобразовав в публичные библиотеки (19, 27, 66). Но чем, собственно, отличалась народная библиотека от публичной? Здесь можно выделить два отличия: а) публичная библиотека взимала плату за чтение со своих подписчиков и б) в публичных библиотеках гораздо чаще воплощался так называемый «принцип общественности в библиотечном деле», то есть они имели реально действующие библиотечные общества и советы, в которые входили местные учителя и чиновники, а также представители от самих читателей.

При ближайшем рассмотрении, однако,

оказывается, что пункт «б» не так уж и отличался от пункта «а», поскольку те лица, которые считались членами библиотеки, занимались сбором пожертвований и поиском меценатов и сами вносили определенные взносы на ее содержание.

Конечно, можно сказать, что относительно независимый совет публичной библиотеки, помимо всего прочего, занимался разработкой ее каталогов, составлял списки необходимых для библиотеки книг и т.д., но это еще не означало, что такие действия были более эффективны, чем, скажем, аналогичные (хотя и более «централизованные») действия земской управы по отношению к народным библиотекам какой-либо губернии или уезда.

Доказать обратное было бы весьма сложно, поскольку большинство публичных библиотек в дореволюционной России поддерживались органами местного самоуправления (земствами и городскими думами), которые могли существенно повлиять на их деятельность, да и в советах библиотек ведущая роль нередко принадлежала представителю местного самоуправления.

Что же касается общих собраний читателей, то и в народных, и в публичных библиотеках они не были наделены большими правами в отличие от собраний членов-учредителей.

Кроме того, как сообщалось в дореволюционных изданиях, крупные народные библиотеки по своим показателям и составу читателей практически не отличались от публичных библиотек (35).

Таким образом, за преобразованием народных библиотек в публичные стояли, в основном, соображения экономии, т.е. библиотека должна была хоть в какой-то степени покрывать свои расходы за счет платы за чтение. Разумеется, подобная мера (в отношении основных услуг библиотеки) вряд ли применима в настоящее время. По мнению Е.М. Скорик, «платные библиотеки противоречат принципу общедоступности... Если мы сделаем библиотеки платными, это будет шаг назад в развитии библиотечного дела. Если мы хотим создать публичные библиотеки, это тем более недопустимо» (53, с.90). Примерно к таким же выводам при-

ходит и В.Терешин: «Что ж, в России сегодня активно идет расслоение общества на богатых, средних и бедных... В этих условиях не каждый теперь пойдет в библиотеку, особенно если будет плата (а она уже вводится !!!) за пользование библиотекой» (58, с.10).

Что же касается проблемы преобразования массовых библиотек в публичные, то на эту тему в 1992 г. состоялся специальный семинар. Мнения на нем высказывались различные — от использования всего лучшего, что было у народных библиотек (9, с.21) и до заимствования опыта работы зарубежных публичных библиотек (31, с.111).

Что же понимается под публичной библиотекой в настоящее время? Прежде всего, это библиотека, удовлетворяющая потребности, связанные со всеобщим самообразованием, а также культурные и информационные потребности (24, с.65). Как полагает А.М. Стахевич, принципами функционирования публичной библиотеки являются:

- 1) общедоступность: а) обслуживания (для всех категорий пользователей); б) местонахождения; в) времени работы (наиболее удобное время для посетителей);
- 2) бесплатность основной деятельности;
- 3) полнота фонда;
- 4) многочисленность источников финансирования основной деятельности;
- 5) демократизм, который, в частности, проявляется в том, что библиотека должна иметь право самостоятельно выбирать своего руководителя;
- 6) разнообразие среди специалистов, обеспечивающих функционирование библиотеки (юрист, программист, инженер, менеджер);
- 7) тщательно продуманное архитектурное пространство библиотек для создания рабочей атмосферы.

Однако подобные положения неизбежно приводят к выводу, что публичная библиотека — особый и достаточно дорогой тип библиотеки (56, с.23).

При этом совершенно очевидно, что такая библиотека совершенно непохожа на существовавшие до революции публичные библиотеки.

В целом, при попытках улучшения деятельности библиотек могут возникнуть следующие проблемы.

1. На первом месте среди услуг публичной библиотеки стоит открытый доступ (и то, чем можно пользоваться только в библиотеке, и то, что выдается на дом (24, с.67). В этом отношении дать какие-либо рекомендации сложно, поскольку отечественные традиции здесь практически отсутствуют (дореволюционные публичные и народные библиотеки открытого доступа ко всему фонду не имели, равно как и послереволюционные массовые), а как может сказаться перенесение зарубежного опыта на отечественную почву — неизвестно.

2. С изменением названия библиотеки сами библиотекари, конечно, не изменятся (31, с.119).

3. Перемены, происходящие в библиотеках, не подразумевают появления качественно иной библиотеки, а означают по преимуществу инновации вроде платных услуг (64, с.4).

4. За большинством реорганизаций в настоящее время стоят, как правило, цели экономии (61, с.103).

Учитывая сказанное выше, можно, пожалуй, согласиться с мнением А.Е. Шапошникова: публичных библиотек (на западный манер) может быть и не так много, а одновременно с ними могут развиваться и массовые библиотеки за счет муниципальных средств (31, с.103). Но в любом случае, главное, что должны сохранять библиотеки — это общедоступность, под которой понимается возможность пользоваться фондом и услугами библиотеки юридическим лицам независимо от их организационно-правовых форм и гражданам без ограничений по уровню образования, специальности, отношению к религии (5, с.88).

5. Компенсаторное чтение в прошлом и настоящем.

Проблема наполнения фонда

При анализе работы народных библиотек на первый взгляд представляется, что идею организации книжного ядра в каждой библиотеке, весьма популярную до революции, и идею первоочередного комплектования

народных библиотек классической русской и зарубежной литературой и лучшими литературными новинками можно без особых уточнений применить и к сегодняшнему дню. Народные библиотеки в свое время создавались как противовес лубочной литературе и имели целью приобщить читателей к лучшим образцам культуры разных стран (8, 33, 49). Между тем современная ситуация в области книгоиздания в чем-то напоминает начало века, когда получили широкое распространение книжки при Пинкертоне, Люпена, Леккока, издания по хиромантии, астрологии, черной и белой магии и т.д.

Более того, по сравнению с нынешними боевиками авантюрная литература 1890—1900-х гг. кажется совершенно невинной. И хотя дореволюционные земства и считали (и не без оснований), что чтение с целью ухода от реальности будет существовать до тех пор, пока кардинально не изменятся сами условия жизни народа, и народная, и публичная библиотека им виделась прежде всего как учреждение, способствующее самовоспитанию и самообразованию населения (2, 6, 21).

Однако сказанное выше является одной стороной вопроса, и некоторые уточнения сделать все же необходимо. Как сообщается в современных публикациях, можно выделить две модели библиотеки: 1) библиотека сегодняшнего дня, угрожающая вкусам читателей; и 2) библиотека — храм, хранилище культурных ценностей (31, с.121). И до и после революции развитие библиотек шло скорее по второму варианту. По мнению В.Д. Стельмах, «подобно храмам, библиотеки взяли на себя миссию хранения и демонстрации тех ценностей, которые отбирались веками и приобрели статус классических образцов.

Эта литература представляет определенный стандарт совершенства, принятой в обществе литературную и эстетическую норму. Полки с произведениями классиков — обязательное ядро библиотечного фонда, основной капитал каждой библиотеки. Это своего рода «библиотечный иконостас», почитаемый читателями. Но ритуально поклонившись, они проходят мимо него

к далеко не столь совершенным, но более жизненно необходимым и интересным книгам» (57, с.19). Примерно таких же взглядов придерживаются и другие авторы: «И в теории и на практике всегда было принято делить чтение художественной литературы на «полезное» и «бесполезное», «расслабляющее», а то и вредное».

В России педагоги и организаторы самообразования народа всегда стремились отделить зерна от плевел, они твердо знали, что именно полезно и что вредно, пропагандировали первое, искореняя второе, а жизнь шла своим чередом.

Сегодня, как и раньше, традиционно низко оцениваемые критикой жанры и конкретные произведения раскупаются куда охотнее и по ценам более высоким, чем книги, безоговорочно стоящие на самом верху литературной епархии» (13, с.44).

Поэтому, признавая необходимость некоторого отбора литературы в библиотеку (ведь и в настоящее время, как и до революции, признается, что неумеренное чтение макулатурных изданий способно навсегда отбить и художественный вкус, и охоту читать книги (напр. см. 53, с.90), следует все же отметить актуальность дореволюционного вывода о том, что необходимо умелое сочетание классических произведений, книг развлекательного характера, пользующихся значительным спросом и адаптированных изданий для неподготовленного читателя (50).

Поскольку и в дореволюционных, и в современных библиотеках положение было таково, что художественные достоинства (или недостатки) произведения не играли существенной роли в формировании читательских предпочтений, а на первое место всегда выносились сюжет и занимательность, можно согласиться с мнением М.И. Губановой и О.С. Либовой, что компенсаторное чтение имеет равные права с самообразовательным и что легкое чтение — это своеобразная терапия (13, с.44).

При этом можно выделить две характерные особенности современного компенсаторного чтения, отличающие его от легкого («наркотического») чтения до революции:

1) В настоящее время уже нет безудержного чтения литературы с целью ухода от реальности, а идет поиск таких авторов, которые близки читателю по мировоззрению;

2) Дореволюционным просветителям в каком-то смысле слова было легче, поскольку лубочную литературу они знали с точностью до названия, а что касается качества «изданий для народа», то эта тема довольно часто появлялась на страницах общероссийской периодики, где приводились рецензии критиков практически на все новые «народные издания». Лубочная литература в принципе существует до сих пор, особенно если учитывать большое количество переводных детективов плохого качества, различные «Сонники», «Ангелики», комиксы и т.д. (при этом ее эффект усиливается с помощью аналогичных по характеру кинофильмов). Сложность же сегодняшней ситуации заключается в отсутствии четких критериев, позволяющих отделить художественную книгу от малохудожественной. Кроме того, некоторые исследователи отмечают и тот факт, что в настоящее время русская классическая литература особенно и не афишируется и читателю не рекомендуется.

6. Рекомендация литературы и руководство чтением: современные взгляды и история вопроса

Едва ли не самым разработанным в дореволюционной печати аспектом деятельности библиотек было руководство чтением. В этом отношении высказывания различных земских деятелей и отдельных просветителей-интеллигентов весьма напоминают аргументацию современных библиотечников по данной теме. В качестве примера приведем публикации в журнале «Научно-технические библиотеки» (дискуссия о руководстве чтением) и выделим из них некоторые характерные высказывания.

Так, В.И.Терешин приходит к следующим выводам:

а) Именно руководство чтением делает любого библиотекаря плохим и в результате сказывается даже на количестве читателей в библиотеке. Библиотекарь должен рекомендовать книгу только тогда, когда

все же не удавалось» (70, с.24). В связи с этим у библиотекарей формировались различные модели поведения — «новаторство» (поиск новых методов руководства чтением), «ригуализм» (формальная работа «без души»), «уход» (отрицание навязывания литературы и средств этого навязывания), появление новых целей в духе идей просветительства (там же).

Но с другой стороны, некоторые исследователи признают, что в библиотеке есть категория читателей, которая несомненно нуждается в помощи библиотекаря, и это прежде всего юные или начинающие читатели.

В уже упомянутом исследовании РГБ «Библиотека в новой книжной ситуации» констатируется, что 9,9% читателей взяли за год всего по одной книге, а 8,1% — не взяли ни одной, и что это в основном читатели-«новички», которым действительно нужна помощь (20, с.35). Кроме того, довольно значительная часть читателей в той или иной степени настроена на общение в библиотеке с конкретным человеком (73, с.51).

Таким образом, рассуждения дореволюционных авторов о рекомендации литературы нельзя признать однозначно устаревшими и в них можно найти положения, созвучные современным высказываниям библиотечников.

7. Заключение

Обобщая все сказанное выше, можно прийти к следующим выводам.

1. Дореволюционные народные библиотеки имеют общие черты с общедоступными (массовыми) библиотеками. Это относится как к некоторым количественным показателям, так и к некоторым проблемам, связанным с организацией деятельности библиотек и с обслуживанием читателей.

2. Общие проблемы, связанные с обслуживанием читателей, можно свести к следующему:

а) Современный читатель, как и «читатель из народа», не считает библиотеки своими, а библиотекаря рассматривает как «должное лицо»;

б) Образ библиотеки в глазах читателей

расслаивается, т.е. существуют и положительные, и отрицательные оценки ее деятельности;

в) Качество работы в современных общедоступных библиотеках не стимулируется, как не стимулировалось оно и в народных библиотеках;

г) Одна из основных проблем работы и тех и других библиотек — недостаток внимания к конкретному читателю.

3. Различие между современными и дореволюционными библиотеками состоит в том, что запросы читателей в настоящее время стали более дифференцированными, а у читателей стало меньше возможностей для свободного просветительства.

4. Дореволюционные публичные и народные библиотеки были, пожалуй, больше похожи друг на друга, чем отечественные массовые библиотеки и зарубежные публичные. Но преобразование народных библиотек в публичные до революции так и не было сделано — существовали сравнительно хорошо организованные публичные библиотеки и существовали народные.

В целом можно сказать, что серьезные преобразования в текущий момент нежелательны. Что же касается перспектив дальнейшего развития библиотеки, то, как отмечают некоторые авторы, «процесс воссоздания и развития частных публичных библиотек и читален, библиотек политических партий, других новорожденных политических организаций будет происходить медленно и, как правило, вне существующих... библиотечных структур. Но при всей бедности, удручающем состоянии нынешних государственных библиотек их роль с учетом «обнищания масс» и роста цен на книги и периодику будет возрастать. При этом сохранить в нынешнем виде библиотечную сеть государству будет не по силам. Выживут самые предприимчивые, умеющие сочетать государственно-муниципальную поддержку с коммерческими инициативами» (4, с.45).

5. Из опыта дореволюционных библиотек по обслуживанию читателей в современных условиях представляется интерес следующее:

а) Идея удовлетворения читательских

запросов в библиотеках разных видов (до революции все-таки существовало много разновидностей народных библиотек, открытых различными учредителями, что давало читателям определенный выбор);

б) Выводы, касающиеся соотношения общеобразовательного и «легкого» чтения;

в) Разработка общих вопросов рекомендации литературы;

г) Идея привлечения читателей к делам библиотеки. (Некоторые народные библиотеки проводили общие собрания читателей, да и сами отчеты библиотек были доступны для местного населения).

6. Следует учитывать, что опыт народных библиотек нельзя напрямую переносить на современность без учета современной социокультурной ситуации — со времен народных библиотек сильно изменились и читатели и общество.

Литература

1. Абрамов Я. Очерки частной инициативы в деле народного образования в России: Ст. 5-я. Нар. б-ки, созданные част. инициативой // Рус. школа. - 1891. - № 4. - С.133-141; № 5. - С.200-212.

2. Акимов В. Книга в деревне: в связи с вопросом о внеш. образовании и нар. б-ках // Изв. по нар. образованию. - 1906. - Ч.10, сент. - С.235-285.

3. Анкудович Я. Социальные механизмы формирования читательской культуры // Библиотека и чтение: проблемы и исследования: Сб. науч. тр. / РНБ. - СПб., 1995. - С.112-117.

4. Бендерский И.Л., Харламов В.И. Профессиональное сознание в историко-культурном аспекте // Библиотечноеведение. - 1991. - № 4. - С.32-46.

5. Библиотеки России в новой правовой среде: Обзор.- аналит. материалы. СПб.: РНБ, 1996. - 96 с.

6. Бюллетени справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы. - Вып. 1. - Самара: Тип. губ. земства, 1914. - 152 с.

7. Ванев А.Н. К дискуссии о руководстве чтением // Науч.- тех. б-ки. - 1992. - № 6. - С.24-29.

8. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. - М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1896. - 380 с.

9. Володин Б.Ф. Феномен массовой библиотеки с точки зрения мирового опыта // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библиотеч. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых. - М., 1993. - С.12-22.

10. Гоголя Н.М. Роскошь и нищета библиотечно-

го общения // Современные подходы к теории и практике библиотечного обслуживания: Сб. матер. науч.-практ. конф. 4-5 июня 1991 г. / Упр. культуры Ставроп. Крайисполкома. - Ставрополь, 1991. - С.54-56.

11. Головки С.И. Классика всегда современна // Массовая библиотека: Теория и практика: Сб. / РГБ. - М., 1994. - С.93-97.

12. Губанова М.И., Либова О.С. Какой посредник нужен читателю художественной литературы? // Профессиональное сознание библиотекарей: Необходимость перемен в переход. период. Матер. семинара (3-4 июня 1993 г., Москва) / Моск. библиотеч. ассоц., Рос. гос. дет. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых. - М., 1994. - С.55-57.

13. Губанова М.И., Либова О.С. Компенсаторное чтение: что изменилось? // Массовая библиотека: Теория и практика: Сб. / РГБ. - М., 1995. - С.43-51.

14. Дворкина М.Я. Насколько доступны массовые библиотеки // Массовая библиотека: Теория и практика: Сб. / РГБ. - М., 1992. - С.35-42.

15. Дворкина М.Я. От массовой библиотеки — к публичной // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библиотеч. ассоциация, Рос. гос. б-ка для слепых. - М., 1993. - С.5-9.

16. Дворкина М.Я. Традиция просветительства и новая философия библиотечного дела // Профессиональное сознание библиотекарей: Необходимость перемен в переход. период. Матер. семинара (3-4 июня 1993 г., Москва) / Моск. библиотеч. ассоц., Рос. гос. дет. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых. - М., 1994. - С.14-18.

17. Девель В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа по сведениям Петербургского комитета грамотности. - СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. - 62 с.

18. Жулев П. Современный читатель из народа // Рус. школа. - 1912. - № 9. - С.1-19; № 10. - С.24-39.

19. Зависимость деятельности народных библиотек от их организации // Для нар. учителя. - 1913. - № 10. - С.19-22.

20. Захарова Е. Чьи ожидания не оправдались? // Б-ка. - 1996. - № 7. - С.33-35.

21. Земская деятельность в Олонецкой губернии по народному образованию. - Петрозаводск: Тип. губ. земства, 1913. - 26, 59, 38 с.

22. Земские народные библиотеки: (несколько цифровых данных) // Библиотекарь. - 1910. - Вып.1. - С.47-53; Вып.2. - С.33-37; Вып.3-4. - С.70-75.

23. Знаменская Е.Н. О постановке дела в народных библиотеках: Докл. зав. отделом нар. образования Звенигород. зем. упр. // Первый общеземский съезд по народному образованию. - Т.2. Доклады. - М., 1912. - С.1-12.

24. Зыков О.П. Библиотека массовая и библиотека публичная: кровное родство при портретном не сходстве // Современные подходы к теории и методике библиотечного обслуживания: Сб. матер. науч.-практ. конф. 4-5 июня 1991 г. / Упр. культуры Ставроп. Крайисполкома.- Ставрополь, 1991.- С.63-70.

25. Зыков О.П. К реорганизации системы обслуживания читателей массовой библиотеки // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С. 52-58.

26. Из Тверской губернии: (К вопросу о нар. б-ках-читальнях) // Новое слово.- 1896.- № 2.- С.223-232.

27. К вопросу о публичных и народных библиотеках-читальнях как факторах народного просвещения // Вестн. воспитания.- 1914.- № 4.- С.107-126 (2-я pag.).

28. Казанцев П. Народные библиотеки.- Самара: Тип. губ. земства, 1914.- 162 с.

29. Как относятся крестьяне к вопросу об устройстве народных библиотек // Рус. мысль.- 1897.- № 7.- С.80-98.

30. Ковалевский Н.З. По сельским библиотекам: (Путевые впечатления) // Образование.- 1902.- № 4.- С.102-114.

31. Материалы «Круглого стола» по итогам семинара // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С. 101-123.

32. Матлина С.Г. Выживать или жить? : Маркетинговый взгляд на библиотечное обслуживание // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С.44-51.

33. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника.- СПб.: Изд. автора, 1913.- 249, VI с.

34. Медынский Е.Н. Внешкольное образование и местная администрация // Учитель и школа.- 1915.- №3.- С.26-32.

35. Мезьер А. Читатель и книга // Сев. записки.- 1913.- № 8.- С. 135-146.

36. Мейжис И.А. Две стратегии в руководстве чтением // Науч. и тех. б-ки.- 1992.- № 7.- С.29-38.

37. Морева О.Н. Некоторые проблемы современной читательской ситуации // Библиотечное обслуживание в изменившейся системе экономических отношений: Сб. науч. тр. / ГПНТБ СО РАН.- Новосибирск, 1995.- С.28-36.

38. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний.- Т.Х. Народное образование в России.- М.: Изд. И.Д.Сытина, 1910.- 351 с.

39. Нечитайлова Т.И. Парадокс общедоступнос-

ти библиотечных ресурсов // Современные подходы к теории и методике библиотечного обслуживания: Сб. матер. науч.-практ. конф. 4-5 июня 1991 г. / Упр. культуры Ставроп. Крайисполкома, 1991.- С.71-74.

40. Об ученических и народных библиотеках: Докл. Моск. уезд. зем. управы № 29.- М.: Тип. уезд. земства.- 50 с.

41. Обухов М.Н. Народные и центральные библиотеки Уфимского губернского земства.- Уфа: Тип. губ. земства, 1915.- 60 с.

42. Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах за 1996 г.- М.: М-во культуры Рос. Федерации, 1997.- 123 с.

43. Осипова О.В. Необходимость перемен : (сетевой аспект) // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С.25-27.

44. Отчет общества Калужской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1897 г.- Калуга: Б.и., 1898.- 49 с.

45. Очерки по истории читающей публики // Изв. кн. магнатов Т-ва М.О.Вольф по лит-ре, наукам и библиотегра.- 1912.- № 11.- С.307-310.

46. Панфилова Л.А. Пути совершенствования библиотек как институтов социализации личности // Современные подходы к теории и методике библиотечного обслуживания: Сб. матер. науч.-практ. конф. 4-5 июня 1991 г. / Упр. культуры Ставроп. Крайисполкома, 1991.- С.31-33.

47. Плотноков А.Е. Народные и общественные библиотеки по данным анкеты общества библиотеководения // Библиотекарь.- 1910.- Вып. 1.- С.7-28.

48. Проскуракова Е.Ф. Конспект курса библиотеководения Е.Ф.Проскураковой (24 часа): Очерк задачи зем. библи. дела.- Ниж. Новгород: Тип. губ. правления, 1916.- 29 с.

49. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания.- 2-е изд.- СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1895.- 547 с.

50. Родников В. Очерки по вопросам народного чтения // Зап.- рус. нач. школа.- № 4.- С. 30-34; № 5-6.- С. 43-48; № 7-8.- С. 76-81; № 9.- С. 35-43; № 10.- С. 16-31; № 11.- С.22-34.

51. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения.- СПб.: К.П. Карбасников, 1906.

52. Серополко С.О. Внешкольное образование: Сб. ст.- М.: Изд. журн. «Пед.листок», 1912.- 128с.

53. Скорик Е.М. Библиотека и читатель // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара

(10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С.87-90.

54. Смирнов А. Что читают в деревне? // Рус. мысль.- 1903.- №7.- С.107-116.

55. Соболева Е.Б., Елепов Б.Е. Условия выживания библиотеки // Библиотековедение.- 1993.- № 2.- С.3-8.

56. Стахевич А.М. Публичные библиотеки: принципы функционирования и организации // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С.22-25.

57. Стельмах В.Д. Библиотека — храм или мастерская? : Мнения, предложения, ожидания // Библиотека и чтение: Проблемы и исследования: Сб. науч. тр. / РНБ.- СПб., 1995.- С.9-28.

58. Терешин В.И. И массовая, и публичная // Б-ка.- 1995.- № 7.- С.8-11.

59. Терешин В.И. Ответ оппоненту // Науч.- тех. б-ки.- 1991.- №10.- С.20-24.

60. Флеров В. Народные библиотеки. Как составлялся народными учителями каталог народной библиотеки // Пед. вестн. Моск. учеб. окр.: Сред. и низшая школа.- 1912.- № 3.- С.26-41.

61. Фомина Л.Н. Детская библиотека: вчера, сегодня. А завтра? // Массовая библиотека: Теория и практика: Сб. / РГБ.- М., 1994.- С. 98-114.

62. Фомина Л.Н. Детская библиотека: массовая, школьная, публичная? // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С.35-43.

63. Фомина Л.Н. Ребенок пришел в библиотеку для взрослых // Б-ка.- 1997.- № 1.- С.18-19.

64. Фомина Л.Н. Хочет ли библиотекарь перемен? // Профессиональное сознание библиотекарей: Необходимость перемен в переход. период. Матер. семинара (3-4 июня 1993 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. дет. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1994.- С.4-11.

65. Фонов Г.П. Смена вывески или реальные преобразования? // Массовая библиотека: Теория и практика: Сб. / РГБ.- М., 1994.- С. 55-65.

66. Хавкина-Гамбургер Л. О желательной постановке библиотек // Вестн. воспитания.- 1907.- № 4.- С. 146-155.

67. Харламов В.И. О некоторых важных компонентах библиотечного наследия // От массовой к публичной библиотеке: Матер. семинара (10-11 нояб. 1992 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1993.- С. 27-35.

68. Черняк А.Я. Из огня да в полымя, или Старые погудки на новый лад // Науч.- тех. б-ки.- 1994.- № 2.- С. 49-56.

69. Черняк А.Я. О руководстве чтением, рекомендательной библиографии, а также о термине «biblion» // Науч.- тех. б-ки.- 1991.- № 10.- С. 24-27.

70. Чудинова В.П. Профессиональная идеология библиотекарей советского общества // Профессиональное сознание библиотекарей: Необходимость перемен в переход. период. Матер. семинара (3-4 июня 1993 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. дет. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1994.- С.18-27.

71. Щеголькова Р.Ш. Поиск возможностей раскрытия творческого потенциала библиотекарей в удовлетворении читательских потребностей // Современные подходы к теории и методике библиотечного обслуживания: Сб. материалов науч.-практ. конф. 4-5 июня 1991 г. / Упр. культуры Ставроп. Крайисполкома.- Ставрополь, 1991.- С. 37-39.

72. Якимов Г.Р. Читательское поведение времен «перестройки» // Библиотека и чтение: Проблемы и исследования: Сб. науч. тр. / РНБ.- СПб., 1995.- С. 99-111.

73. Ялышева В.В. Роль библиотекаря в удовлетворении тематических запросов читателей // Профессиональное сознание библиотекарей: Необходимость перемен в переход. период. Матер. семинара (3-4 июня 1993 г., Москва) / Моск. библи. ассоц., Рос. гос. дет. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых.- М., 1994.- С.49-55.

ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

К.В. Урюпина — младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотекосведения РНБ

Защита религиозных, этнических и языковых меньшинств относится к числу традиционных проблем международного права. Можно утверждать, что эта проблема возникла вместе со становлением системы европейских государств и формированием самого корпуса международного права, порожденного этой системой в XVI—XVIII вв.. Практические потребности регуляции отношений между различными национальными группами внутри государства, а также то обстоятельство, что проблемы меньшинств часто носили межгосударственный характер (меньшинство в одном государстве оказывалось большинством в соседнем), породили особый корпус международного законодательства, нормы которого носили преимущественно защитный характер (5, с. 14).

Проблема национальных меньшинств, межэтнических контактов наибольшую актуальность приобрела в крупных городах, жители которых, независимо от национальности, подвергались всеобщей урбанизации, а меньшинства, внутри городского мегаполиса утрачивавшие свои национально-этнические особенности, всячески противясь ассимиляции, вызывали недовольство у национального большинства.

Санкт-Петербург — традиционно многонациональный город с пестрым составом населения. Проблема национальных меньшинств всегда была для Петербурга актуальной. Смена политических режимов неизбежно влекла за собой изменения и в жизни национальных групп города. Так, царской России в Петербурге функционировала налаженная сеть национальных культурных организаций (клубов, библиотек, читален для меньшинств). В период

после 1917 года и вплоть до середины 1930 годов социокультурная жизнь национальных меньшинств Петрограда-Ленинграда достигла своего апогея¹. А с 1936-37 гг. правительство СССР взяло курс на унификацию всех культур и создание единой нации — советского народа, уничтожив при этом официально существовавшие национальные объединения Ленинграда (4, с. 147). Лишь в начале 1990-х годов социокультурная жизнь национальных меньшинств начала возрождаться.

К настоящему времени в Петербурге работают более 70 национально-культурных организаций, зарегистрировано 6 культурных автономий. Работают национальные школы, информационные центры, библиотеки. Но все действия, предпринятые в Петербурге для функционирования национально культурной жизни меньшинств, имеют одну общую особенность: они основаны на частной инициативе либо отдельных лиц, либо местных, а иногда и зарубежных организаций.

Отсутствие государственного регулирования и поддержки национальных меньшинств затрудняет, а иногда и вовсе заводит в тупик действия, направленные на обеспечение их полноценного существования в условиях многонационального города.

Проблемы национальных меньшинств, как уже говорилось ранее, есть в каждой стране, поскольку не существует моноэтнических государств, но мировое сообщество давно разрешило большинство трудностей, связанных с обеспечением полноценной жизни для иноэтнических групп. Очевидно, что для этой цели было совершенно необходимо правовое урегулирование отношений между «нетитульными» нациями и государством, на территории которого они

проживают. С течением времени мировое сообщество создало целый ряд действующих международных юридических документов по правам и свободам, а также защите национальных меньшинств.

Поскольку в настоящее время в нашей стране проблема этничности вновь приобрела свою актуальность, обращение к мировой практике предоставления меньшинствам прав и свобод наравне с остальными гражданами государства, а также регулирования межэтнических отношений является наиболее рациональным.

В документах международного права в содержание понятия «этническое меньшинство» вкладывается следующий смысл: ... по сравнению с остальной частью населения государства это меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой — граждане этого государства — обладают с этнической, религиозной или языковой точек зрения характеристиками, отличающимися от характеристик остальной части населения, и проявляют, пусть даже косвенно чувство солидарности в целях сохранения своей культуры, своих традиций, религии или языка (4., с. 109-110).

Проведенный нами поиск международных юридических документов, так или иначе затрагивающих проблемы национальных меньшинств, выявил мощный блок правовых соглашений. Международные правовые организации выработали целую систему защиты прав меньшинств, в частности, в области защиты культурных, в том числе информационных прав национальных меньшинств.

Под информационным правом национальных меньшинств понимается гарантированная международным правом возможность представителей меньшинств свободно получать, создавать или использовать любого рода информацию, в т.ч. на языке меньшинства. Помимо свободы генерирования информации, информационное право подразумевает свободу организации национальных меньшинствами собственных национальных объединений, занимающихся информационной деятельностью, например, библиотек, издательств, культурно-информационных центров. Необходимо по-

мнить, что информационное право напрямую связано с культурными правами меньшинств.

К культурным правам национальных меньшинств, гарантированным международными соглашениями, относятся следующие нормы:

- право на пользование родным языком;
- право на образование, в том числе и на родном языке;
- право на пользование достижениями культуры и науки;
- право на свободный доступ к информационным ресурсам страны проживания;
- право на создание печатных изданий, компьютерных сетей, собственных национальных информационных ресурсов;
- право на создание национальных информационных центров, библиотек;
- право на поддержку со стороны государства в реализации национальных информационных программ меньшинств.

Ключевой из вышеуказанных норм является право национальных меньшинств на пользование родным языком. Языковые права — одна из категорий фундаментальных прав человека. Следует отметить, что понятие «языковых прав» на внутрисоциальном и надгосударственном уровнях имеет два измерения: защита родных языков, находящихся под угрозой, и предоставление языковых прав национальным меньшинствам; равные возможности выбора и изучения языка международной коммуникации, информации и образования.

Общезвестно, что одной из причин межэтнических конфликтов, и, в особенности, такого их типа, как конфликты между национальными меньшинствами и так называемыми «титульными» нациями, является негарантированность соблюдения языковых прав меньшинств, агрессивная ассимиляторская политика правительства. Угроза языку этнической группы является угрозой ее культурному и языковому существованию. Общеизвестно, что родной язык не только составляет ядро культурных ценностей народа, но зачастую является важнейшей, а порой единственной базой этничности. Поэтому в Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, эт-

¹ В одном из ближайших номеров редакция предполагает опубликовать статью данного автора на эту тему (прим. ред.)

ническим, языковым религиозным меньшинствам, (1992) зафиксировано право меньшинств «использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме (статья 2)» (2, с.345-347).

С правом этнических групп на пользование родным языком напрямую связаны все другие права: на образование на родном языке, на обмен информацией, на организацию национальных общественных объединений, информационных центров, библиотек.

Организация специальных библиотек для национальных меньшинств является идеальным вариантом для сохранения языка и культуры меньшинства в целом. Большинство международных правовых документов акцентирует внимание именно на праве, и даже необходимости, создания информационно-культурных центров (библиотек) для обеспечения полноценной социокультурной жизни национальных меньшинств. Здесь необходимо отметить, что наличие специальных библиотек для национальных меньшинств может играть роль стабилизирующего фактора, снимая межэтническую и социальную напряженность.

Иными словами, знание о существовании подобной библиотеки и о возможности свободно получать необходимую информацию избавит представителя того или иного национального меньшинства от чувства обделенности и неполноценности. Право на свободный доступ к информации зафиксировано в основном документе, определяющем права и свободы граждан независимо от их социальной и национальной принадлежности.

Всеобщая Декларация прав человека (1948) указывает, что «... каждый человек имеет право на свободу искать, получать и распределять информацию независимо от государственных границ (статья 19)» (3, с.276-279).

Фактически все международные документы, затрагивающие проблемы защиты национальных меньшинств, особо подчеркивают важность предотвращения любого рода геноцида в отношении меньшинств. Для реализации информационных прав наиболее опасным является культурный геноцид.

Культурный геноцид реализуется посред-

ством запрещения пользования национальными языками, наличия обязательного образования в духе идеологии угнетателей и строгого контроля культуры вообще, включая такие проявления этой политики как уничтожение библиотек. Существует ряд специальных рекомендательных международных документов, юридически защищающих национальные меньшинства и прочие иноэтнические образования от культурного геноцида. Например, таковыми являются документы Совещания по безопасности в Европе (СБСЕ).

В рекомендациях СБСЕ об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь (1976) значительное внимание уделяется проблемам коммуникации представителей национальных меньшинств. «... Под коммуникацией подразумеваются отношения между группами или индивидуумами, стремящимися свободно обмениваться или делиться информацией, идеями и знаниями в интересах диалога и согласованного действия, взаимопонимания и солидарности, в духе уважения их индивидуальности и их различий, в целях усиления взаимопонимания и укрепления мира. ... Политика коммуникации должна быть направлена на расширение свободного обмена информацией, идеями и знаниями для содействия взаимопониманию и поощрению в этих целях использования и развития средств информации как современных (IBM, Internet), так и традиционных в интересах культуры на основе ... равноправия и права народов на свободное самоопределение» (1, с.97).

В этом же документе рекомендовано государствам-членам или компетентным органам «... побуждать обычных социальных посредников как можно шире развивать информацию и свободное культурное выражение членов своих общин, учреждений, организаций профсоюзов или объединений в целях развития у них восприятия и ознакомления их с культурной деятельностью; ... обеспечивать их информацией, которая могла бы вызвать ответные действия и побуждать инициативу; ... содействовать доступу к печатным изданиям посредством их оперативного и гибкого распространения и развивать с этой

целью такие учреждения, как библиотеки и читальные залы...» (1, с.98).

Подробные комментарии к вышеупомянутому документу являются излишними. Здесь следует обратить особое внимание на юридическую обоснованность и необходимость организации на государственном уровне специализированной сети библиотек для национальных меньшинств. Но тут сразу же возникает масса проблем, связанных с проблемами издания литературы на языках меньшинств, специальной литературы для меньшинств, а также комплектования специальных библиотек.

Другим международным юридическим актом, напрямую затрагивающим информационные права национальных меньшинств, является Доклад совещания экспертов СБСЕ по вопросам национальных меньшинств (1991). «Будучи убеждены, что для защиты прав лиц принадлежащих к национальным меньшинствам, необходим поток информации и обмен идеями, государства-участники подчеркивают значение общения между лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ. В области доступа к средствам информации они не будут проводить дискриминацию в отношении кого-либо на основании этнической, культурной, языковой или религиозной принадлежности. Они будут предоставлять информацию, которая будет помогать электронным средствам массовой информации учитывать в своих программах этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств» (2, с.427).

В итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности в Европе (1989) также существует специальный раздел по вопросам информации и информационного сотрудничества, в котором, в частности, сказано, что «... государства-участники ... будут обеспечивать на практике, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам или национальным культурам, на их территориях могли распространять информацию на своем родном языке, иметь к ней доступ и обмениваться ею» (3, с.214).

Центром обмена информацией должна стать специальная библиотека для того или иного национального меньшинства, поскольку в ней могла бы сконцентрироваться значительная часть информационных и библиографических ресурсов национальной группы, обеспечивая информационное взаимодействие внутри национального меньшинства, между различными национальными меньшинствами, между меньшинствами и этнической родиной, если таковая имеется, а также между меньшинствами и «титული» нацией.

Еще одним документом, посвященным информационным правам и свободам национальных меньшинств, является Соглашение Лиги Наций о сотрудничестве в области информации (1992), в статье седьмой которого говорится, что «... стороны будут обеспечивать представителям национальных, этнических, религиозных и языковых меньшинств возможность распространять информацию на родном языке, иметь к ней доступ и обмениваться ею» (3, с.242).

Поскольку национальные меньшинства в подавляющем большинстве случаев могут рассматриваться как самые уязвимые группы, то разработка концепции охраны культуры представителей иноэтнического населения должна носить приоритетный характер.

В целях поддержки культуры национальных меньшинств следует разработать ряд мероприятий, наиболее важными из которых являются учреждение специализированных издательств по выпуску печатных изданий на языках меньшинств и организация информационных центров и библиотек.

Международное право обладает специальным документом, касающимся свободы доступа любых категорий граждан к информации. Декларация ООН об основных принципах участия средств массовой информации в укреплении мира и международного взаимопонимания, в развитии прав человека и в борьбе против расизма и апартеида и подстрекательства к войне (1978) в статье второй указывает, что «... осуществление свободы мнения, выражения и информации, признаваемых в качестве составной части прав и основных свобод, является существенным фактором укрепления мира и международного взаимо-

понимания; ...доступ общественности к информации должен гарантироваться разнообразием доступных ей источников и средств информации, позволяя таким образом каждому убедиться в достоверности фактов и объективно оценивать события»(1, с.76).

Поскольку свобода информации является одним из обязательных факторов демократического развития общества, этот демократизм должен распространяться и на группы национальных меньшинств. Иными словами, свобода информации исключает культурный геноцид по отношению к тем или иным национальным меньшинствам, включая возможность пользования национальным языком, создания национальных информационных центров, библиотек, серверов сети Internet.

Как показано в документе Копенгагенской Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990), «...лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право полностью и эффективно осуществлять свои права человека и основные свободы без какой-либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом... Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле...»(5, с.157).

В современном российском обществе восприятие национальных меньшинств как острой проблемы очевидно. И если она не проясляется на общегосударственном уровне, то на культурных правах и свободах «нетитульных» национальностей она оставила свой отпечаток. Игнорирование государством культурных, информационно-образовательных проблем национальных меньшинств приводит к утрате некоторых жизненно важных элементов их социокультурной жизни, например, родного языка, традиций, а в конечном итоге — национального самосознания. Подобную государственную политику можно расценивать как культурный геноцид и насильственную ассимиляцию, что категорически запрещено международным юридическим правом.

Проблема национальных меньшинств в России и, в частности, в Санкт-Петербурге в конце 1990-х годов вновь приобрела актуальность, что повлекло за собой создание различного рода национальных обществ, культурных и образовательных организаций меньшинств. Существование и функционирование подобных институтов нуждается в непрерывном обеспечении информацией, том числе на национальных языках (учебники, образовательные программы и т.п.).

Дальнейшее плодотворное развитие культурно-информационной жизни национальных меньшинств России, и в частности Санкт-Петербурга, вероятно всего невозможно без знания и учета международных правовых норм. Российское библиотечное законодательство лишь фиксирует право каждого гражданина, независимо от социальной, национальной, политической принадлежности, на свободное получение информации, в т.ч. на национальном языке. На самом же деле отсутствие литературы на национальных языках делает выполнение данного пункта законодательства невозможным. Решение проблемы должно носить комплексный характер, начиная от мер поощрения национальных авторов, создания банков данных для национальных меньшинств до организации информационных центров для меньшинств, их комплектования, развития, интеграции с другими подобными объединениями и институтами.

Литература

1. Бищенко И.П., Абашидзе А.Х. Международная защита прав национальных меньшинств: Учеб. пособие — М.: Изд-во РУДН, 1993. — 130 с.
2. Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов / Ред. Л.А. Могусева; Сост. Г.М. Мелков. — М.: Юрид. Лит., 1990. — 672.
3. Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. и ред. А.С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996. — 388 с.
4. Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области. — СПб., 1992. — 247с.
5. Соколовский С.В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. — М.: Московский общественный научный фонд, 1997. — 217 с. — Серия «Научные доклады»; № 42.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ

Марина Борисовна Филиппова — зав. отделом Центральной библиотеки им. К. Паустовского ЦБС Московского района

В российском обществе образ библиотеки, сложившийся в 60-е гг., не претерпел существенных изменений. Большинство людей не связывает библиотеки с новыми информационными технологиями. Нам необходимо сформировать новый имидж, соответствующий времени. Тем более, что востребованность библиотек в последние годы возрастает. Отсутствие достаточного бюджетного финансирования приводит к тому, что выполнять свои функции библиотекам становится все труднее. Уменьшаются и стареют фонды, слабо развивается материально-техническая база, уходят специалисты.

Однако, сколько ни говори, что нет денег, от этого они не появятся. Все мы знаем пословицу — «под лежащий камень вода не течет». Необходимо действовать. Но как? С чего начать? Ясно, что для развития библиотек нужны средства и немалые. Где же их взять?

Как заметил наш американский коллега Артур Карли из Бостонской публичной библиотеки, «получение ассигнований зависит от чиновников, отвечающих за их распределение, а не от потребителей библиотечных услуг». Следовательно, одна из самых важных задач — привлечь к себе внимание местных органов власти.

Возможно, это получится не сразу. Сколько раз, пытаюсь установить контакт с властями, добиться у них понимания, многие встречались с равнодушием, пренебрежением. И все же другого пути нет. Только мы можем пробить эту стену непонимания, только мы можем доказать, что библиотеки необходимы сегодня как никогда.

Что же мы можем сделать?

Прежде всего, необходимо стать полезными району, его жителям и непосредственно органам власти.

Пожалуй, наибольший интерес у органов власти района вызывает региональная информация, которую публичные библиотеки собирают и систематизируют.

Вот уже несколько лет Центральная библиотека Московского района предоставляет администрации материалы, освещающие все стороны жизни района. Раз в 3 года выходит аннотированный библиографический указатель о Московском районе. С 1997 г. выпускается ежемесячный дайджест «Московский район в зеркале прессы», который содержит полнотекстовую информацию. Один экземпляр всех материалов передается главе района.

Отдел культуры систематически обращается в Центральную библиотеку за материалами по организации и проведению праздников. Эта информация всегда пользовалась большой популярностью у наших читателей, родителей, школьников, поэтому собирать мы ее начали уже давно. Материалы организуются в тематические папки. Оформлена и постоянно пополняется картотека «Праздничный хоровод», который содержит фактографическую и библиографическую информацию о государственных, городских, народных, религиозных, профессиональных праздниках.

Власти Московского района традиционно уделяют большое внимание социальным службам, учреждениям образования, здравоохранения. Однако мало сделать что-то, нужно рассказать об этом как можно большему количеству людей. И библиотеки становятся связующим звеном, своеобразным посредником между органами власти и населением района. Каждый пятый житель нашего района является читателем ЦБС. И именно у нас он может познакомиться с распоряжениями и отчетами о работе местных органов власти.

Развитие социальной сферы — одна из важнейших задач руководства района. Но ведь библиотеки тоже являются учреждениями, которые выполняют социальные функции. Основной контингент библиотек всегда составляли учащиеся и пенсионеры. И работа библиотеки ориентирована прежде всего на них.

В жесткой ситуации коллектив ЦБС выбрал стратегию роста, благодаря которой каждой библиотеке системы удалось найти свой путь развития.

Культурным центром района стала открывшаяся в 1992 г. специализированная библиотека с выставочным залом. Здесь проходят выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства, встречи с представителями творческой интеллигенции города и района.

Здесь выставляют свои работы и известные художники, и совсем юные дарования. Местные власти — частые гости библиотеки. Глава Территориального управления Московского района К.В. Кондаков считает своей почетной обязанностью открывать новую выставку.

Два года назад был создан Музей-библиотека «Книги блокадного города», основными задачами которого стало изучение истории районных библиотек военного времени и создание коллекции книг, изданных в блокадном Ленинграде.

Основу экспозиции составили книги, плакаты, открытки, фотографии и другие реликвии блокадного города из частных коллекций. В музее воссоздан интерьер библиотеки периода блокады.

Музей-библиотека сотрудничает с Ассоциацией историков блокады и битвы за Ленинград, общественными организациями ветеранов, инвалидов Великой Отечественной войны, жителей блокадного Ленинграда.

Вокруг Музей-библиотеки объединяются известные ученые-историки и коллекционеры, уже передавшие в дар экспонаты и готовые пополнять основную коллекцию. Музей вызвал живой интерес не только у наших соотечественников. В 1997 г. его посетили профессора Кембриджа, английские журналисты.

Экспозиция показалась им настолько интересной, что они сочли необходимым рассказать об этом в программе Би-Би-Си, посвященной второй мировой войне.

Музей-библиотека — живой организм, который своим существованием поддерживает и укрепляет духовную связь поколений, воспитывает патриотизм. Его частые гости — учащиеся и студенты, которые знакомятся с экспозицией. Посещают лекции, уроки

мужества, встречи с историками, ветеранами и участниками войны.

Понятно, что только своевременно реагируя на изменения в политической, экономической, социальной жизни, библиотека может выполнить свою миссию в обществе. Библиотеки нашей системы стараются соответствовать ожиданиям своих читателей. На резко возросший интерес к экономической литературе мы отреагировали созданием в одном из филиалов «Библиотеки делового человека». За 4 года скомплектован фонд новейшей литературы по экономике, обширный справочный аппарат.

Сегодня читателями этой библиотеки стали учащиеся 142-х учебных заведений Санкт-Петербурга. Современные требования к знанию иностранных языков привели коллектив библиотеки им. С.Я. Маршака к идее создания «Евротеки» в рамках проекта «Петербургская библиотека — 2000», основные цели которого состоят в формировании европейского сознания ребенка-читателя, приобщении к чтению детей и подростков через самостоятельное литературное и художественное творчество.

Активно участвуя с 1995 г. в «Празднике чтения» Французского института в Санкт-Петербурге, библиотека получила в дар более 700 книг ведущих французских издательств, открыла клуб любителей французского языка «Жако», ежегодно проводит конкурс переводчиков, который из районного стал городским. Несомненно, все это способствовало росту имиджа библиотек и у читателей и у районной власти.

Одна из основных функций детской библиотеки — организация досуга ребенка, создание комфортных условий для его общения с другими детьми и взрослыми. Любимым местом проведения свободного времени для ребят нашего района стали клуб выходного дня «Почемучка» (библиотека «Спутник»), клуб «Книговичок» (Центральная детская библиотека), кружок флористики (библиотека-филиал № 10); в библиотеке «Орбита» работает «Школа хороших манер», на занятиях которой дети постигают тайны этикета.

Развитие нетрадиционных носителей информации и тот интерес, который вызыва-

ют они у юных читателей, заставил нас задуматься о необходимости комплектовать фонды библиотек не только книгами. С 1994 г. в Центральной библиотеке создается фонд CD-ROM. Это энциклопедии, обучающие программы, игры. Читатели имеют возможность пользоваться дисками и в помещении библиотеки, и дома.

Известно, что каждые 5 лет объем вновь полученных знаний и информации увеличивается примерно в два раза¹. Ориентироваться в этом потоке становится все сложнее. Без применения новых технологий в области хранения, обработки и предоставления информации сегодня не обойтись, поэтому с 1991 г. автоматизация библиотечных процессов является приоритетным направлением в развитии ЦБС Московского района.

Начать мы решили с информационно-библиографического отдела, поскольку главным достоинством систематической картотеки статей (СКС) является оперативность ввода информации и, следовательно, получение наиболее быстрого эффекта при обслуживании читателей. Содержание СКС — это часть сервиса, который мы можем им предоставить.

Накопленный массив библиографических записей уже через полгода можно было использовать для различных видов поиска и создания информационных документов. Компьютерная техника позволяет нам быстро и качественно выполнять запросы читателей. Издавать рекомендательные списки, указатели, дайджесты и рекламные материалы о библиотеках ЦБС.

Библиотеки системы принимают активное участие в общественной и политической жизни города и района. В библиотеках проходят встречи с кандидатами в депутаты местного и федерального уровня. Одна из участков избирательных комиссий района полностью состоит из библиотекарей системы. Директор ЦБС уже 5 лет участвует в работе окружной избирательной комиссии.

Информационная и культурно-просветительская деятельность библиотек системы не осталась без внимания у руководства района. Местные власти считают работу на-

ших библиотек действительно необходимой. Более того, библиотеки стали предметом гордости главы района, наряду с лучшими школами, поликлиниками, социальными службами, промышленными предприятиями. Поэтому нам оказывается поддержка и моральная, и материальная.

Глава Территориального управления района присутствует на отчетных годовых собраниях коллектива ЦБС, посещает библиотеки. Такие встречи очень полезны для обеих сторон. Для нас это возможность познакомиться руководством района со своей работой и проблемами.

Результат такого общения налицо. Руководство района выделяет дополнительные средства на приобретение компьютеров, видеотехники, ремонт помещений. Глава Территориального управления района утвердил и курирует программу автоматизации ЦБС до 2003 г.

Рассматривая слагаемые успеха, нельзя не остановиться на роли руководителя ЦБС. Конечно, в нашем случае большое значение имели прогрессивные взгляды главы района и его окружения. Но все же основную роль сыграла активная позиция директора ЦБС Татьяны Ивановны Новиковой, ее энтузиазм, умение вдохновлять и убеждать, способность отстаивать интересы библиотек.

В ЦБС всегда приветствовались инициатива и творчество. Несомненно, поэтому все библиотеки системы находятся в постоянном развитии, каждая индивидуальная и имеет что-то свое, то, что отличает ее от других библиотек.

В этой статье я попыталась проанализировать опыт нашей ЦБС. Путь к признанию был долгим и трудным. Но останавливаться на достигнутом не приходится. Мы должны постоянно доказывать свою значимость и необходимость для района. В каждом районе образованы муниципалитеты. Необходимо установить контакт с представителями новых властных структур. Работа по созданию взаимовыгодных, дружественных отношений с органами власти должна вестись осознанно и планомерно. От ее успеха зависит во многом будущее библиотек.

¹ Брайен Л. Будущее библиотек // НТБ. — 1996. — №4. — С. 27—37.

БИБЛИОТЕКА КАК ОТКРЫТЫЙ МИР

Нина Николаевна Мазяк — заместитель директора Центральной городской детской библиотеки им. А.С. Пушкина г. Санкт-Петербурга

Все перемены в обществе так или иначе касаются библиотек, а точнее, бросают вызов современным библиотекам, тем более детским. Библиотека, обслуживающая юных читателей, находится в постоянном поиске и совершенствовании своей деятельности. Сложившиеся традиционные рамки и формы функционирования подчас устаревают и заменяются новыми в попытке соответствия меняющимся потребностям подростка, живущего в эпоху глобальных перемен в обществе.

Изменения условий жизни приводит к изменению культурно-образовательного уровня потребителя информации. Поэтому библиотека должна быть готовой к удовлетворению разноуровневых читательских запросов, обоснованных прежде всего заданиями учебных заведений. В Петербурге, как и во всей стране, существует много школ и семей, которые задают совершенно новый ритм в образовательной деятельности ребенка. Многочисленные программы школ, представляющие новые предметы или обновляющие традиционные, просто не представить вне совместной работы с библиотекой. Некоторые аспекты деятельности Центральной городской детской библиотеки им. А.С. Пушкина позволяют показать, как решаются проблемы художественной информации читателя. Для удовлетворения потребностей школьника при подготовке заданий по гуманитарным предметам в библиотеке созданы специализированные программы занятий, адаптированные к различным школьным курсам. В них входят лекции, экскурсии, конкурсы и даже регулярный курс «Основы информационной культуры», преподаваемый для учащихся некоторых школ города. В свою очередь многочисленные культурные организации

Санкт-Петербурга видят в библиотеке уникальную структуру, через которую высокохудожественная информация находит и даже готовит своего потребителя. Более десяти лет ведется совместная с Эрмитажем работа абонемента «Библиотека и Государственный Эрмитаж», мероприятия которого являются квинтэссенцией программы библиотеки «Основы эстетической культуры». Данная программа рассчитана на учащихся с 1 по 10 класс и вводит петербургского школьника в мир эстетических ценностей, расширяя образовательную базу курса «Мировая художественная культура». Для выполнения этих задач в библиотеке была создана целая структура, позволяющая удовлетворить комплекс художественно-образовательных и досуговых потребностей школьника. Лектории Эрмитажа и Музея А.С. Пушкина, театральные абонементы и музыкальные встречи, выставки художников-профессионалов и тематические художественные выставки в зале литературы по искусству распахнули для ребенка дверь в мир искусства и высокой культуры, необходимой каждому петербуржцу. Эта деятельность библиотеки является наиболее востребованной, так как дает потребителю информации незабываемый эмоциональный заряд.

Возможность войти полноправным участником в Федеральную программу, посвященную 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина появилась благодаря многолетней и разносторонней работе библиотеки с классической литературой, умению решать неформально многие вопросы библиотечной работы. Партнерами библиотеки стали всемирно известные организации, занимающиеся пушкинским наследием. ЦГДБ им. А.С. Пушкина и общество «Пушкин-

ский проект» начали реализацию детской туристско-образовательной программы «Пушкин сегодня», в рамках которой организован постоянно действующий семинар для преподавателей литературы, организованный на базе Пушкинского зала библиотеки; сама библиотека стала объектом одного из экскурсионных маршрутов.

В ее планах участие в подготовке Пушкинской олимпиады и других литературных конкурсов. Интересно отметить, что одним из первых шагов по внедрению новых технологий было создание в библиотеке электронной версии каталога частного собрания Пушкинианы, подаренного библиотеке. Проблема автоматизации нашей библиотеки будет рассмотрена в отдельной статье.

Основы гуманизации общества закладываются с детства, поэтому тема краеведения и городоведения становится важной составной частью информационно-воспитательного процесса.

Библиотека, в своей деятельности сочетающая традиции и новации, естественно приняла концепцию Комитета народного образования по воспитанию юного петербуржца. Преобразования в этой деятельности получили такой размах, что одна из структур библиотеки была перепрофилирована на работу в области петербургского краеведения.

Одним из императивов современного образования, отраженным, в частности, в образовательной концепции юного петербуржца, является интегрированность в европейское и мировое культурное и информационное пространство. Следствием этого является наблюдаемый повсюду взрывообразный рост числа международных контактов на уровне различных организаций.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наша библиотека одна из первых (в среде детских библиотек) подключилась к разработке различных международных проектов. Для библиотек эта деятельность означает прежде всего переосмысление такой традиционной формы работы как организация книжных выставок. Ведь устройство международных книжных выставок отличается целым рядом принципиальных особенностей, а именно:

юридической проработкой вопросов, связанных с экспонированием выставки, присутствием на выставке не только книг, но и современных аудио- и видеозаписей, компьютерных программ, наличием языковых барьеров, организацией официального открытия выставки, почти всегда на дипломатическом уровне, проведением научных семинаров, коллоквиумов и конференций во время работы выставки, изданием научных докладов, подготовкой материалов в средствах массовой информации, организацией ответных выставок.

Хочется остановиться подробнее на довольно богатом опыте этой работы пушкинской библиотеки, одной из первых откликнувшейся на предложения культурного сотрудничества. Сегодня, по прошествии четырех лет этой деятельности, и организаторы и наши читатели поняли, какой это мощный информационный всплеск — от которого возникают все новые волны работы по темам, предложенным на выставках. Более 300 человек пришло на открытие необыкновенной выставки, представленной Королевством Нидерланды, «Мир Анны Франк», десятки посетителей приходили ежедневно. «В тридцати странах побывала эта выставка, — сказал один из ее организаторов, — но то, что она впервые находится в детской библиотеке, заставило ее дышать».

Выставка должна жить в библиотеке, открывая все новые грани своей темы для читателя — это основной девиз наших библиотечкарей — организаторов уже десятка международных выставок. Но первая выставка — выставка высокого нравственного звучания, утверждающая права ребенка на жизнь и на счастье, помогающая бороться с предрассудками невежества и агрессии, — запомнится надолго.

Для работы с выставкой наши специалисты организовали экскурсионные программы для читателей разного возраста, выставки для читателей разного возраста, выставки детских рисунков «Два дневника — две судьбы» об Анне Франк и Тане Савичевой. Демонстрировали фильм петербургского телевидения о великом педагоге и гуманисте Януше Корчаке «Расскажите сказку, доктор». Выставка послужила местом встреч

читателей со многими общественными организациями города и, в частности, с Петербургским обществом Януша Корчака. С тех пор началось наше сотрудничество с этим обществом. Совместная работа по программе «Образование против предрассудков», участие в международных семинарах «Диалоги с Корчаком», организация в 1997 г. Недели Корчака в библиотеке, подготовка к его юбилею — вот те ступени, по которым пошло одно из важнейших направлений в работе. Кстати, за эту работу библиотека получила грант для поездки организатора выставки на 62-ю Международную конференцию ИФЛА, где он представил библиотеку этому высокому профессиональному сообществу.

Создание в это же время в структуре библиотеки отдела литературы на иностранных языках позволило реализовать не только накопленный потенциал, но и расширить рамки информационной деятельности библиотеки. Активизируется международная деятельность библиотеки.

Каждая выставка становится событием в культурно-образовательной жизни петербургского школьника. В период работы выставки в библиотеке создается особое культурно-информационное пространство, представляющее ту или иную страну. Каждая выставка организуется при участии консульств и посольств этих стран, а на открытии выставки «Вокруг Балтийского моря» смогли выступить консулы сразу семи стран Балтии.

Выставка «Детская книга Израиля» — страны, до недавнего времени являвшейся для многих «terra incognita», была организована при содействии Посольства государства Израиль. Посол страны Алоиза Шеннар не только удостоила библиотеку чести открыть эту выставку, но и выступила с профессиональным докладом.

Открыть мир детской литературы, многообразие ее изданий, интересный иллюстрированный материал, то есть стать связующим звеном между современной книжной культурой и населением одной из первых смогла стать детская библиотека — более гибко ориентированная на изменения в социокультурной среде и на новые потребности

пользователя подростка, для которого преодоление любых границ и барьеров происходит наиболее легко.

Выставка австрийской детской книги «У моей лошадки крылья» послужила началом совместной программы по переводу на русский язык лучших книг для детей и подростков страны, где издание детской литературы организовано на самом высоком уровне. Результатом этой работы стали издания некоторых книг на русском языке, встречи петербургских школьников с ведущими писателями этой страны, создание детского австрийского клуба на базе иностранного отдела, многообразная деятельность к 1000-летию Австрии.

Достаточно высокий имидж профессиональной деятельности библиотеки выдвинул ее в число участников двух фестивалей: «Копенгаген в Петербурге» (1996 г.) и «С днем рождения, Астрид Линдгрен» (1997 г.), во время которого ЦГДБ им. А.С. Пушкина вошла в городской организационный комитет. В рамках этих фестивалей посетителям были представлены выставки шведской детской иллюстрации.

Закономерным этапом разносторонней деятельности Центральной городской детской библиотеки им. А.С. Пушкина явилось создание на ее базе Петербургской секции Международного совета по детской книге (IBBY), президентом которой стала директор библиотеки, заслуженный работник культуры РФ Людмила Григорьевна Секретарева.

Увертюрой к этому событию стала демонстрация передвижной выставки «Лучшие детские книги мира», на которой экспонировались книги из 83 стран на 30 языках.

О значении этого события говорит тот факт, что на открытие выставки в библиотеку приехала исполнительный директор Международного совета Леена Майссен. Закономерный успех этой выставки подтвердил, что выполняется одна из основных задач

Международного совета по детской книге: средствами детской литературы содействовать взаимопониманию во всем мире. Уже в рамках работы Петербургской секции

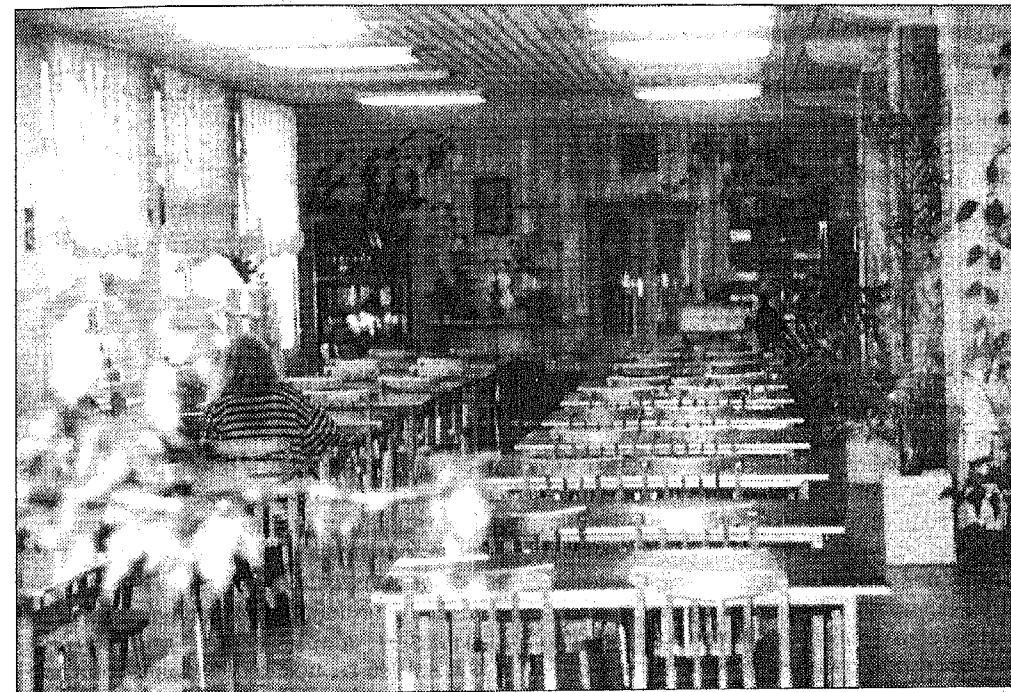
Совета была организована выставка русских детских книг в Литве. В планах — проведение таких выставок в других странах.

В современной инфраструктуре города главная детская библиотека развивает

традиционные координационные связи, определяет приоритетные направления деятельности, сохраняет свое значение в культурно-образовательной деятельности подростка.

БИБЛИОТЕКА — ГАРМОНИЯ ИЛИ НОВАЯ МОДЕЛЬ БИБЛИОТЕКИ КАК ЦЕНТРА ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА

*Ольга Петровна Буслаева — зав. филиалом № 5 ЦБС
Фрунзенского района*

Удивительный мир библиотеки кажется сюрреалистичным по сравнению с окружающим миром. Библиотека — это космос духовности. Этот космос включает культуру и информацию мирового наследия, эстетику и духовность человеческих отношений, неисчерпаемое творчество и поиск библиотекарей.

Элемент новизны постоянно ощущается читателями при посещении библиотеки-филиала № 5 Фрунзенского района. Он проявляется прежде всего в профессиональной сфере: в совершенствовании библиотечных процессов, освоении новых технологий, качестве обслуживания, проведении массовых мероприятий для жителей района Купчино.

Элемент новизны ярко ощущается и в эстетическом оформлении библиотеки, в нетрадиционном подходе к оформлению книжных выставок. В чем же заключается неординарность? Это композиционное единство, концептуальность, яркость красок, использование не только произведений печати, но и природных материалов, предметов быта, произведений искусства, поделок и т.д.

Яркий внутренний мир человека отражается в книжной выставке и притягивает человека магнетизмом информативности, удовлетворяя его любознательность, давая эстетическое наслаждение. Названия выставок на редкость лаконичны и в тоже время емки по содержанию: «Постижение», «Наследие», «Безмолвие», «Человек», «Забвению вопреки», «Переосмысление», «Вечность», «Вдохновение», «Река жизни», «Воссоздание» и т.д.

Очень часто дополняют книжные выставки поделки из корней деревьев, трав, растений и других природных материалов, сделанных библиотекарем Л.Е. Семеновой. Вдохновение Ларисы поистине неисчерпаемо. Мир библиотеки, ее красота стали стимулом жизни, творческого поиска Ларисы. Более того, этот стимул к жизни передается и нашим читателям, которые также любят свою библиотеку. А их более 5 000 человек.

Уже несколько лет коллектив работает над созданием интерьера библиотеки. Приобретена мягкая мебель, созданы уютные уголки для общения и чтения. Библиотека-филиал № 5 отличается от библиотек района не только оригинальностью дизайна. Комфортная библиотечная среда способствует повышению имиджа библиотеки, увеличению потока читателей.

По итогам работы 1996 года библиотека имеет самые лучшие результаты контрольных показателей во Фрунзенском районе. По итогам статистики в филиале № 5 больше всего новых читателей на одного библиотекаря.

Комфортная, эстетичная, рабочая атмосфера присутствует и в запасниках библиотеки, где трудятся библиотекари на внутренней работе. В запасниках порядок, установлены яркие красочные полочные

разделители с портретами выдающихся деятелей, красивые буклеты и композиции.

Украшает библиотеку огромное количество цветов, композиций, поделок. Все это повышает производительность труда и его качество.

Совершенно покорило читателей мероприятие, устроенное в честь Дня библиотекаря, — «Майский чай». Беседы, общение читателей и библиотекарей в комфортной обстановке за горячим самоваром с конфетами, сушками и сухарями на самые различные темы понравились читателям. По просьбе читателей «Майский чай» станет традиционным мероприятием библиотеки на Бухаресткой 122, так как способствует сближению читателей и библиотекарей. Читателя влечет в библиотеку не только хорошая книга, но и необходимость общения. Для многих это единственный стержень в жизни.

Уникальность библиотеки заключается в том, что она единственная в Санкт-Петербурге имеет фонд эзотерической литературы, литературы по психологии, философии, гуманизму, духовной литературы, доступный массовому читателю. С книжным фондом данной тематики может сравниться лишь фонд БАН, который элитарен и закрыт. Наша же библиотека обслуживает разные социальные слои населения, и не только микрорайона, но и города.

Недостаток государственного финансирования не позволяет оперативно решать современные проблемы библиотечного обслуживания, что заставляет руководство библиотеки постоянно искать источники финансирования. Например, в 1996 г. 25% новых поступлений — это книги, подаренные читателями библиотеки.

Анализ формуляров в период с 1991—1996 гг. показал духовное обеднение читателей, объективным следствием чего становится потеря интереса к пониманию проблем других людей и в конечном результате — потеря интереса к пониманию семьи и общества.

Результатом анализа было начало формирования книжного фонда эзотерической литературы на личные средства библиотекарей филиала. На базе библиотеки стали оформ-

ляться выставки, картотеки, проводятся лекции. Эффективность работы с фондом была показана на совете при директоре ЦБС Фрунзенского района. Заведующие филиалами и администрация Фрунзенского района поддержала инициативу библиотекарей, выделив небольшую сумму денег для ежемесячного приобретения эзотерической литературы (теософия, антропософия, мистика, йога, астрология, современные эволюционные учения, духовная литература). В итоге сформирован фонд из 1000 книг.

В 1995 г. на базе библиотеки была организована секция гуманистической психологии. Здесь проводятся лекции и семинары. В рамках секции работает два цикла лекций: «Астрософия» и «Школа самопознания».

Эзотерический фонд литературы пользуется большим спросом не только у посетителей лекций и семинаров, но и у всех читателей библиотеки. Уникальный фонд требует финансовой поддержки.

Разнообразная массовая и индивидуальная работа с читателями расширяет круг друзей библиотеки. Новым для библиотеки является работа с депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга — О.Е. Сергеевым. Клуб депутата О.Е. Сергеева переместился в стены библиотеки. Блокадники и ветераны Фрунзенского района постоянно ощущают его помощь в проведении литературных вечеров с чаепитием. В этом году помощь О.Е. Сергеева почувствовали и жители всего микрорайона, так как в библиотеке начался долгожданный ремонт на средства из резервного фонда депутата. Предполагается обшивка читального зала деревянными панелями, замена освещения, покраска стен, изменение интерьера.

Хочется верить, что обновленное помещение библиотеки вновь обретет своих читателей и станет еще более значимым культурным центром не только микрорайона, но и всего города.

ОБРАЗ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

№ 2 за 1998 г. был посвящен проблемам детских библиотек.

В данном номере мы продолжаем разговор о библиотеках этого типа, о роли конкретных библиотек в обслуживании детского читателя.

Людмила Григорьевна Секретарева, директор Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина, заслуженный работник культуры России

Какой Вы видите современную детскую библиотеку Петербурга?

Библиотека в России больше чем просто библиотека. Она часть жизни человека. Современная же библиотека — синтез различных культурно-просветительских, информационно-образовательных, коммуникативных учреждений. Цель библиотек для детей и подростков — гармонично соединить наследие мировой культуры и достижения современных технологий, создать среду, позволяющую ребенку свободно ориентироваться в потоке информации, сохраняя свой неповторимый духовный мир.

Библиотека для массового читателя — это подвижный организм, который чутко реагирует на потребности общества. Какой же представляет современную библиотеку ребенок? Тишина, уют, старинные книги, которые можно посмотреть, полистать, и одновременно это суперсовременные залы, начиненные электронной информацией, и, конечно, обаятельный и адекватный стилью юного читателя библиотекаря.

Мы почувствовали, что в последнее время наиболее востребована информационно-образовательная функция библиотек. Книга, информация становятся важнейшим фактором образования, и библиотека — то место, где они наиболее полно реализуются.

Детская библиотека мне представляется сегодня универсальной, но с постоянным вводом и расширением специализированных залов — компьютерных, редкой книги, семейного чтения, искусств, а также специально оборудованных мультимедийных пространств для дошкольников, тинейджеров, воспитателей и педагогов.

Майя Сергеевна Куракина, директор Ленинградской областной детской библиотеки, заслуженный работник культуры России

Вы работаете в ЛОДБ 30 лет, с первого дня организации библиотеки. Каков Ваш взгляд на прошлое и будущее детской библиотеки?

Если ответить одним словом, одним понятием, я бы сказала: «развитие». Да, именно развитие. Даже в условиях погони за контрольными показателями — главным критерием оценки деятельности библиотек при шестии пятилеток и подведении итогов социалистического соревнования, в условиях строгой цензуры в том числе и на издание методических материалов, разрабатываемых библиотекой, — все-таки это развитие. От установки на цифровые показатели в 60-е гг. к разработке и определению целей и задач деятельности, затем к реализации принципа комплексного системного подхода к воспитательной работе с детьми в 70-80-е гг. и, наконец, активный поиск идеи развития библиотеки как выражение профессиональной позиции коллектива — конец 80-х — 90-е гг.

Сегодня в области реализуются принципы: «Детская библиотека — среда сохранения и открытия культуры для ребенка в небольшом городе» (г. Лодейное Поле); «Развитие библиотеки как центра обережения детства» (г. Гатчина); «Открытие и сохранение духовного ландшафта Гатчинского района для детей и подростков» (пос. Вырица) и др.

Беда нашего прошлого в том, что долгое время ребенок, подросток рассматривался библиотекой да и педагогикой в целом как объект воздействия, хотя и здесь не все так однозначно. Совсем недавно, готовясь к 30-летию библиотеки, мы просматривали материалы областных литературных игр, кон-

курсов, проведенных в 70-е-80-е гг.: «Книга в пионерском отряде», «Мир знаний открывает книга», «Помни: мир не узнаешь, не зная своего края» и др. Это такой кладезь подростковой инициативы, творчества, самовыражения, что можно писать портрет читающего поколения, во всяком случае штрихи к такому портрету можно обозначить определенно. Поворот к читателю как субъекту наступил в конце 80-х гг. с провозглашением группой педагогов-новаторов «педагогика сотрудничества». Читатель становится из объекта движущей силой развития библиотеки.

Сегодня ведущими специалистами ЛОДБ и области создается библиотека, соответствующая природе детства, запросам и потребностям ребенка. Такая библиотека дает ребенку возможности для самопознания и самоутверждения в процессе чтения, перспективы образовательного и духовного развития. У такой библиотеки, я уверена, есть будущее.

Ваши любимые книги детства?

Мы с сестрой и братом выросли на книгах А. Гайдара, Б. Житкова (особенно любила его энциклопедию «Что я видел»), на альманахе «Круглый год». В 5-м или 6-м классе бестселлером для нас была повесть В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи». Помню, мы ее читали на уроках, положив на колени под партой, чтобы быстрее передать другому. Рассказ, над которым я плакала ночью — «Зимовье на студенной» Д.Н. Мамина-Сибиряка, а книга, над которой больше всего смеялась — «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома. Я до сих пор считаю, что это неплохие книги.

Сейчас от библиотекарей часто слышишь: «Выдавать читателю нечего — библиотека в течение 3-4-х лет не комплектуется, а литература советского периода не пользуется спросом». Отсутствие комплектования — негласное уничтожение библиотек. И все же мне думается, что детская литература 60-х, 70-х, 80-х гг. требует своего нового прочтения. С каким волнением и благодарностью я прочитала статью Ю.В. Просалковой в журнале «Библиотека» (1997,

№ 12), «реабилитирующую» творчество А. Гайдара. Я уверена, что при новом прочтении произведений В. Голявкина, Н. Дубова, В. Железникова, С. Иванова, Ю. Нагибина, Р. Погодина, В. Крапивина и многих других нас ждут интересные открытия, и заняться этим должны библиотекари, что мы и начали делать в системе профессиональных встреч коллектива ЛОДБ и библиотекарей области.

Анастасия Геннадьевна Буенок, студентка 4-го курса дневного отделения библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского университета культуры

Определился ли у Вас уже круг профессиональных интересов? В чем это выразилось?

В год моего поступления в Академию культуры на кафедре детской и юношеской литературы был учрежден Тихвинский фольклорно-этнографический архив, председателем которого является заведующий нашей кафедры В.В. Головин. В марте 1996 г. состоялась моя первая фольклорно-этнографическая экспедиция. За время учебы я успела побывать в пяти таких экспедициях. Сейчас круг основных моих интересов связан с изучением быта и фольклора бывшего Тихвинского уезда Новгородской губернии: я занимаюсь составлением библиографического указателя под названием «Тихвиниана», работа над которым предполагает посещение библиотек г. Новгорода и г. Тихвина. В 1996 г. и 1997 г. принимала участие в трех фольклорно-этнографических конференциях, проходивших в г. Санкт-Петербурге в СПбГУ (межвузовские конференции) и в Институте истории искусств (международная). Думаю, что в ближайшем будущем моя профессиональные интересы также будут связаны с исследованиями в области фольклора.

Ваша любимая книга детства. Ваша настольная книга.

Больше всего в детстве я любила сказки, особенно волшебные сказки разных народов мира. Сказки о животных, бытовые сказки не привлекали моего внимания. Я любила волшебство и неожиданность, обя-

зательно счастливое завершение всех невзгод, выпавших на долю сказочных персонажей. Настольная книга... Для души, наверное, сборник стихов Ф.И. Тютчева. Для меня «тютчевская космичность» — это нечто всеобъемлющее и жизнеутверждающее. В профессиональном же плане моими настольными книгами являются словари: словарь иностранных слов и этимологический словарь М. Фасмера — неизменные спутники моих занятий.

Мира Львовна Васюкова, Детская библиотека истории и культуры Петербурга (филиал № 2 ЦГДБ им. А.С. Пушкина)

Вы больше 20 лет проработали в одной библиотеке и в одной должности. Что это? Привычка, привязанность? Вам не скучно?

Библиотека — это часть моей жизни. Это не просто привязанность, это скорее любовь. Да, наверное, и нельзя сказать, что все эти годы я работала в одной и той же библиотеке. Она меняется постоянно, а вместе с ней меняюсь и я, или она со мной. Два года назад я в очередной ощутила себя в новой библиотеке. Мы сочинили ей и себе сказочную судьбу. Мы создаем Детскую библиотеку истории и культуры Петербурга. Я уверена, что в самом скором будущем наша библиотека станет хранителем и источником самой разнообразной информации о нашем городе и детях в нем.

Наслышаны о творческих контактах Вашей библиотеки с Японией. Если можно, несколько слов об этом?

Более шести лет наша библиотека сотрудничает с Объединением любителей русской детской литературы из Института иностранных языков г. Осака. Годы сотрудничества — это консультации, ответы на многочисленные вопросы наших японских коллег, поиски необходимых материалов, налаживание контактов с интересующими их детскими писателями и художниками, совместные исследования. Два раза в год в Японии выходит журнал с родным для нас названием «Костер», он полностью посвящен русской детской литературе. Познакомиться с ним можно в нашей библиотеке, правда только содержание печатается на русском языке, а статьи требуют перевода с японского. В последнем 14 номере — большая подборка материалов, посвященных петербургскому писателю Вадиму Фролову, подготовленная с нашим активным участием. И в этом же номере — моя статья «Детский мир Петербурга», публикация которой будет продолжена в следующем номере.

Какую книгу Вы могли бы назвать «книгой всех времен и народов»?

Классическая поэзия Древнего Востока. А из детских — «Винни Пух».

Центральной районной библиотеке им. А.С. Пушкина — 110 лет

ПУШКИНСКИЕ ЧИТАЛЬНИ

(к истории первых бесплатных народных библиотек Санкт-Петербурга)

Марина Николаевна Тищенко — зав. сектором информации-библиографической и методической работы ЦРБ им. А.С. Пушкина ЦБС Петроградского района

Во второй половине XIX в. в России начали открываться первые народные бесплатные библиотеки. Результат общественной инициативы в библиотечном деле, они создавались в основном при городских и земских органах самоуправления, просветительских и благотворительных обществах и существовали на добровольные пожертвования и небольшие отчисления из местного бюджета.

Народные бесплатные библиотеки предназначались для обслуживания неимущих слоев населения, фонды их не превышали полутора тысяч экземпляров, хотя обращаемость была выше, чем в публичных библиотеках.

Идея создания подобной бесплатной читальни в Санкт-Петербурге возникла в кругу частных лиц, интересовавшихся народным образованием и просвещением, под впечатлением успехов первой московской бесплатной читальни им. И.С. Тургенева, харьковской общественной библиотеки и др.

Предложение о создании читальни внес городской голова В.И. Лихачев на заседании Думы 23 декабря 1885 г. Он отметил, что «рабочему человеку для ума город не дает почти никакой пищи или дает весьма мало, а между тем есть занятие, которое в высшей степени полезно — это читальни»¹. Существовавшие в то время в Петербурге немногие библиотеки были практически недоступны неимущим классам населения ввиду высокой платы за пользование, удаленности от окраин, непродолжительного режима работы и по другим причинам.

Предложение В.И. Лихачева было поддержано и передано на рассмотрение в финансовую и училищную комиссии Думы, начавшие разработку проекта устройства двух читален в заречной (т.е. за Невой) и незаречной частях города. Материалами для проекта послужили данные о заграничных и отечественных провинциальных библиотеках.

Согласно проекту заведование читальнями поручалось особым распорядителям, утверждаемым городской Думой по представлению их кандидатур училищной комиссией. Состав фонда, правила пользования читальнями, управление, кадровые вопросы находились в ведении комиссии по народному образованию под председательством А.А. Краевского.

В проекте предлагалось ограничить выбор книг для читален, уменьшив тем самым расходы на комплектование, что мотивировалось примитивностью читательских потребностей беднейшего населения. Такой подход вызвал резкую критику со стороны М.М. Стасюлевича, депутата Думы (впоследствии председателя комиссии по народному образованию), указывавшего, что «очень часто при материальном довольстве человек не испытывает больших умственных потребностей, обратное же случается весьма часто»².

При разработке проекта особенно горячо обсуждались вопросы о возможности соединения должности библиотекаря с должностью учителя городского начального училища и о предпочтительности назначения

¹ Белевич О.К. О городских бесплатных читальнях г. Санкт-Петербурга // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. - СПб., 1912. - С. 226.

² Там же, с. 228.

библиотекарями женщин. Было принято решение о приеме на работу лиц, не занимающихся преподаванием и преимущественно женщин, в пользу чего приводился довод, что грубые, малообразованные посетители народных библиотек не решатся вести себя непристойно в обществе женщин.

Городская Дума рассмотрела и утвердила проект устройства двух бесплатных читален в Санкт-Петербурге 28 января 1887 г. в день 50-й годовщины смерти А.С. Пушкина, в связи с чем, по предложению А.А. Краевского, они посвящались памяти великого поэта.

Дума выделила ассигнования в размере 4600 рублей на обе читальни. Петербургское общество внесло пожертвования на устройство. Известный ученый и путешественник Н.М. Пржевальский предоставил весь сбор от своей лекции «О путешествии в Среднюю Азию», прочитанной в Русском географическом обществе (587 руб.); мировой судья Б.Э. Кетрец внес от группы лиц 800 рублей; домовладелец И.М. Сибиряков перечислил 700 рублей. Петербургский комитет грамотности передал изданные им 84 книги. Книгоиздатели Глазунов, Суворин, Фену, Карбасников и другие предоставили свои издания. Присылали свои произведения с автографами Л.Н. Толстой, А.Н. Плещеев, М.Е. Салтыков-Щедрин и др. Ко дню открытия читален было пожертвовано 4 165 томов на сумму 2 394 руб.

Личный состав библиотек включал библиотекаря, живущего при читальне; помощника библиотекаря, вольнонаемного; мальчика для раздачи книг; сторожа и женскую прислугу, живущих при читальнях. Устанавливался ежедневный режим работы с 17 до 22 часов, по воскресеньям и праздничным дням — с 13 до 21 часа.

После завершения подготовительных работ в разных районах Санкт-Петербурга были расклеены объявления об открытии первых бесплатных народных читален.

24 ноября 1887 г. состоялось открытие 1-й читальни на углу Обводного канала и Рузовской улицы в доме № 43. В этот день с 14 часов на улице стал собираться народ, несмотря на сильный мороз. Здесь присутствовали санкт-петербургский градоначальник, городской голова, председатель

и члены комиссии по народному образованию, председатель комитета грамотности и другие официальные и частные лица. После благодарственного молебна, приветственных речей, кратких отчетов о состоянии читален, сделанных заведующими читальнями, в 17 часов открылись двери, и публика — взрослые и дети — хлынула в помещение читальни. Число желающих превысило ее размеры и часть посетителей осталась ждать своей очереди, греясь у костров. Наплыв читателей сохранялся и в последующие дни. 1-я читальня была рассчитана на 70 мест, имела отдельную комнату для чтения дам. Среди портретов и гравюр, украшавших стены, находился портрет Н.М. Пржевальского.

17 декабря 1887 г. открылась 2-я читальня на Выборгской стороне по Большому Сампсониевскому проспекту в доме № 23. На церемонии открытия и освящения присутствовали те же лица, было много народа. Читальня пользовалась большой популярностью среди населения близлежащих районов города. Она располагала 50-ю местами, отдельным столом для дам и столом для детей; запасным помещением для фонда; помещением для библиотекаря и прислуги. В читальне стоял бюст А.С. Пушкина, висели портреты писателей. Помещение было светлым, высоким, удобным. Эта читальня заложила основу нынешней Центральной районной библиотеки имени А.С. Пушкина Петроградского района Санкт-Петербурга.

Обслуживание читателей производилось в следующем порядке: выдавался требовательный листок, на который читатель выписывал из каталога необходимые шифры; книгу отыскивали в фонде и выдавали в читальный зал со специальной закладкой, которая при возвращении книги штемпелевалась библиотекарем и служила пропуском на выход из читальни. Листки-требования использовались для ежедневного статистического учета, на основании которого составлялись ежемесячные, квартальные и годовые отчеты, печатавшиеся в «Известиях Санкт-Петербургской Думы».

За первый год работы в 1-ю читальню записались 5 623 человека, во 2-ю — 2 140. По социальному составу они распределялись следующим образом:

	1-я читальня	2-я читальня
рабочие	16%	27%
учащиеся	27%	18%
малолетние рабочие	10%	10%
малолетние, живущие при семье	6%	6%
служащие	5%	3%

По месту жительства читатели 1-й читальни относились в основном к Московскому и Нарвскому районам, 2-й — к Выборгскому и Петербургскому.

Таким образом, читальни пользовались большим авторитетом именно у тех социальных слоев, для которых и предназначались. В 1888 г. посещаемость составила 32 709 человек по 1-й читальне, 13 658 — по 2-й. Значительная разница в цифрах объяснялась расположением библиотек и составом окружающего населения: 2-я читальня находилась на промышленной окраине города, отделенной от центра рекой.

В читальни приходили более подготовленные рабочие, отличавшиеся большей любознательностью и начитанностью, чем их товарищи. Основной наплыв посетителей наблюдался в воскресные и праздничные дни. Иногда число их превышало 100 человек. В будни читальни посещались меньше, так как рабочий день на фабриках и заводах заканчивался в 8 часов вечера. Влияло на посещаемость и время года — максимум приходился на зимние месяцы, убывая к июню-июлю.

Среди возрастных групп лидировали подростки и молодежь до 30 лет. Они относились к чтению серьезно, предпочитая объемистые книги, проводили в читальне по несколько часов, приходя иногда и два раза в день.

Читатели бесплатных народных библиотек интересовались преимущественно художественной литературой (29% требований), детской литературой (22%), периодическими изданиями (28%). Среди наиболее читаемых авторов первые десять мест принадлежали

лежали А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Вс. Крестовскому, Н. Погосскому, Л.Н. Толстому, Е. Салиасу, Ф.М. Достоевскому, И.С. Тургеневу, Мордовцеву, В.С. Соловьеву, А. Толстому. У читателей-рабочих предпочтения были свои — Вс. Крестовский, Ф.М. Достоевский, А. Толстой, Г. Данилевский; из иностранных писателей — В. Гюго, Ю. Крашевский, Ч. Диккенс, Г. Сенкевич, Г. Бичер-Стоу и др.

Меньший спрос наблюдался на книги научного содержания, поскольку эти читатели не были подготовлены к серьезному, познавательному чтению. Поэтому ближайшая задача бесплатных народных библиотек, писала заведующая 2-й Пушкинской читальней С.Ф. Горянская, «заключается в том, чтобы удовлетворить и правильно направить существующую в таком читателе потребность к чтению как источнику развлечения. За этою первою потребностью пробудится в нем невольно, сама собой, и другая — искание в книге источника знания»³.

Тенденция уменьшения числа читателей, наметившаяся со второй половины 1889 г., привела к необходимости пересмотра условий пользования читальнями, результатом чего явилась организация абонемента — с 5 ноября 1889 г. во 2-й читальне, с 1 января 1892 г. — в 1-й. По образцу берлинских библиотек были разработаны «Правила выдачи книг для чтения на дом» из 24 параграфов, устанавливавшие, что «книги выдаются всем обывателям Санкт-Петербурга, без различия пола, звания и занятий, начиная с 15-летнего возраста» по особому каталогу разрешенных для выдачи книг под денеж-

³Горянская С.Ф. Первые бесплатные городские читальни в Санкт-Петербурге (организация их и начало деятельности за 1888 год) // Русская мысль. - 1889. - № 10. - С. 86-96.

ный залог в размере стоимости издания или по денежному поручительству известного лица, заверенному нотариусом или полицией. Читателю выдавался билет на право получения книг на дом. Срок пользования устанавливался в 2 недели с возможностью продления еще на одну или две недели. За несвоевременный возврат, утерю, порчу книг взимались штрафы.

Абонемент сразу приобрел популярность. Выдача книг на дом сделала библиотеки более доступными для трудящегося населения, имеющего мало свободного времени и живущего на окраинах Санкт-Петербурга, позволила уменьшить расходы на содержание читален.

Библиотекари первых бесплатных читален с первых шагов столкнулись с рядом трудностей, из которых самой большой было комплектование фондов — ограниченное, тенденциозное, не отвечавшее действительным потребностям читателей. Введенные в 1890 г. Министерством народного просвещения «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними» ограничивали комплектование специальными каталогами разрешенных книг. Вторичная цензура проводилась окружным инспектором Комитета народного образования, вычеркивавшим из перечня выбранных библиотек книг все, что он находил вредным.

Особенной чистке подвергался список газет и журналов. И в то же время любые периодические издания свободно выдавались во многочисленных питейных заведениях рабочих районов города, поэтому читатели из низших слоев общества, интересы которых были все же разнообразнее, чем содержание каталогов Министерства народного просвещения, предпочитали обращаться туда, где могли узнать без помех о новостях внутренней и внешней политики, о текущих событиях. Стесненные в средствах, читальни не могли достаточно удовлетворять спрос на техническую литературу, новинки беллетристики.

Закономерное снижение посещаемости заставило библиотекарей выступать с требованиями пересмотра регламентирующих документов в отношении читален. 16 октября 1901 г. состоялось общее собрание попе-

чителей и библиотекарей бесплатных городских библиотек (которых к тому времени было уже 10) под председательством заведующего 1-й читальней имени А.С. Пушкина П.А. Потехина. Собрание признало необходимым ходатайствовать об отмене «Правил...» 1890 г., изменении политики комплектования бесплатных читален, устранения надзора за ними.

В 1905 г. Высочайшим повелением эти библиотеки были уравнены в правах с публичными и могли теперь комплектовать фонды в соответствии с реальными потребностями читателей. Была ликвидирована должность наблюдателей — лиц духовного или педагогического звания, осуществляющих надзор, а на деле лишь сверявших список приобретаемых книг с министерскими каталогами.

К 1911 г. в Санкт-Петербурге существовало уже 16 бесплатных читален. По численности фонда на первом месте стояла 1-я читальня имени А.С. Пушкина, имевшая 14 477 томов, во 2-й насчитывалось 13 148 томов.

За весь период существования читален не прекращались пожертвования от частных лиц, издательств, общественных организаций в виде книг, денег, имущества. Выделялись небольшие средства из городского бюджета, которые, конечно, не могли удовлетворить потребности библиотек. Положение еще более осложнилось с началом первой мировой войны.

Библиотечное дело всегда развивалось благодаря труду подвижников, бескорыстно преданных ему людей. История сохранила для нас имена первых сотрудников первых бесплатных читален Санкт-Петербурга.

Заведующим 1-й Пушкинской читальней с 1887 по 1901 г. был Павел Антипович Потехин, титулярный тайный советник, гласный Санкт-Петербургского земского собрания, гласный городского управления, гласный Центрального управления общества российских железных дорог, присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты; заведующим 2-е читальней — Николай Александрович Варгунин, гласный Санкт-Петербургского губернского земского собрания, гласный уездного собрания, гласный городского управления,

член комиссии по народному образованию, член городского училищного совета. Назначенные комиссией по народному образованию, они осуществляли контроль и управление деятельностью читален.

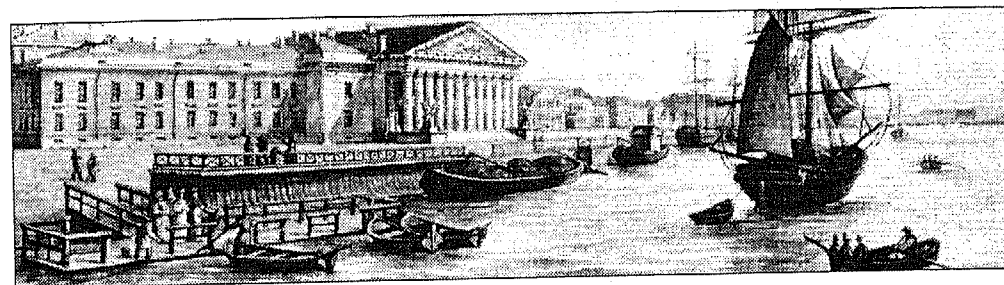
Собственно библиотечная работа велась в 1-й читальне с 1887 по 1917 гг. Ольгой Борисовной Барсуковой, во 2-й — с 1887 по 1890 по 1917 гг. Натальей Николаевной Кезевич. После Н.Н. Кезевич заведующей читальней стала ее дочь Екатерина Васильевна Кезевич (Каминская), которая сумела сохранить библиотеку в тяжелые годы революции, гражданской войны и разрухи. Во многом благодаря ее стараниям библиотека не была разграблена или ликвидирована. И существующая ныне на Большом про-

спекте Петроградской стороны в д. 73 Центральная районная библиотека имени А.С. Пушкина — преемница 2-е бесплатной городской читальни, ведущей свою летопись уже почти 110 лет.

За годы своей кропотливой просветительской работы — с 1887 по 1917 — Пушкинские читальни обслужили более полу-миллиона читателей, среди которых были и те, кто посещал их еще будучи школьниками, а потом приводили сюда уже своих детей. В читальни ходили целыми семьями.

Народные бесплатные библиотеки внесли значительный вклад в развитие культуры, распространение научных знаний, приобщение к чтению широких слоев трудящегося населения. Многие из них продолжали работать и в советское время.

ПЕРВАЯ ГОРНОТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Людмила Михайловна Одинабекова — директор Главной библиотеки Санкт-Петербургского государственного горного института (Технического университета) (СПбГГИ (ТУ)),

Людмила Георгиевна Ложкина — главный библиотекарь Главной библиотеки СПбГГИ (ТУ)

Светлана Олеговна Никиташина — зав. отделом редких книг Главной библиотеки СПбГГИ (ТУ)

Главная библиотека Санкт-Петербургского горного института — крупнейшая горно-техническая библиотека России — отметила в ноябре 1998 г. свое 225-летие. Созданная в 1773 г. одновременно с Горным училищем

библиотека за время своего существования внесла большой вклад в научно-исследовательскую и учебно-педагогическую деятельность института. Уже в первом Уставе Горного училища 1774 г. о Библиотеке сказано:

«библиотека сего училища и всякие инструменты должны также в приходные книги внесены быть и, учителям классов по случаю надобности в них выдаваемые, в хранении гофмейстера оставаться». Следует отметить изначально универсальный характер Библиотеки, отвечающей условиям образования того времени.

Сохранился реестр первых изданий, приобретенных для Библиотеки. М.Ф. Соймов — первый директор Горного училища — поручил Ивану Ивановичу Хемницеру, переводчику Берг-Коллегии, маркшейдеру, превосходно владевшему немецким и французским языками, известному баснописцу, одному из преподавателей Горного училища, согласно полученному списку «прислать книги у петербургских книгопродавцев». О выполнении поручения он доложил 17 мая 1774 г. М.Ф. Соймову, представив «Реестр присланных у книгопродавцев... для горного училища книгам...».

Научный характер подбора книг свидетельствует о главной задаче новой горной школы — готовить специалистов на самом высоком уровне.

Купленные у петербургских книгопродавцев 70 томов (26 названий) стали основой научной библиотеки Горного училища. Почти все они сохранились до наших дней, со следами школярских помет, так как почти до начала XIX служили основными учебными пособиями. В реестр включены книги видных европейских ученых XVIII века: химиков — И.Г. Потта, П. Макера; физиков — Ж.А. Нолле, И.П. Эбергардта; ученых Фрайбергского региона, где в свое время стажировался М.В. Ломоносов, готовившийся стать металлургом и горняком, — Х.Э. Геллерта, Ф.В. Оппеля, И.Ф. Генкеля.

Труды многих этих ученых М.В. Ломоносов имел в своей библиотеке, на некоторые он ссылается в своих работах, что еще раз подтверждает научный характер подбора книг.

Количественно небольшая подборка литературы представляла почти все аспекты горного дела и металлургии, что в значительной мере помогло преподавателям осуществить подготовку и начало учебно-

го процесса с 26 июня 1774 г., а 17 января 1775 г. провести первый экзамен.

Свидетельство этому надпись, обнаруженная на одной из книг Главной библиотеки: «Сия книгу в библиотеку Горного Училища подарил Статский Советник и Берг-Коллегии Монетного департамента Член Андрей Нартов при случае первого Экзамена. Генваря 17 дня 1775 года».

Отсутствие отечественной специальной литературы поставило перед преподавателями первоочередную задачу создания необходимых учебных пособий путем перевода основных иностранных изданий на русский язык. В этой работе принимали участие не только преподаватели, но и учащиеся Училища. В январе 1775 г. было положено начало типографии, и с тех пор по 1793 год на титульных листах 80-ти книг была обозначена типография Горного училища. Помимо издания литературы по горному делу и геологии здесь были напечатаны издания разной тематики, среди них первый «Российский атлас из 44 карт состоящий...», труды и известия Российского Вольного экономического общества, часть произведений Екатерины II и многое другое.

Говоря о профиле нашего собрания, следует однако признать, что разными путями, иногда стихийно, в библиотеку поступали книги разнообразной тематики, сделав фонд уже с первых лет универсальным. Одним из способов комплектования было приобретение личных собраний ученых Императорской Академии наук, пожертвования должностных лиц. Поэтому в фондах ГБ наряду с редчайшими старопечатными книгами по горному делу, металлургии, математике, химии и смежным вопросам имеется большое количество книг, не имеющих прямого отношения к дисциплинам, преподаваемым в училище. Это книги по истории, географии, экономике, этнографии, архитектуре, искусству, представляющие историческую и библиографическую ценность.

В Главной библиотеке СПбГГИ (ТУ) более 200 лет хранится часть книжного собрания Василия Никитича Татищева, выдающегося государственного деятеля, организатора горной промышленности Урала, историка и географа, сподвижника Петра I (1686—

1750). Нельзя не остановиться на некоторых фактах биографии В.Н. Татищева, касающихся его служебной деятельности и неразрывно связанных с историей его книжных собраний. Во время своей службы в армии В.Н. Татищев много ездил по Восточной Германии, Польше. Начиная с первых путешествий по Европе В.Н. Татищев стал покупать книги и делал это в дальнейшем всю жизнь.

Столь нужные русской горной промышленности екатеринбургские школы, созданные Татищевым, не могли развиваться без материальной базы, в первую очередь — без библиотек. Поэтому ученый дарит горной школе большую часть книжного собрания, по его собственным словам, «более тысячи томов».

Уральские горные школы не оправдали возлагавшихся на них надежд, и в 1773 г. в Санкт-Петербурге было открыто Горное училище (ныне Санкт-Петербургский горный институт).

Для быстрого налаживания учебного процесса Берг-Коллегии решила передать часть библиотеки екатеринбургских горных школ, состоявшей в основном из литературы на иностранных языках, во вновь открытое Горное училище в Санкт-Петербурге.

Сохранился перечень этих книг, обнаруженный в фонде Берг-Коллегии Л.А. Гольденбергом, датируемый 1781 годом. В фондах Главной библиотеки хранятся 160 книг из списка 1781 г.

Многие сохранившиеся книги библиотеки В. Татищева имеют автографы. Автографы, указывая на принадлежность книг В. Татищеву, позволяют не только определить круг интересов владельца, но и получить информацию о местонахождении его в определенное время (часто в автографах указываются год, месяц и день приобретения книги), о стоимости издания и даже о соотношении цен в талерах и грошах с рублями и копейками.

Монограммы проставлялись в нескольких местах: во-первых, почти всегда на титульном листе книги, ниже основного заглавия по правой стороне, во-вторых — в конце книги. Заключительная монограмма чаще всего помещалась около концовки, но встречается на заднем форзаце или добавоч-

ном чистом листе. Иногда дополнительные монограммы вписывались в шмуцтитулы и у промежуточных концовок. Большую работу по разысканию, изучению и описанию книг В.Н. Татищева продолжил В.Г. Бауман. Им подготовлена к печати монография «Реконструкция библиотеки В.Н. Татищева».

Главная библиотека по праву гордится одной из самых полных коллекций работ Георга Агриколы, знаменитого немецкого ученого в области горного дела и минералогии, автора первого технического учебника «Двенадцать книг о горном деле и металлургии», написанию которого он посвятил 20 лет. Несколько веков вплоть до XVIII в. он был основным пособием по изучению горного дела и металлургии.

Наличие большого количества иллюстраций делало книгу чрезвычайно популярной и доходчивой. Мы располагаем шестью томами изданий на латинском и немецком языках. Первое издание 1556 г. на латинском языке было напечатано в Базеле, также как и его повторение 1561 г. В интервале между ними был опубликован немецкий перевод 1557 г., сделанный Бехиусом. Все издания выполнены базельской фирмой Фробенов с использованием одних и тех же фробуор. Помимо этого у нас имеются издания этого учебника 1621 г. и 2 экземпляра 1657 г., факсимильное немецкое издание 1557 г., переводы на английский язык (1912 г.) и русский язык (1962 г. и 1986 г.).

Источники поступления в Главную библиотеку изданий трудов Георга Агриколы XVI в. пока не установлены, скорее всего это были дары, частные собрания. Издание 1621 г. было приобретено с партией книг в Швеции у издателя Ларса Сальвиуса первым преподавателем Горного училища А.М. Карамышевым в 1779 г. Под номером 9 в списке приобретенной литературы шел «Георг Агрикола. О рудном деле 1 том, лат. яз. сафьян».

Определить ее помог редкий тип переплета — красный сафьян, украшенный золотистенным экслибрисом-гербом. На другом издании, 1557 г., имеется владельческая подпись одного из преподавателей Горного училища Степана Боярского.

Кроме этих изданий у нас имеется прижизненное издание Г. Агриколы «*De mensuris et ponderibus Romanorum atque Graecorum et т.д.*» 1550 г. («О мерах и весах римлян и греков»). В первых пяти работах Агрикола, опираясь на труды римских, греческих, еврейских и др. авторов, производит исследование и сопоставление различных мер и весов античного мира. Каждой книге предпосылается список авторов, работы которых используются.

Помимо работ Г. Агриколы большой интерес с точки зрения содержания сведений по рудничному строительству представляет книга Г.Е. Ленеисса (1552—1624), которая, наряду с большим объемом сведений по горному делу, обогащению и разделению руд, содержит также сведения о проходе и строительстве шахт на их начальном этапе. Книга снабжена множеством иллюстраций в виде ксилографов в разворот листа, обрамленных сложным художественным орнаментом, привлекающим внимание к иллюстрациям.

К этой же эпохе (середина XVI в.) относятся два сборника законодательных актов, касающихся регламентации горных работ, включающих правильные методы и способы ведения горных работ и описывающих с высокой точностью все рабочие процессы: 1. *Bergordnung des freyen Koniglichen Bergwecks Sanct Jon chimsthal samt anderen umbligenden und eingeleibten Sibbergkwercken auff's newe gebessert...Zwickaw*, 1548; 2. *Bergk Ordnung Durch den Durch lautigsten Hochgebornen Fursten und Herrn Hernn Augusten, Hertzogen zu Sachsen... — Dresden*, 1554.

Издания, поясняющие способы добычи полезных ископаемых с помощью машинной техники, часто назывались «*Theatrum machinarum...*». Фундаментальное девяти томное издание Якова Лейпольда (1674—1727) делает попытку не только описать машины, но и раскрывает принципы их построения.

Ко второй половине XVIII в. относятся книги знаменитого профессора горного дела Фрайенбергской горной Академии Абрахама Готлиба Вернера (1750—1817). Это «*Neue Theorie von der Entstehung der Gange*

mit Anwendung... 1791», «*Kurze Klassifikation und Beschreibung der Verschiedene Gebirge Sachsenes... 1777*», «*Von den ausserlichen Kennzeichen der Fossilien... 1774*».

Автором первой книги на русском языке, посвященной горному делу, был русский ученый-металлург и горняк Иван Андреевич (Иоханн Вильгельм) Шлаттер (1708—1768), в 1760 г. составивший «Обстоятельное наставление рудному делу», ставшее практическим руководством по разведке и разработке рудных месторождений, обогащению руд и отразившее состояние техники горного дела того времени. Ему принадлежат ряд сочинений по монетному делу и металлургии, переводы трудов зарубежных ученых по минералогии, пробирному искусству и «плавильному делу». На протяжении долгих десятилетий его книги служили не только практическим, но и учебным пособием.

К подъему русской горной и металлургической промышленности не мог остаться равнодушным великий ученый Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765). Наряду с фундаментальными трудами по физике, химии, металлургии ему принадлежат работы по геологии, минералогии и горному делу. В 1763 г. была напечатана его книга «Первые основания горной науки», охватившая чрезвычайно широкий комплекс вопросов в области горно-металлургического дела.

Большой вклад в разработку минералогии и изучение минералогических ресурсов России внес академик Василий Михайлович Севергин (1765—1826), преподававший в Горном училище в 1798—1801 гг. Его двухтомник «Первые основания минералогии... 1798», «Подробный словарь минералогических (1807)» являлись энциклопедией минералогических знаний конца XVIII в.

В Главной библиотеке хранится более 350 книг XVII—XVIII вв., относящихся к геологии, причем в это число не включены работы по естественной истории в целом, в ряде случаев включающие отдельные геологические темы.

Свою немалую лепту внес в развитие российского горного дела австриец, родившийся

в 1755 г. в Мариенгофе в Штирии, Иван Филиппович Герман (настоящее имя Бенедикт Франц Иоганн) — горный инженер, ординарный академик Императорской Академии Наук, в 1782 г. приехавший в Россию. Он собрал богатые коллекции руд и минералов, обширные материалы по истории горного дела, технологии металлургического производства, истории Пермских, Уральских и Колывано-Воскресенских заводов.

Герман был членом многих ученых обществ в Санкт-Петербурге, Геттинген и Праге, общества естествоиспытателей в Берлине, экономических обществ в Вене и Петербурге и Венского минералогического общества. Многочисленные труды Германа напечатаны в академических источниках и отдельных изданиях в России и за рубежом на немецком, французском и русском языках.

Среди уникальных рукописных памятников, хранящихся в нашей библиотеке свыше двух столетий, следует назвать знаменитое «Описание уральских и сибирских заводов». Полное название этой рукописи такое — «Генералом Георгием Вильгельмом Де Геннин собранная, натуралии и минералии камер в Сибирских горных и заводских дистриктах также чрез его оновь строенных и старых изправленных горных и заводских строениях, и прочих куриозных вещах. Абрисъ».

Вильгельм де-Геннин (1676—1750) был принят императором Петром I в 1698 г. на русскую службу и явился одним из первых организаторов горного дела в России. Он двадцать лет управлял Уральскими заводами, много потрудился над их организацией и развитием. За годы своей работы де-Геннин хорошо изучил горнозаводской Урал и там вместе со своими помощниками написал эту замечательную книгу.

Рукописная книга, составленная в 1734 г., была снабжена рисунками, раскрашенными вручную, чертежами и планами заводов, цехов и отдельных машин и их частей. Это был трактат, отражавший состояние техники горного дела первой половины XVIII в., но одновременно содержавший подробную историю развития и экономическое состояние Уральских заводов и являвшийся посо-

бием для организации новых заводов.

Это было первое практическое руководство по горному и металлургическому делу, составленное в России. Автор обстоятельно доказывал, что Уральские казенные заводы приносят прибыль. Но это не понравилось тогдашнему правительству, члены которого во главе с Анной Иоанновной и Бироном уже подготавливали почву для растаскивания казенных горных заводов, указывая что для казны заводы убыточны. Судьба книги была решена: она продолжала оставаться в рукописи.

Этой рукописью нередко пользовались студенты горного кадетского корпуса, для которых она долго была пособием по горному и металлургическому производству, строго регламентирующим разнообразные процессы. Техника, введенная на уральских заводах, была самой прогрессивной для того времени. Рукопись переписывали довольно часто, но этим дело и ограничивалось. Издавать ее не собирались. Книга была напечатана лишь в 1937 г., спустя 200 лет. Списков этой рукописи сравнительно исправных, известно пять: список Российской Публичной библиотеки, список АН России, список Института книги, документа и письма, на котором было обозначено, что он переписан для Григория Демидова, список библиотеки Санкт-Петербургского горного института, переписанный главным образом студентами Горного кадетского корпуса в 80-е гг. XVIII в., и список Московского исторического музея.

Но вернемся к истории создания самой библиотеки Горного училища.

Уставом Горного училища 1774 г. определено место и назначение библиотеки. Первоначально общеобразовательная, с расширением предметов, читаемых в Училище, библиотека становится все более специализированной. Она создавалась в помощь преподавателям при подготовке к занятиям — и в помощь воспитанникам в их учебе. Поэтому уже в самый начальный период библиотека подразделялась на «классную», то есть учебную, и «неподвижную». Такое деление традиционно сохраняется до настоящего времени: учебный фонд и научный фонд.

Начиная с 1797 г. в архивах Горного училища появляется материал о библиотеке. В этом же году библиотекарь Ипполит Маскле составил первый каталог библиотеки. Тогда же впервые упоминается название «Главная библиотека», официально утвержденное в 1834 г. и сохранившееся поныне.

Комплектованию библиотеки, созданию библиотечного фонда уделяется самое серьезное внимание: в ее фонд поступают все лучшие книги, выходящие в свет в тот период на русском и иностранных языках.

Под руководством директора Училища А.И. Корсакова в 1809 г. была составлена классификационная схема организации фонда (примерно соответствующая рубрикации систематического каталога). В 1826 г. библиотекарь Баташов усовершенствовал эту схему и составил систематические каталоги.

В 80-х гг. XVIII в. в библиотеке насчитывалось более 500 томов, к концу XVIII в., согласно каталогу Маскле, составленному в 1797 г. уже 2238 томов, а в 1826 г. — уже 5 000 томов.

На последнюю четверть XVIII в. и первые годы XIX в. приходится бурное развитие минералогии и кристаллографии. Опубликовал свои работы Луи Роме Делиль (1736—1790): «*Essai de cristallographie ou description des figures geometriques... 1772*». Открыл один из своих основных законов кристаллографии французский ученый Рене Жюст Гаюн (1743—1822), труды которого представлены в библиотеке («*Extrait de un traite elementaire de Mineralogie*»).

Только в рукописи сохранилась восьмитомная «Российская горная история», созданная в 1807—1819 гг. Аникитой Сергеевичем Ярцевым (1737—1819).

Это русский деятель горнозаводской промышленности, окончивший Екатеринбургскую горную школу, а Московский университет. В 1783—1784 гг. он был директором Горного училища в Петербурге. В 1797—1802 гг. — начальником канцелярии правления заводами в Екатеринбурге. Под его руководством построены металлургические заводы в Казанской губернии и Олонекском крае.

Название рукописи раскрывает ее содер-

жание: «Российская горная история или повествование о всех вообще Российских древних и новейших Горных Заводах, как то: железных, медных, сереброплавильных, золото промываленных и о протчих минеральных произведениях. Расположенная по географическим, минералогическим, топографическим и хозяйственным правилам. Сочиненная по высочайшему соизволению действительным статским советником и кавалером Аникитой Ярцевым».

Эту горную историю из 8 частей он начал писать по воле «всемилодивейшего государя императора» Александра I и по поручению министра финансов графа Васильева в 1807 г. Работа над ней продолжалась около 12 лет. Рукопись содержит горные и заводские чертежи, около 40 планов. Как пишет Ярцев в предисловии, он мог бы прибавить еще 4 ученые части, но из-за преста- релых годов сочинителя, из-за отсутствия помощи в рисовании и письме эта работа была остановлена. Цель этого сочинения состояла в том, чтобы составить полный курс, очень нужный в те времена для горно-заводской деятельности. Ярцев подразделяет горную историю на семь эпох, выделяя в седьмую Российскую горную историю. Российскую горную историю он в свою очередь подразделяет на 8 частей, в каждой из которой описываются различные горные предприятия, находившиеся на этих территориях. Помимо этого Ярцев пишет в первой части о происхождении некоторых народностей, живших на этих землях. Эта рукопись сохранилась в единственном экземпляре. К ней часто обращаются специалисты, занимающиеся изучением горной науки, своего предприятия. Из 11 книг расшифровано только 4. Эта работа выполнена в 1948 г., но так и не доведена до конца. Свыше 190 лет «Российская горная история» ждет своего издания.

За более чем 220 лет своего существования Главная библиотека Санкт-Петербургского горного института собрала немало ценнейших изданий XIX в. и более позднего периода. Это одиннадцатитомная работа академика Н.Н. Кокшарова «Материалы для минералогии России»; труды профессора И.В. Мушкетова; сочинения ге-

неального кристаллографа Е.С. Федорова; геологические карты, составленные А.П. Карпинским и Л.И. Лутугиным; книги по горному делу А.И. Узатиса, Б.И. Бокия, Н.Т. Келля, В.И. Баумана, А.А. Скочинского и многих многих других.

Следует отметить, что кроме книжных богатств, Главная библиотека располагает большой коллекцией периодических изданий XVIII в. (87 названий). Большею частью это иностранные издания с преобладанием немецких. Иностранные периодические издания по горному делу, металлургии, физике, химии, математике, а также общенаучного содержания были полезны для учебно-процесса студентам Горного училища.

Наиболее ценными отечественными периодическими изданиями являются издания Императорской Академии Наук: «*Acta*», «*Nova Acta...*», «*Commentarii...*», «*Novi commentarii...*». Все они представлены полным комплектом. Очень популярными были в то время «Труды Вольного экономического общества», выходящие на русском языке и имевшие практическую направленность. В библиотеке они имеются также в полном комплекте с 1765 по 1915 гг. До сих пор пользуется популярностью периодическое издание «Древняя Российская вивлиофика», посвященное русской истории, издававшееся выдающимся общественным деятелем времен Екатерины II Н.И. Новиковым.

При преобразовании в 1834 г. Горного училища в Институт корпуса горных инженеров было отдано распоряжение о передаче библиотеке и сосредоточении в ней всех книг, находящихся в подразделениях бывшего Училища, затем кадетского корпуса. Библиотека разделяется на Главную (название, сохранившееся поныне), являющуюся собранием горных и прочих научных сочинений; Запасную, в которой находились запасные (дублетные) экземпляры; Классную, содержащую учебные руководства и учебные пособия; и Ротные, для чтения воспитанниками и находившиеся в их комнатах.

В 1866 г. Горный институт становится открытым учебным заведением, изменилось и положение библиотеки: она отделяется от музея, получает самостоятельность, воз-

главляется библиотекарем, которого избирает Совет и утверждает директор института. Библиотека переведена в светлое, просторное помещение (в этом помещении в настоящее время находится главное книгохранилище). Улучшена система комплектования: она стала плановой.

К 100-летию юбилею (1873 г.) Горного института в библиотеке насчитывается 33 777 экз. изданий. В конце XIX-начале XX а. фонд пополняется за счет расширения книгообмена, увеличения закупок, безвозмездных приобретений, к 1910 г. библиотека получала 310 названий журналов, из них 189 — иностранных, общий фонд достиг 80 тыс. томов.

В 1900 г. Советом создается библиотечная комиссия, которая ведала всей деятельностью библиотеки.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война и последующие революционные годы приостановили развитие и комплектование библиотеки.

Следующий решающий этап в развитии Главной библиотеки Горного института приходится на 30-е гг. нашего столетия. В этот период изменена система расстановки книг, составлены новые предметные каталоги, открыт отдел социально-экономической и художественной литературы, созданы передвижные библиотеки, в большом объеме ведется библиографическая работа, организовываются книжно-иллюстративные выставки. С 1932 г. функционирует межбиблиотечный абонемент.

В 1937 г. возобновлен книгообмен с зарубежными странами. Главная библиотека ведет книгообмен со 110 научными организациями и университетами Западной Европы, Америки, Японии, Китая.

Начавшаяся война прервала интересную многогранную работу библиотеки. С первых дней войны началась подготовка библиотечного фонда к длительной консервации. Уникальная литература и большая часть научного фонда была упакована в ящики и спрятана в подвале. Дублетные экземпляры и часть учебников оставили на стеллажах. Около 10 000 книг, преимущественно учебников, институт взял с собой в эвакуацию в город Черемхово. В эвакуации

библиотека обеспечивала учебный процесс и, по мере возможности, научные исследования института. На долю Главной библиотеки в годы блокады Ленинграда выпало немало бед. Возникла угроза гибели книг от сырости, пожаров, попадания осколков снарядов.

Ценой героических усилий и, порой, жизней библиотекарей книжный фонд был спасен. В помещении библиотеки, на своем рабочем месте, не перенеся лишений блокады, в 1942 г. умер директор библиотеки Михаил Константинович Салтыков, с самых юных лет посвятивший себя работе в Главной библиотеке.

В послевоенные годы библиотека продолжила работу по формированию библиотечного фонда, которая проводилась в соответствии с учебными планами и планами научной деятельности института. В 1985 г. в Главной библиотеке был организован отдел старинных и редких книг, что позволило выделить из миллионного фонда самые ценные и уникальные экземпляры.

Наш фонд старинных и редких книг — это история науки и культуры в подлинниках, ценнейшие памятники, наше культурное наследие, которое требует бережного отношения и пристального изучения.

Книжно-журнальное собрание Главной библиотеки Санкт-Петербургского государственного горного института гораздо шире потребностей обучения студентов и имеет большое научно-историческое значение. Поэтому ее фонды активно используются учеными как России, так и других стран.

Литература

1. Астраханский В.С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия: 1980.- Л.: 1981.- С. 12-38.
2. Бауман В.Г., Ложкина Л.Г., Салахутдинова Д.К. Первая горная научная библиотека России // Новое в истории горной науки.- М.: 1987.- С. 105-114.
3. Бауман В.Г., Салахутдинова Д.К. Книги из библиотеки В.Н. Татищева в Ленинградском горном институте // Книга в России XVI — середины XIX веков.- Л.: 1990.- С. 127-139.
4. Бауман В.Г. Некоторые дополнения к статьям Т.В. Глембоцкой из цикла «Литературные памятники горной науки и техники»// Горный журнал.- 1994.- № 3.- С. 63.
5. Главная библиотека за 150 лет // Горный журнал.- 1923.- № 11.- С. 705-710.
6. Гольденберг Л.А. Михаил Федорович Соимонов (1730-1804).- М., 1973.
7. Злотников М.Ф. Первое описание Уральских и Сибирских заводов // Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов.- М., 1937.- С. 11-13.
8. Книги В.Н. Татищева в Главной библиотеке Ленинградского горного института: Каталог / Сост. В.Г. Бауман, Д.К. Салахутдинова.- СПб., 1992.- 160 с.
9. Труды Агрикола и развитие горного дела на территории СССР в XVI — XVIII веках // Шухардин С.В. Георгий Агрикола.- М., 1955.- С. 192-201.
10. Havu Sirkka, Bauman V.G. Salachutdinova D.K. V.N. Tatisjtjevs bocker u Helsingfors universitetsbibliothek. // Opusculum. — 1991. — Vol.11.- N 2-4.- S. 118-149.
11. Schmidt P. Buch-, bibliotheks- und Wissenschaftshistorische Untersuchungen an «alten Bucheern» in der Hauptbibliothek des Leningrader Bergbauinstituts // Neue Bergbautechnik. 21 jg. N. 8. Aug. — 1991.- S. 310-315.

ТИХАЯ БИБЛИОТЕКА¹

Что такое Тихая Библиотека?

Мариан Корен

Разве не была всегда любая библиотека тихой?

Тихая библиотека — это памятник культуры; кроме этого, это концепция, лежащая в основе всей библиотечной деятельности и требующая, соответственно, внимания всех причастных к этому делу людей. Быть может, при помощи нашего рассказа будет легче объяснить, о чем идет речь.

Возможно, кого-то из заинтересованных людей вдохновит наше изложение этой концепции и первая презентация проекта Тихой Библиотеки.

ЖИЗНЬ ТЯНЕТСЯ К ЖИЗНИ. И ВОТ, РОДИЛСЯ И ВЫРОС РЕБЕНОК. Он научился ходить и разговаривать. Ему предстояло открыть для себя игры, приключения и вещи. Мир камней, растений и животных таил сюрпризы в своем бесконечном многообразии.

Не менее увлекательным представлялся и вечно изменчивый мир земли, воды, ветра, солнца и звезд во вселенной. Ребенку нравилось проводить время с семьей, с учителями и товарищами — он очень любил их всех. И все же, люди казались такими разными и не похожими друг на друга.

Он слышал рассказы о людях иной культуры, живших в другое время, в других странах. Узнав об их существовании, Ребенок понял, что даже в наше время есть дети, не имеющие возможности играть, которым плохо живется, потому что они больны, бедны или потому что война разлучила их с близкими.

И тем не менее, эти дети, может быть, точно так же хотят иметь друзей или мечтают о том, кем они могли бы стать, если бы обстоятельства сложились иначе.

Несмотря на все различия, они, возможно, размышляли над тем же вопросом, что так часто задавал себе Ребенок: Для чего я живу? Вопрос этот шел из самой глубины души и спрятаться от него было негде. Ребенку казалось, что если нельзя найти удовлетворительный ответ, то и жить дальше, в общем-то, незачем. Поэтому Ребенок решил разузнать, поискать информацию и кого-нибудь, кто смог бы ему ответить.

Взрослая Особа неслась сломя голову. Трудно сказать, какого пола и положения было это существо, откуда родом. Казалось, эта Особа всегда спешила. Так много обязанностей необходимо исполнить, переделать столько дел, поддержать столько знакомства. Взрослая Особа прекрасно научилась проявлять гибкость в работе, в отношениях, в своих желаниях. Она поняла, что невозможно получить все сразу. Однако же одним, похоже, богатство само идет в руки, а другие не добиваются ничего, как ни стараются. В одних странах большая семья высоко ценится, а в других считается обузой. Одни завалены работой, другие — безработные. И все эти люди ищут утешения, мечтают о плодотворной жизни и хотят быть любимыми.

Но столько сил уходит на дела, на беготню туда-сюда, на возню с документами, разговоры с начальством. Жизнь утомительна. Никогда не хватает времени, чтобы подумать как следует над главным вопросом: В чем смысл жизни?

Взрослая Особа почувствовала, что этот вопрос больше невозможно откладывать, и решила остановиться и отдохнуть,

Участники проекта: Эмиль Де Кайзер, художник; Густаво Мулгала, архитектор; Ксандер Спронкен, скульптор; Марк Туи, дизайнер-график; Франк ван Гелфен, художник по свету.
Координация специалистов: Ламмерт Леертувер, бывший редактор, Ляйденский университет.

пока не наступил кризис и окончательно не лишил ее способности ясно мыслить. Ей хотелось выяснить, не удалось ли другим людям — может быть, носителям иных традиций — найти для себя ответ на подобные вопросы.

Позилый Человек размышлял о прожитой жизни. Чего он достиг, о чем вспоминает с удовольствием? Одно давалось легко; ради другого приходилось прилагать немало усилий, идти на конфликты и терять друзей. Понимание одних вещей пришло в юности; а на формирование иных представлений потребовалась целая жизнь. Раньше Позилый Человек любил заниматься спортом и участвовать в соревнованиях. Но болезни ослабили его тело, и любое усилие стало даваться с трудом. Долгие годы этот Позилый Человек был связан с разными организациями, чьи изначальные задачи и смысл зачастую трудно было определить. Многие идеи и убеждения, на которых они были построены, со временем, казалось выцвели.

И все же, Позилый человек по-прежнему задавал себе вопрос: нельзя ли прожить жизнь по-другому, спокойнее, избежать некоторых конфликтов? Где найти ответы на вопросы? Где искать прозрений и достоверных сведений, на которые можно положиться?

Все три человеческие существа — или это было одно существо? — с надеждой смотрели на еще одного представителя человеческого рода, шедшего мимо. Когда их глаза встретились, проходивший на минуту остановился и выслушал их. Ребенок, Взрослая Особа и Позилый Человек по очереди рассказали свои истории и поделились вопросами, которые каждый из них посыл в своем сердце. Выслушав их рассказы, проходивший понял, как серьезно и искренно ищут они ответы. То, что он отвечал им, исходило из его жизненного опыта. Вопрошающие выслушали его слова и тщательно их обдумали. Еще один человек проходил мимо них, и снова они задали свои вопросы, с благодарностью выслушав охотно данный ответ. Много еще проходило людей, и их ответы

— все они представлялись ценными — записывались и сохранялись.

Те, кто находил утешение в этих записях, стремились помочь другим, также оказавшимся в трудном положении и ищущим ответов. Но стало очевидно, что каждому человеку придется самому найти для себя ответ. Никто не может определить для другого существа, в чем суть его или его жизни. И вот однажды было создано прибрежье, тихое место, где можно было укрыться от шума и суеты внешнего мира. Там люди могли, при желании, замедлить темп своей жизни и отдохнуть. Но одного отдыха было бы мало. Людям также необходима была пища для их любознательного ума, чтобы найти опору для своей деятельности и набраться сил. Людям приходилось готовиться к жизни, как к путешествию, выслушивая или читая рассказы тех, кто испытал все это сам, и учась разбираться в щедро предоставленных картах.

И тогда решено было собрать все тексты и книги, где речь идет об основных жизненных вопросах, которые могут служить свидетельством подлинно пережитого и, быть может, содержат некоторые существенные ответы. Эти ответы могли родиться в различных культурах и традициях, и они должны быть доступны всем без исключения. С такой целью во всевозможные библиотеки и множеству специалистов были разосланы письма с просьбой внести свой вклад в это предприятие на благо людей.

Пока строилось здание, устроители с нетерпением ожидали ответов. Одно за другим приходили письма. Одна дама сообщила, что не может помочь, так как в ее библиотеке не хватает сотрудников. Другой библиотекарь прислал свои извинения: его программа не была так насыщена, что он уже ничего не мог к ней добавить. Третья отвечала, что с трудом улавливает смысл и цели всего предприятия и не может сделать того, что у нее просят. Четвертый боялся, что предложив некоторые тексты, навлечет немилость на собственную биб-

лиотеку. Один ученый сослался на занятость, так как большую часть времени он проводил за границей. Другой только что начал карьеру преподавателя и опасался за свою репутацию. Третий же хотел затеять научный спор о различных культурах и потребовал, как минимум, четких определений используемых терминов. Приглашены были все, но лишь немногие, похожие, смогли ответить согласием. Те, кто решил попытаться, составили список предполагаемых

текстов. Кто-то просто предлагал текст с полезной цитатой. Кто-то боялся, что уже опоздал со своим предложением, и все же скромно указывал на возможные источники.

В конце концов помещение было подготовлено, полки заполнены книгами, тексты предложены читателю. Тихая Библиотека, вход бесплатный и открытый для всех.

О ТИХОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Идея тихой библиотеки основана на концепции права на информацию¹. Эта концепция отводит информации решающую роль в развитии человеческого потенциала во всей его полноте. Информация, образование и развитие человеческой личности тесно связаны между собой. Все вместе они воспитывают человеческое достоинство — основной атрибут жизни человека, нуждающийся в поощрении и защите.

Человеческое достоинство является центральной концепцией Всемирной Декларации Прав Человека. Это фундаментальное право на уважение провозглашают и многие другие правозащитные соглашения, как, например, Международная Конвенция о Правах Ребенка.

Право на информацию представляет собой общечеловеческое право — право на самообразование из общедоступных источников. Человек вечно пребывает в поисках информации — такой информации, которая обеспечила бы ему полноценное развитие.

Во многих традициях и культурах особое внимание уделяется образованию и развитию человека. Учитывается опыт тех, чья жизнь может в каком-то отношении послужить примером; их можно назвать подлинными представителями человечества. Существуют драгоценные тексты и отрывки, не-

сущие сведения о мировоззрении и жизни, лежащих вне рамок конкретной культуры, традиций, времени и пространства. Такие тексты помогают размышлять о истине и открывают иные способы существования. Каждый человек имеет право на образование и на информацию о том, что есть лучшего и наиболее близкого к истине в различных великих традициях. Людям необходимы конкретные примеры и подлинное свидетельство. Они могут научиться у себе подобных.

В одной устной традиции, к примеру, существует поговорка: когда старый и мудрый человек умирает, сторае целая библиотека. В других культурах библиотеки существуют как учреждения. В них содержатся молчаливые свидетельства подлинной жизни. Эти тексты, разбросанные по всему миру, составляют всеобщую Тихую Библиотеку, о которой большинство людей даже не подозревает.

Эту Библиотеку можно воплотить и организовать в любой стране. Само существование Тихой Библиотеки свидетельствовало бы о том, что тексты, принадлежащие к разным традициям, могут мирно стоять бок о бок. Книжки не воюют, как не воюют те, кто их читает.

Неотъемлемый признак подлинной жизни — тишина. Тишина как отсутствие внеш-

¹ Корен М. «Скажите мне! Право ребенка на информацию» Гаага: NBLS, 1996.

него шума и внутреннего беспокойства. Тишина как необходимое условие для вдумчивого чтения и образа жизни. Тишина как невыразимая сущность человеческой культуры.

Существует общая потребность в непредвзятой информации, в распределении информации, которой никто не пытается манипулировать. Задача Тихой Библиотеки — дать людям возможность узнать, как в различных традициях представлены те самые человеческие качества, которые в наше время отразились в интересе к правам человека. В Тихой Библиотеке эти тексты становятся осязаемыми и доступными. Идея, следовательно, заключается не в том, чтобы представить какие-либо системы или доктрины в капониической форме, а в том, скорее, чтобы способствовать развитию личности — то есть культуре в истинном смысле слова.

Перед библиотекой стоит задача сделать эти культурные проявления жизни зримыми и доступными, чтобы каждый мог учиться и набирать знания.

Таким образом можно было бы научиться решать самые существенные жизненные вопросы, делая это чутко и с уважением, не ограничивая себя никакими рамками. Наведение мостов между различными культурами и выход за пределы традиций создают возможность нового исследования, идущего дальше простого выявления сходств и различий.

Такой подход создает условия для многостороннего развития собственной личности, воспитания искренней терпимости и более глубокого понимания других людей и культур.

Тихая Библиотека удовлетворяет потребность в некоммерческом пространстве. Она предоставляет человеку в полное распоряжение место, где он может вздохнуть свободно. Она «беспольна» в том смысле, что из нее нельзя извлечь выгоды.

Тихая Библиотека действует самим фактом своего существования. Культура по природе своей подразумевает важность воображения и идеализма, которые заслуживают своего места в мире, вне всякой системы. Подобно тому, как существуют монументы, напоминающие людям об ужасах войны и раздоров, должны быть и памятники совершенно обратному — мирной жизни и чистой совести. Таким культурным памятником как раз и является Тихая Библиотека.

Концепция Тихой Библиотеки проясняет особое значение библиотек. Они хранители культуры и этих молчаливых текстов. Манифест публичных библиотек, выпущенный ЮНЕСКО, объявляет библиотеку «Живой движущей силой образования, культуры и информации и важнейшим элементом борьбы за мир и духовное процветание людей».

О роли библиотек можно судить, к примеру, и по Конвенции о Правах Ребенка, ратифицированной почти в каждой стране мира. Конвенция четко формулирует право ребенка на информацию — особенно на ту, которая способствует его культурному развитию и духовному благополучию.

Информация также имеет отношение к образованию — максимально полному раскрытию заложенных в человеке способностей. В это понятие входит и человеческое развитие в духе взаимопонимания, мира, терпимости и дружбы, уважения к другим людям, к иным культурам и к окружающей среде.

Библиотекарям отведена особая роль в понимании и распространении идеи Тихой Библиотеки. Они знают, где найти такие тексты, им может быть известно, что в этих текстах содержится. Эти знания полезны тем, кто ищет информацию, особенно если библиотекари сами размышляют над текстами и вдохновляются ими.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА ТИХОЙ БИБЛИОТЕКИ НА ИФЛА-98

Чтобы помочь библиотекарям осознать свою миссию, решено было создать символический образ Тихой Библиотеки.

Прекрасной возможностью представить подобный проект являлась конференция Международной Федерации Библиотечных Ассоциаций (ИФЛА), которая проводилась в Амстердаме в год пятидесятилетия Всемирной Декларации Прав Человека.

Достойная подборка и презентация текстов на международной конференции могли бы предоставить ее участникам возможность проникнуться этими идеями и обдумать их, дать им вдохновение для будущей работы и жизни.

Это проект не следует рассматривать как единственный способ создания Тихой Библиотеки. В какой бы стране библиотекари, с помощью ученых и других специалистов, не задумали организовать Тихую Библиотеку, повсюду ее форма и содержание будут различными. Но цель останется неизменной: дать людям прибежище, тихое место для самообразования, открытое всем.

Над проектом, приуроченным к амстердамской конференции ИФЛА 1998 года, работала группа творческих людей из Бельгии и Нидерландов, которые несколько раз собирались вместе, чтобы обсудить сущность Тихой Библиотеки и решить, как лучше представить ее. Было очевидно, что презентация сможет дать лишь очень общее представление о концепции. Значительная часть общения и понимания происходит в сфере недоступной словесному выражению. Человеческое восприятие реальности, в том числе и культуры, ограничено. Все находится в движении, включая нас самих и наши представления.

Мы вынуждены сами, внимательно вчитываясь, интерпретировать происходящее. Знаки на развивающихся полотнах по-

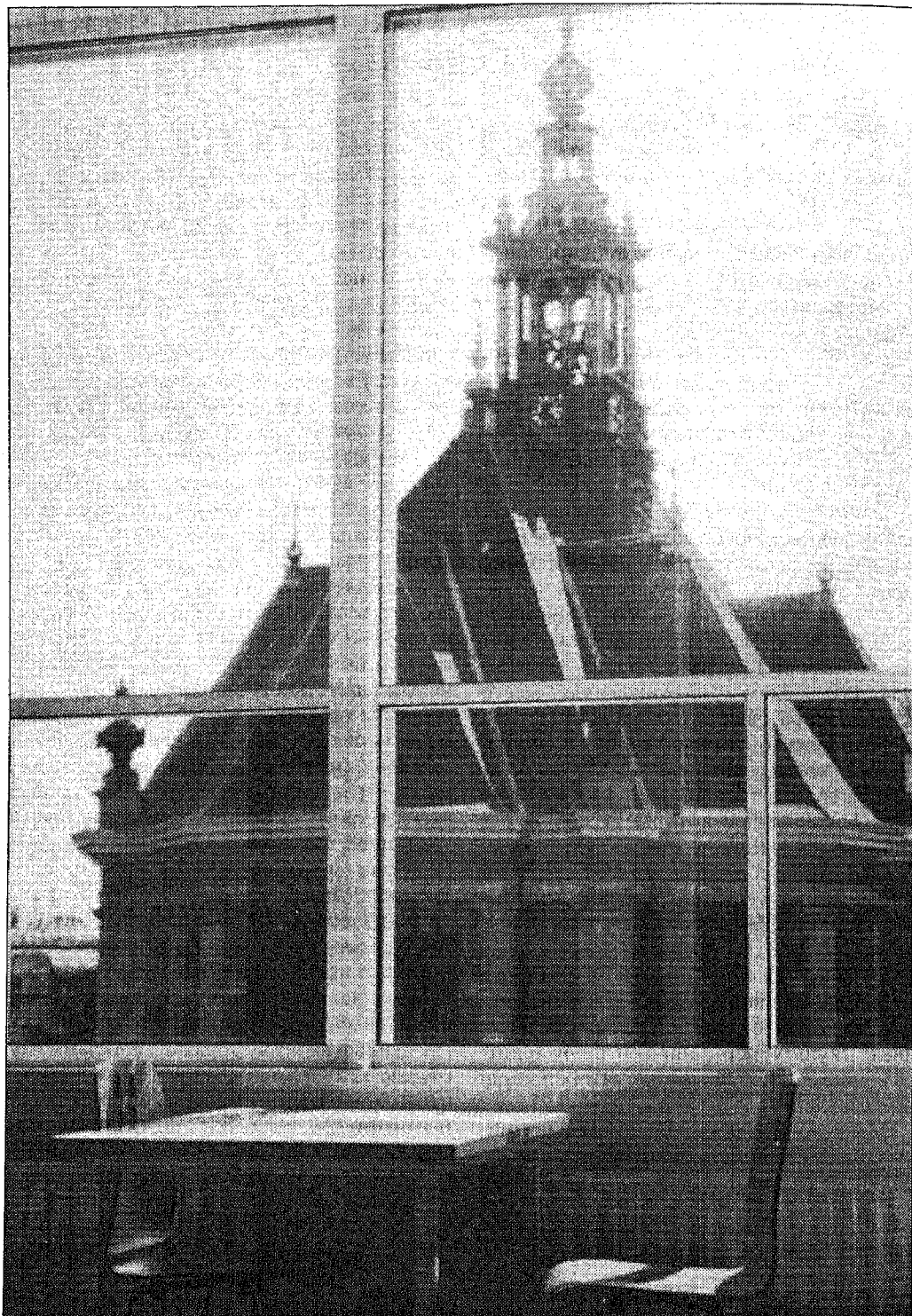
зволяют прочесть обрывки текста, недоступного нам во всей полноте. Кое-где текст стерся. Остались ключевые слова.

Внимательное чтение текстов, в которых человечество обрело самовыражение, требует сохранения дистанции, шага назад или вверх от повседневных забот. Если считать человеческую культуру бесконечным свитком текста, написанном бесконечным разнообразием стилей, то можно заметить, что всю эту книгу или весь образ культуры целиком нельзя окинуть единым взглядом, даже если смотреть очень долго. Одни части открыты, другие еще в развитии. Человеку доступно лишь отрывочное видение, один фрагмент вечно движущегося изображения. Поэтому невозможны ни категорические суждения, ни окончательные интерпретации.

Мы можем рассматривать различные традиции и те следы человеческого понимания, которые сохранились в текстах — страницах из книги культур. Те, кто находят время для тщательного наблюдения при подходящем освещении, получают возможность насладиться видом ландшафта, составленного из традиций. Они также, может быть, заметят, что за текстами открываются пространства — как связанные с традицией, так и свободные, по которым сами тексты разносятся, как вольные листья, летящие по ветру.

Какие тексты предложили бы вы для Тихой Библиотеки? Такой вопрос был задан многим библиотекарям и специалистам. Они отвечали по-разному. Их предложения представлены в этом текстовом ландшафте как ценный вклад в собранную по данному случаю Тихую Библиотеку. Тексты можно найти и прочесть в обычных библиотеках. В этом смысле любая библиотека — Тихая.

Перевод на русский язык Перепеч О.В.

ГОЛЛАНДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИЛИ КОШКА, КОТОРАЯ СМОТРИТ ВНИЗ С ДЕРЕВА

Борис Федорович Володин — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения РНБ, канд. пед. наук

На 64-й конференции ИФЛА Ассоциация публичных библиотек Нидерландов совместно с фондом FORCE представили проект, который получил весьма необычное название «Тихая библиотека». Суть этого проекта выражена в стремлении в эпоху информатизации предоставить через библиотеку в распоряжение читателя мир текстов, накопленных человечеством. Иными словами, речь идет о том, что библиотеку, а именно — публичную библиотеку, следует рассматривать как информационный центр, предоставляющий в распоряжение человека не всевозможные информационные ресурсы и информацию в различном виде на самых разных, в том числе и безбумажных носителях, а тексты в форме, характерной для классической библиотеки до эпохи информатизации.

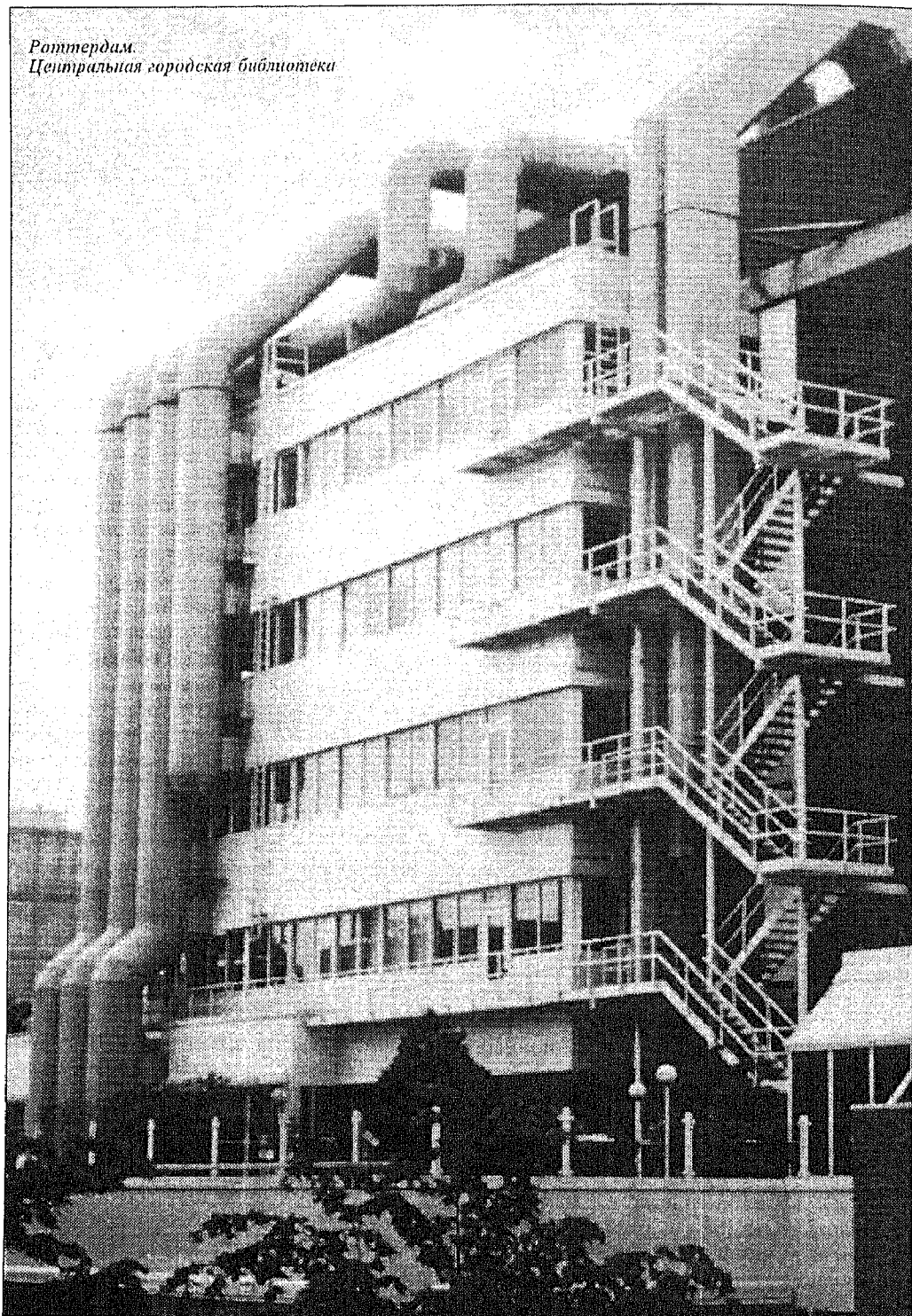
В сфере научных библиотек проблема библиотеки, предоставляющей в пользование именно тексты в их классической форме, поднималась и получила решение в виде концепции «исследовательской библиотеки». Наиболее полно она была разработана и реализована в Германии. Исследовательская библиотека (Forschungsbibliothek) в понимании профессора Бернхарда Фабиана — это библиотека, которая сориентирована на удовлетворение информационных потребностей ученых-гуманитариев, т.н. научно-гуманитарная библиотека (эти вопросы рассматривались в ряде публикаций и на страницах нашего журнала, прежде всего в № 3 за 1997 г. и в № 3/4 за 1998 г.). Библиотека в своем классическом облике в сфере гуманитарных наук оказалась востребованной и в эпоху информатизации как инструмент гуманитарных наук. Но постановка сходной проблемы по отношению к

публичным библиотекам имеет иную основу. Поэтому неизбежно возникает вопрос — почему возникла потребность в новой концепции публичной библиотеки? А этот вопрос предполагает следующий — почему эта концепция возникла именно в Голландии?

Голландия является страной с развитой сетью публичных библиотек. Библиотеки оборудованы современной техникой и предоставляют своим читателям/пользователям самые разнообразные услуги. Наряду с классическими печатными материалами в них широко представлены и т.н. нетрадиционные материалы: огромные коллекции видеофильмов, богатейшие собрания CD-дисков; в распоряжении пользователей и доступ к информационным ресурсам через Интернет. Но особенно впечатляет то, какими просторными и оригинальными зданиями обладают эти библиотеки.

Особенно поражают здания современных центральных публичных библиотек больших городов Голландии. Внешне они занимают особое место в городской пространственной среде. Они очень эффектны, бросаются в глаза. И в этом отношении они не являются чем-то отличным от зданий библиотек многих стран Европы. Центральная библиотека Роттердама, авторами здания которой являются архитекторы Ван ден Брок и Бахема (Van den Broek и Bakema), открытая для публики в 1983 г., эпатирует своим решением, как и Центр Помпиду в Париже. Трубы коммуникаций демонстративно выведены наружу и поднимаются снизу на крышу здания по его стенам. А эффектнейшее белоснежное огромное здание Центральной библиотеки Гааги, построенное в 1987 г. по проекту американского архитектора Ричарда Мейера, находится в од-

Роттердам.
Центральная городская библиотека

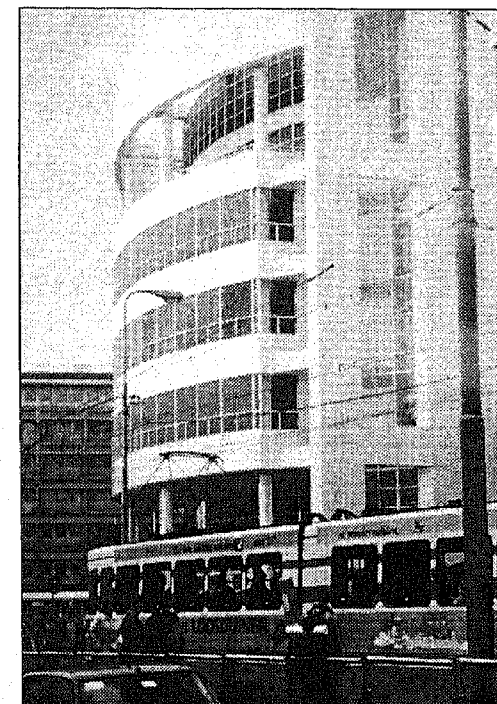
ном комплексе вместе с ратушей города. Это единое здание называют новым сердцем Гааги. Но внутри эти и другие публичные библиотеки страны не похожи на публичные библиотеки других стран.

Особенности голландской публичной библиотеки невозможно ощутить без попытки понять особенности голландского менталитета. Одна из этих своеобразных черт идеально выражена в определении, являющемся ключевым для понимания сущности голландской жизни: «кошка, которая смотрит вниз» («de kat uit den boom kijken»). Речь идет о кошке, которая смотрит с дерева вниз. Она застыла в своем наблюдении. В этот момент все другие виды энергии спят. Такая ее позиция означает — в начале наблюдать, а потом, когда это будет нужно, спуститься.

Для голландской библиотеки характерна планировка, в которой осознанно, а возможно и подсознательно, как нечто само собой разумеющееся, учтена потребность уединиться и созерцать. Читатель имеет возможность уединиться в библиотеке за отдельным столом — «деревом», когда рядом никого больше нет и никто не мешает, и одновременно работать с книгой и иметь возможность наблюдать за жизнью, протекающей за пределами библиотеки — внизу.

Голландцы — нация мореплавателей, и море, его ощущение — в крови голландца. Это отражено и в самих голландских поговорках. Голландец не ищет иголку в стог сена, а ищет гвозди в мелководье («hij zoekt spijkers op laag water»). Если надвигается дождливая погода, то голландец скажет, что идет корабль с кислыми яблоками («er komt een schip met zure appelen»). В России не уживаются два медведя в одной берлоге. В Голландии не может быть двух больших мачт на одном корабле («geen twee grote masten op een schip»). Для голландца мир открыт с дня его рождения — весь мир, огромный мир Земли с ее морями, континентами и странами. Голландцу от рождения присуще стремление и умение ощущать свою жизнь, жизнь своей страны в контексте жизни большого мира.

Открытые фонды публичных библиотек Голландии поражают тем, как они распах-

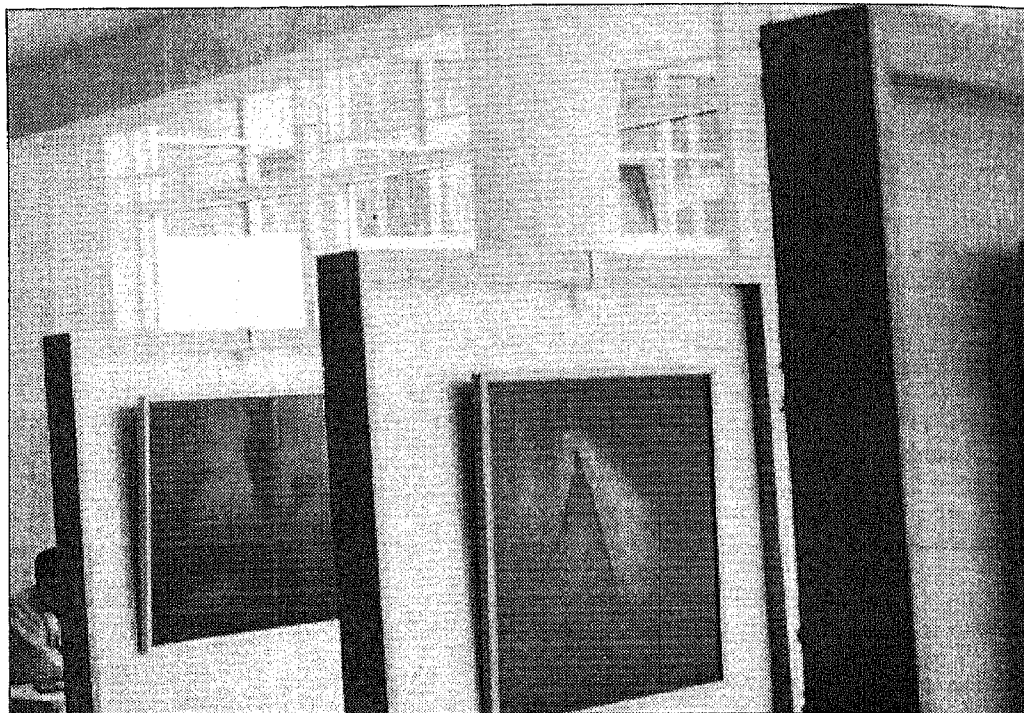
Гаага.
Центральная городская библиотека

нуты навстречу всем эпохам и культурам, странам и народам. Разумеется, наличие книг по истории и истории культуры разных эпох, как и книг, в которых отражена духовная культура разных стран мира, характерно для любой полноценной библиотеки вне зависимости от того, в какой стране мира она находится. Но в голландской библиотеке эта связь с эпохами и странами обретает иное значение благодаря тому, как расположены стеллажи. Их расстановка — это особое искусство, за которым встает опыт поколений не только библиотекарей.

Кроме того, здесь книги не стоят в пассивном ожидании, а нередко дерзко повернуты к читателю обложками. Сами же полки с книгами в свою очередь взаимодействуют с плакатами и другими изобразительными материалами.

Для голландцев нет абстрактного человека и абстрактной любви к человечеству. Самый большой праздник в этой стране — день рождения, а самый-самый большой — первый день рождения. Здесь не надо объяс-

Гаага. Выставки в библиотеке

нять, что уникален каждый человек и интересна жизнь каждого человека.

То, что нам демонстрирует классическое голландское изобразительное искусство с его потрясающими портретами, выполненными Рембрандтом, Хальсом и другими великими мастерами, принадлежит не только истории. Поэтому для голландской библиотеки внимание к отдельным авторам и их авторским текстам, внимание к библиографическим работам имеет особое значение. Здесь подготавливаются уникальные подборки биографических фактографических данных, посвященные различным личностям, — то, что называют «персоналиями». Но если в наших библиотеках докомпьютерной эпохи это выражалось в тщательно подобраных картотеках, то в голландских библиотеках на открытом доступе читателю предлагаются подборки-персоналии, в которые входят и прекрасно выполненные ксерокопии.

Для голландца живопись — это искусство исцеляющее. Натюрморт получил

столь яркое развитие именно здесь, в Нидерландах, потому что эти картины излучают душу путем погружения созерцающего в мир застывших форм. Этот опыт оказался усвоенным и в сфере библиотек, что проявляется в том, какое место занимают в библиотечном пространстве живописные работы. Картины здесь — не просто часть интерьера, они являются одной из важнейших частей этого интерьера и они в свою очередь связаны со всем пространственным решением библиотеки как единого организма.

По отношению к голландской библиотеке едва ли правомерно говорить о ее деятельности как культурного центра. Эту деятельность здесь не отделяют от целого. Она не является неким дополнением к основной работе. Она является ее неотделимой частью. И это не только выставки. Совершенно естественно выглядит то, что при библиотеке может работать театр, который существует, например, при Центральной библиотеке в Роттердаме. А в выходные дни в библиоте-

как — не в закрытых помещениях, а для ее посетителей, для читателей проводятся концерты классической музыки.

Когда звучит классическая музыка, она слышна практически по всей библиотеке. Именно так, снизу вверх, устремляются звуки музыки по всем этажам в Центральной библиотеке Гааги. И тогда библиотека перестает быть тихой. Плохо это или хорошо? Не мешает ли это читателям? Не нарушает ли их покой? У голландцев таких вопросов, наверное, не возникает, потому что музыка звучит в определенные дни и в определенные часы. Это ее время. В эти часы тишина может быть нарушена.

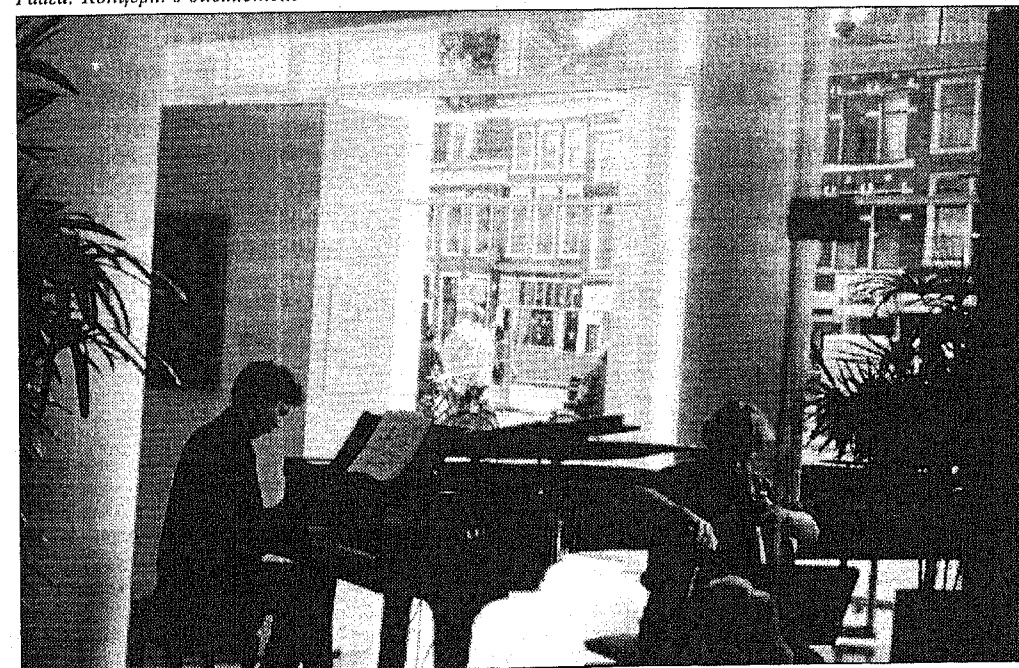
Может ли быть библиотека тихой в остальное время? Должна ли она быть тихой в эпоху, когда ее жизнь определяет гудение компьютеров?

Голландские публичные библиотеки с первых дней своей деятельности уделили первостепенное внимание комплектованию литературой гуманитарного профиля. Их даже не раз упрекали в неправомерном игнорировании или недостаточном учете интересов точных и естественных наук. Сегод-

ня, благодаря компьютерным технологиям, благодаря связям библиотек через Интернет с библиотеками и информационными центрами разного профиля, с самыми разными базами и банками данных, это противоречие устранено. А связь с гуманитарными науками, имеющая для библиотек этой страны глубинное значение, осталась, сохранилась, приобрела даже особое, новое значение. Здесь есть удивительные по своему составу фонды гуманитарной литературы, благодаря чему можно пуститься в плавание по морям мира. Но здесь можно погрузиться в себя, в свой внутренний мир, для того чтобы вести внутреннюю работу, нацеленную и на познание самого себя, и на познание мира. Здесь же можно наблюдать за жизнью, протекающей там, внизу. Для этого голландцам нужна тихая библиотека.

Нужна ли тихая библиотека другим странам? Это вопрос, ответ на который зависит от того, насколько публичные библиотеки тех или иных стран, сориентированы на конкретного человека, на каждого конкретного человека, а не на абстрактные библиотечные задачи.

Гаага. Концерт в библиотеке

ПАРАДОКСЫ УСПЕХА ПОЛИТИКИ ПУБЛИЧНОГО ЧТЕНИЯ*

Марин де Лассаль

В статье¹ сделана попытка проследить парадоксы недавней истории публичного чтения во Франции и показать, каким образом в процессе возрастающего признания и успеха публичных библиотек, неизбежно пришло в упадок «публичное чтение»².

Приход к власти левых в 1981 г. сопровождается демонстративным поворотом в политике, особенно в сфере культуры, в частности — в сфере публичного чтения. Это афиширование можно рассматривать как комплекс указаний, обращенных к профессиональным группам, непосредственно мобилизованным в поддержку этой кампании или участвующим в ней в качестве избирателей.

Содержание и эмоциональный настрой дебатов в Национальном Собрании, число комиссий, учрежденных для проведения реформ в различных секторах культуры, отражение этой информации и множество статей и интервью в национальной прессе, особенно левой, в числе прочих примеров свидетельствует о желании править по-новому и о волонтаризме новых представителей власти в сфере культуры.

Президентский приоритет

Публичному чтению присваивается «президентский приоритет» — то есть, и правительственный, и законодательный. Создается

комиссия по разработке политики книги и чтения во главе с Бернаром Пенго. Провозглашается «большая» политика публичного чтения. Многочисленные обещания повторяют основные профессиональные требования — больше ассигнований, больше новых площадей, кадров. Проект закона о публичных библиотеках, включенный в предвыборную программу СП (социалистической партии) «распространяется» и на административные и правительственные программы в виде замечаний, докладов или заявлений о намерениях.

Это афиширование было подкреплено доверием к таким заявлениям со стороны определенного числа библиотекарей.

Последнее, преимущественно работающее в секторе публичного чтения, было социально предрасположено к тому, чтобы оказать поддержку и/или отдать свой голос левым. Их профессиональная принадлежность к сфере общественного обслуживания и сектору культуры, их социальная принадлежность к разным слоям среднего класса интеллигенции, относительно подчиненное — в тот период — положение сотрудников сектора публичного чтения в библиотечной сфере, особенно по сравнению с библиотекарями-«учеными» (прогнозистами, сотрудниками крупных университетских или научных библиотек и

* Статья печатается с любезного разрешения главного редактора журнала «Bulletin des Bibliothèques de France» (BBF) г-на Бертрана Каламжа. Авторские права на статью принадлежат BBF. Перепечатка данного перевода или публикация какого-либо другого перевода статьи на русский язык исключается.

¹ Статья написана по материалам диссертации по политологии, защищенной в Парижском университете под руководством Даниэля Гакси: «L'impuissance publique. La politique de la lecture publique (1945—1993)» («Общественное бессилие: Политика публичного чтения (1945—1993)») и вышедшей в 1997 г. в издательстве l'Harmattan (collection Logiques politiques). Выражение «общественное бессилие» не означает бессилия государственной власти, например в плане публичного чтения, или отрицания деятельности как таковой ввиду ее бессилия. Речь идет скорее о недостатке необходимых ресурсов у библиотекарей, участвующих в процессах вовлечения населения в «публичное чтение». Подчеркивается недостаточность наличия доступа к общественной власти для реализации «силы», что предполагает иные формы использования ресурсов.

² Публичное чтение это и профессиональный фирменный знак (четкий и мобилизующий образ), библиотечный сектор (ресурсы), профессиональный сектор (участники), история (структуры), политический индикатор (конкурентная борьба) и т.п. Оно считается продуктом процесса борьбы за развитие публичного чтения, которую вели разные поколения. Это — коллективная конструкция, продукт изменяющейся расстановки сил участников, показателей, убеждений и ресурсов.

т.п.), — все это позволяет предполагать возможности их мобилизации левыми организациями.

Роль левых организаций

Левые организации периодически делали ставку на публичное чтение: Народный фронт и ADLP (Ассоциация развития общедоступного чтения), а также развитие библиотек в «красных» предместьях в 30-х гг.³ и «битвы» за книгу КПФ (Коммунистической партии Франции).

В 50-е гг.⁴ происходили события, в ходе которых завязывались и укреплялись контакты, возобновлялись сделки.

ФПК сумела создать длительную традицию своего вмешательства в сферу публичного чтения, в особенности на местном уровне. Ряд депутатов-коммунистов, к примеру в регионе Сены, делали инвестиции в учреждения публичного чтения, которые стали прообразами современных публичных библиотек.

В силу обстоятельств связи с СП (социалистической партией) образовались значительно позднее.

Только в 1971 г. она сформировалась в нынешнем виде, и начиная с 1973 г. ряд активистов и депутатов-социалистов на местах обратились к культуре. СП поддерживала сторонников национализации библиотек (1975 г.). При этом считалось, что последние пользуются широкой поддержкой в этой сфере и не имеют политического рупора в отличие от «муниципалистов», близких к коммунистам.

Усиление «рыночных отношений»

Соперничество социалистов и коммунистов

позволяет понять причины переоценки публичного чтения в период, предшествовавший приходу к власти левых, и преувеличения значения библиотек⁵. «Рыночные отношения» между политиками и представителями профессиональной группы (ассоциациями, профсоюзными или правительственными чиновниками), которые обусловили возможность провозглашения большой политики чтения в 1981 г., значительно оживились, начиная с 1975 г.

Ряд перемещений в органах управления способствовал росту числа сделок, усилению участия левых организаций и укреплению связей. Роспуск управления библиотек и публичного чтения, в 1975 г. и создание Управления книги, отделение публичных библиотек от научных и присоединение их к Министерству культуры без значительного материального выигрыша, чисто символически в первое время мобилизовали библиотеки и депутатов на поиски источников инвестиций.

Этот союз еще более укрепился в процессе совместной борьбы против утверждения проекта закона о публичном чтении в 1979 г., когда заинтересованные депутаты и политики привязали тему общедоступного чтения к более глобальному акту: к баталиям, развернувшимся за установление единой цены на книгу в 1979—1981 гг.

Рост числа таких мероприятий, арены их демонстрации, актеры принимавшие на себя защиту интересов публичного чтения — все это способствовало усилению его «политизации» и превращению в ставку политических игр.

В многочисленных программных доку-

³ Комплекс из 27 коммунистических муниципалитетов на Сене составляет (в 30-х гг.) настолько однородную группу, что коммунисты ставят местную деятельность на повестку дня. Так, если коммунисты предполагают построение мира, в котором культура будет занимать господствующее место, то на эту задачу они ориентируются в тех коммунах, где заправляют, а именно в парижских пригородах, которые считают маяками коммунистической деятельности, Rab S. Les politiques culturelles les municipalités de la Seine (1924—1939) // Les politiques culturelles municipales; éléments pour une approche historique / sous la dir. de J.-P. Rioux et J.-F. Strinelli // Cahiers de l'histoire du temps présent. N 16, Sept. 1990, p. 75.

⁴ Lasar M. Les batailles du livre du PCF // Vingtième siècle, N 10, avril-juin 1986, p. 37-49; Kuhemann M., Kuntzmann N., Bellour H. Censure et bibliothèque au XX siècle, Paris: ed du Cercle de la librairie, 1989 (Collection Bibliothèques).

⁵ Это не означает, например, отсутствия участия определенных правых местных депутатов. Но тот факт, что левые организации этого периода занимают положение «заслуживающих доверия», аутсайдеров, позволяет политизировать это участие.

ментах КП и СП⁶ различные решения по развитию публичного чтения — разработанные еще в конце XIX века и впоследствии (более десятка лет назад) рационализированные службой Управления библиотек и публичного чтения были взяты за основу провозглашенной ими «большой» политики чтения (см. программу СП).

Превратившись в политическую ставку, эти «решения»приобретают новый аспект. Они исходят из канцелярий, администра-

тивных докладов, Плана и профессиональных съездов, чтобы объявиться на более зрелищных аренах — собраниях, коллоквиумах, в газетах.

Переводя проблему публичного чтения в политическую плоскость и представляя в политическом свете предложенные библиотекарями «решения»⁷, новые депутаты и властные структуры с 1981 г. узаконивают ее, позволяя выйти из прежней несколько замкнутой позиции.

ПРОГРАММА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В программе СП обнаруживается отказ от политики 1975—1980 гг. (разгосударствление, бедность сети, низкие централизованные ассигнования) и проект новой политики. Глава, посвященная развитию библиотечной сети, охватывает все основные профессиональные требования в этой области. Вновь обнаруживается определение задач библиотеки, отражающее синтез исторических «моментов» публичного чтения: «Задача сохранения наследия, задача обслуживания населения в области чтения и задача культурной деятельности». СП устанавливает степень неотложности дел и разрабатывает «план спасения» библиотек, рассчитанный на пять лет. В частности предусматривается принятие закона о публичном чтении, который вменяет в обязанность коммунальному строительству учреждений для публичного чтения и, помимо этого восстанавливает — с приданием им законодательной силы — например, положения, отраженные в докладе по общедоступному чтению 1967 г. Для муниципальных библиотек предусматриваются государственные инвестиции в строительство на паритетных началах (50% на 50%) с коммуналами, а также участие государства в разных видах субсидирования их деятельности (частичное финансирование по кадрам (государственные служащие) и дотации на определенные должности — помощь в покупке книг и ведении старых фондов, общие дотации на работу и т.п.). Для центральных абонементных библиотек сохраняется государственное финансирование по всему объему расходов, и система должна быть задумана таким образом, чтобы полностью «обеспечить департаменты сетью филиалов».

Le livre et la lecture, une autre politique // Communes de France. Valence, mars, 1981, p.25.

⁶ В отношении ФКП «Manifeste pour le livre et la lecture (1975)» («Манифест книги и чтения» (1975)), учебные семинары с публикациями по итогам и прогностические заявления: «За национальную политику книги и чтения», *Les Cahiers du communisme*, февраль 1977, с. 122-131; учебный семинар, организованный 27 мая 1976 г. по проблеме библиотек и общедоступного чтения, и публикация 1976 г. в изд-ве Editions sociales работы Антуана Спире и Жан-Пьера Виале «Битва за книгу», и т.п. А представительные органы социалистов в марте 1981 г. опубликовали программу «Книги и чтение, новая политика» по итогам работы национального коллоквиума, проведенного в Валансе в январе того же года с участием ответственных лиц СП и «специалистов книги и чтения».

⁷ Признание библиотеки как сферы общественного обслуживания, развитие публичных библиотек, созданных на основе законодательства, функциональных и модернизированных учреждений, профессиональных библиотекарей, представляющих общественное достоинство и защищающих свои права, в частности посредством решений проблем чтения...

Сфера государственной компетенции
Фактически публичное чтение после 1967 г. и создания особой Службы публичного чтения в составе Управления библиотекми вновь стало сферой государственной компетенции⁸. В рамках этой службы постепенно созревали решения, представители группы в составе центральной администрации разрабатывали дисциплинарные и рабочие положения по развитию публичного чтения.

Тем не менее, сотрудники библиотек как специалисты по публичному чтению понимали трудности организации поддержки и соответствующей демонстрации значимости своей квалификации. Не имея возможности говорить здесь об этом подробно, тем не менее можно представить некую гипотезу, связанную с идеей расстановки конкурирующих сил.

Трудность в организации поддержки можно проследить также в ходе конкуренции с другими группами в борьбе за профессиональное самоопределение⁹ (библиотекари-любители, преподаватели, руководители кружков и т.п.), в ходе которой перестраивалась профессиональная модель библиотекаря. То же самое можно наблюдать и в борьбе администрации, конкурирующей с другими сторонами, имеющими отношение к публичному чтению, и прежде всего в сфере народного образования.

Однако не эта конкуренция — вообще характерная для социальной сферы — и не ее отдельные направления затрудняют мобилизацию поддержки. Трудности понимания профессиональных требований со стороны государственных властей заставляют библиотекарей вступать в эту конкурентную борьбу, направляя основное внимание на профессиональные различия тем более активно, чем менее они признаны. Это затрудняет образование союзов с другими секторами, необходимых для универсализации той сферы, которую они защищают.

Библиотекари, вовлеченные в эту задачу, испытывают серьезные трудности с разработкой и созданием объединяющего образа группы или сектора, и поскольку отсутствует согласие между самими участниками, достаточно малочисленными и территориально рассеянными (тогда как представительные инстанции в основном национальные).

Наконец, не следует забывать и о трудностях представителей центральной администрации в отношении интеграции в административной сфере и накоплении в ней необходимых ресурсов для укрепления своей позиции. И в народном образовании, и в сфере культуры библиотекари занимают в административной иерархии подчиненное положение. Эти чиновники — бывшие библиотекари, в администрации рассматриваются как нечто переходное не имеющее способности к межминистерскому, широкому взгляду, фокусирующемуся на общем интересе — основной особенности истинной бюрократии. Это внутренние изгои, которых рассматривают и/или порицают как «корпоративистов», практически они не имеют доступа к значимым административным и политическим решениям в этой сфере.

Первый год публичного чтения

Эти разнообразные внутренние и внешние конфликты и виды конкуренции приводят к разным последствиям, и в частности к трудности формирования необходимого социального капитала для организации признания и легитимизации задачи публичного чтения в «доминирующих» областях (политика, культура, интеллектуальная сфера и т.п.). Эти трудности давно пронизывают профессиональную риторику «бедствий». Они позволяют понять, почему приход к власти социалистов одновременно составляет и серьезный итог того процесса, который с начала XX века использовался специалистами в борьбе за признание и институционализацию

⁸ В 1945 г. было создано центральное управление библиотек — Дирекция библиотек и публичного чтения, в задачи которой входило и развитие последнего. При приоритетном развитии других библиотек в 50-х и последующих годах термин «общедоступное чтение» вышел из употребления.

⁹ Об этом см. соответствующие разделы тома IV «Histoire des bibliothèques françaises (1914-1990)», Paris, 1992.

публичного чтения, и фундаментальный способ легитимизации для современных профессионалов. Принятие ими решений знаменует наступление нового периода — провозглашенного тогда «Первого года публичного чтения».

Как обстоит дело полтора десятка лет спустя? Показатели начала 80-х и 90-х гг. явно не имеют общего знаменателя.

Этот всем известный «взрыв», конечно, был вызван стремительным ростом новых площадей, количеством выданных книг, показателей обслуживания и пр.

Но бесспорно и то, что сами учреждения, от медиатек до Национальной Библиотеки Франции, распространяя информацию через публичную библиотеку, обрели большую популярность и широкое общественное признание. Все эти причины, наряду с прочими, привели к изобавлению библиотек от социальной и политической незначительности, характерной для них до сравнительно недавнего времени.

Но как ни парадоксально, эта эволюция сопровождалась «растворением» самого публичного чтения в решении проблем чтения и разработке основ политики чтения. И как модель, и как политическое решение публичное чтение опиралось на профессиональную фракцию, которая при различиях поколений характеризуется и такими общими чертами как выполнение национальной общественной функции или принадлежность к специализированной национальной отрасли.

Именно коллективный труд этих поколений профессионалов — постепенно создал модель службы публичного чтения. Создав-

шие ее библиотекари, независимо от предлагаемых ими решений были заложниками национальной логики¹⁰, даже когда они стояли на позициях местных властей, то есть защищали муниципальный путь развития как основной путь развития публичного чтения¹¹.

Между тем именно эта модель и соответствующая расстановка сил для ее создания и поддержки неуклонно разрушалась с приходом к власти социалистов и введением децентрализации, тогда как публичное чтение растворяется в государственной и административной политике в качестве одной из ее основ, а именно в качестве категории общественной деятельности. Происходит переоценка ценностей, которые если не с 1945 г., то по крайней мере с 1967 г. позволяли держаться вместе и создавали фундамент механизмов политики публичного чтения.

Три парадокса

Чтобы представить себе этот феномен, надо вернуться к началу того процесса, когда решения, проблемы и действующие лица стали меняться, когда затем изменилось равновесие сил, преобладавшее ранее. Для этого следует обратиться к трем парадоксам.

Библиотекари были одними из первых профессионалов, обратившихся к проблеме публичного чтения.

Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что трансформация проблемы чтения: критика недостатков школы по этому вопросу, переход библиотек в ведомство Министерства культуры и провозглашение культурной политики чтения, формирование

¹⁰ Хочется подробнее остановиться на этом моменте и привести достаточно пространное высказывание Альбера Пуиро: «И также ясно, что прогнозисты Шарль Урсель и Пьер Гра сформировали национальную школу и разработали профессиональные положения о повышении роли государства, отраженные, например, в двух статьях: «Национализация филиальных муниципальных библиотек» (1925) и «За национализацию муниципальных библиотек» (1968).

¹¹ Принимая слишком серьезно конфликт между «националистами» и «муниципалистами», забывают о том, что последние единодушны в требовании, согласно которому микроэкономическая библиотечная организация прежде всего дело профессиональное. В этом смысле «муниципалисты» не «локалисты», и все библиотекари согласны в том, что в плане организации учреждений первостепенную роль должны играть профессионалы, автономные по отношению к внешним требованиям как населения, так и властей, к которым они могут испытывать равное недоверие. По большому счету муниципалисты или защитники местного развития библиотек, особенно если они защищают автономию учреждений и необходимость их местного развития и территориального распределения, включают последнее в правила, которые должны действовать в национальном масштабе.

которой они обеспечивают даже при «отсутствии ассигнований» — неуклонно укрепляя позицию библиотекарей и позволила им открыть официальный дискурс на эту тему.

Разрыв интересов

Первый парадокс заключается в следующем: в то время как пришедшие к власти левые видят в предложениях, выдвинутых библиотекарями публичного чтения, глобальное решение проблем чтения и поддерживают их на словах, члены правительства и организации культуры не сделали того, чего ожидали от них библиотекари публичного чтения.

Тут просматривается разрыв интересов, который в конечном итоге приводит к отделению политики публичного чтения от политики чтения в целом, при том что эти термины сначала рассматривались как категории эквивалентных публичных акций.

Провозглашая свою приверженность публичному чтению и поддерживая политику строительства дополнительных площадей, новые представители власти, безусловно, более чем их предшественники были политически ориентированы на выслушивание и учет критики ограниченности предложения в сфере культуры.

Они предприняли ряд действий по демократизации практики в свете борьбы против культурной изоляции.

Эта широкая политика борьбы против культурной изоляции, намеченная в докладе Пенго-Барро 1982 г., который настаивал на необходимости развития библиотеки вне ее стен, в частности характеризуется включением самих активных систем в новых властных структурах (например, среди прочих, библиотеки в метро, союзы Лео Легранжа), наиболее распространенных в секторах с богатыми ресурсами. «Идеологическое» внимание, направленное на все формы культурной изоляции — выражающееся, например, в создании специализированных комиссий или служб — способствовало «обнаружению» неграмотности и укреплению

«социальной» зоны развития чтения, тем самым преобразуя условия конкуренции как в рамках Управления книги, так и за его пределами.

Появились новые административные конкуренты, новые сектора, такие как GPLI (Постоянная группа по борьбе с неграмотностью), создаются или реорганизируются с целью пропаганды чтения. Эта новая конкуренция возрождает привычные, традиционные противоречия с Министерством высшего образования что усугубляет сложность исторически сложившихся отношений. Это создает еще более широкое поле конкуренции, ограничивает право выражать законную позицию по отношению к чтению и в конечном счете окончательно запутывает отношения между конкурирующими группами¹².

И в конце концов, в то время как административный аспект чтения «нормализуется» с приходом множества гражданских администраторов от разных министерств. Что положило конец «династии библиотекарей», публичное чтение неуклонно исчезает с повестки дня, из политических программ и структурных схем и заменяется другими критериями. Это позволяет привлечь внимание к совпадению — причем не линейному — возникновению проблем и их решений и подчеркнуть, что исчезновение проблемы со страниц политических еженедельников не означает ее разрешения.

На смену приходят другие действующие лица, вооруженные другими ресурсами и участвующие в пропаганде других решений, предложенных для заново поставленных проблем.

Децентрализация

Такая эволюция может рассматриваться в связи с дефицитом ресурсов у группы поддержки публичного чтения. Этот дефицит непосредственно связан с реформой, нацеленной на децентрализацию, что можно считать еще одним парадоксом.

Вдохновители развития публичного че-

¹² В качестве примера можно отметить, как «народное образование» переориентировалось на тему «удовольствия от чтения», которую до сих пор справедливо защищали библиотеки в противовес народному образованию и школьной модели чтения.

ния — как «муниципалисты», так и «националисты» — считают, что политика строительства была необходимым преддверием к осуществлению последующей политики публичного чтения по образцу общественного обслуживания на французский лад и с ориентацией на школьную модель.

Между тем министр и администраторы культуры рассматривали строительство площадей и обеспечение территорий как конечную цель. Социалисты, которые в 1975 г. поддерживали «националистов», всего десятилетия спустя провели децентрализацию. Впрочем не это составляет парадокс: с одной стороны, поскольку несколько лет спустя политическая конъюнктура изменилась и произошла смена позиций и взглядов, а с другой стороны, поскольку децентрализация в значительной степени выходит за рамки публичного чтения, и наконец, что самое главное, поскольку она объективно логична.

При этом она опирается не на внезапное озарение ряда участников, которые задним числом осознали свои стратегические ошибки и предприняли отход к абсолютному приоритету развития публичных библиотек на местном уровне, напротив, децентрализация возвращает все к истокам длительного и сложного процесса¹³.

Эскалация

Одна сторона парадокса заключается в том, что — по крайней мере сначала — с большой помпой децентрализуют то, что, при ближайшем рассмотрении, уже во многом децентрализовано¹⁴. Необходимо заметить, что децентрализация стала узловым моментом противостояния, в ходе которого представители группы поддержки публичного чтения стремились к национальному уровню его децентрализации, тем самым укрепляя базу реформы.

При этом следует добавить, что представители политической и административной власти чрезмерно раздували значение де-

централизации публичного чтения для подтверждения образцовости соответствующего министерства и сохранения привилегированных секторов (например, музеев).

В конечном итоге, при всех разногласиях все единодушно говорят и делают вид, что децентрализация это «великая» реформа.

Такое преувеличение иллюстрирует завышение оценки национального и роли государства в этом вопросе. Это завышение оценки на протяжении всей истории публичного чтения представляется следствием обычной практики государственных деятелей (высших и средних государственных чиновников или специалистов-профессионалов, связанных с защитой публичного чтения), сформированной государством и для государства.

В этот период завышение роли государства поддерживается всеми и особенно теми, кто, спекулируя на абсолютной необходимости децентрализации в области публичного чтения, способствовал поддержанию веры в «якобинскую» политику государства в этом вопросе, что вступает в противоречие со структурной слабостью кредитов и государственных инвестиций центрального эшелона в этой сфере.

Между тем упомянутое выше представление постоянно трансформируется, что подрывает основы публичного чтения.

Важные символические отголоски

Прежде всего понятно — и это вторая сторона парадокса — что столь радикальная, глубинная реформа может иметь чрезвычайно важные последствия, которые в свою очередь производят реальный социальный эффект.

Сейчас мы далеки от того времени (1967 г.), по поводу которого Рене Фийе (директор муниципальной библиотеки Тура и центральной абонементной библиотеки Эндра и Луары, «мотор» рабочей группы, учрежденной Жоржем Помпиду в 1966—1967 гг.

¹³ Что показывает, например, развитие библиотек на местном уровне и увеличение числа специалистов в коммунах.

¹⁴ Только управление ВСП (публичных библиотек кампун) было перенесено в департаменты, а муниципальные библиотеки в сущности никогда не были «централизованы».

для подготовки создания Службы публичного чтения) мог заявить, подчеркивая ненароком незначительную роль депутатов в процессе подготовки и определения политики публичного чтения: «Мы стремились привлечь и представителей различных партий, не только профессионалов книги — государственных служащих, библиотекарей, но также и других — издателей, книготорговцев. Рабочая группа, действительно, трудилась очень серьезно, и когда были достигнуты какие-то результаты, даже попросили приехать ответственных лиц местного уровня, мэров, председателей высших советов»¹⁵.

Децентрализация изменила эту картину и сделала государство таким же «партнером»¹⁶ как и прочие, и отныне чаша весов в отношении доступа к процессу определения политики публичного чтения склонялась прежде всего в пользу депутатов-библиотекарей. Одним из показательных примеров является так называемый закон BMVR (муниципальные библиотеки регионального назначения), принятый под давлением ряда местных депутатов.

При этом децентрализация сопровождалась процессом рассредоточения, что способствовало расширению сфер деятельности учреждений на местах (укрепление региональных управлений культуры, создание региональных служб книги или кооперативных агентств). При умелом использовании договорных процедур это позволило расширить рубрики «книга и чтение» в деятельности объединений, участвующих в развитии направлений в этой сфере, не ограничива-

ясь исключительно культурными мероприятиями (ярмарки, салоны, литературные общества и т.п.) или исключительно «институциональной» практикой чтения.

Развернутая публичная акция

Неоспорим тот факт, что потерю публичным чтением государственных масштабов можно объяснить прежде всего развитием того, что Пьер Миллер называет «виртуальным пространством»¹⁷. Децентрализация (к которой следует добавить европейское строительство, что в данном случае не так важно) способствует отказу от главенствующей роли суверенитета.

Многочисленные документальные сети сложившиеся в результате децентрализации, можно таким образом рассматривать как виртуальные пространства, тенденцию больше всего ценить частичное участие, в которых заменяет глобальное видение, имеющее тенденцию больше всего ценить «общий интерес».

В этом смысле эволюция публичного чтения должна быть вписана в более глобальную эволюцию, предусматривающую публичную акцию более широко развитую территориально, полицентрическую, сложную, многообразную, как в отношении действующих лиц, так и в совокупности процедур, которые она мобилизует к жизни¹⁸.

Если такой анализ может заставить нас задуматься о «новом» аспекте местной публичной акции в вопросе чтения и не сводить эволюцию политики публичного чтения к данным анализа чисто «эндогенных» факторов, то останется лишь признать, что не все-

¹⁵ Беседа с автором в ноябре 1992 г.

¹⁶ Относительно этих преобразований см.: Saez G. *Yers la fin de l'Etat culturel? // Revue française d'administration publique*, N 65, janvier-mars 1993, h. 71.

¹⁷ «(...) Наблюдается развитие двух противоречивых тенденций. С одной стороны поддерживается определенное разграничение центральной и местной политики (...), и укрепление национального государства. Конечно, решающую роль в этом процессе играет Европейский Союз (...). С другой стороны, можно говорить о восстановлении территориальности общественно-политических сфер в виде новых пространств регулирования при сохранении сложных территориальных связей. Эти «новые территории» являются виртуальными территориями, поскольку они не соответствуют принятым географическим единицам. Они скорее образованы в других пространственных координатах (политической, административной, экономической, социальной), периодически входящих в общую сферу влияния». Muller P. «Presentation: cinq défis pour l'analyse des politiques publiques: Forum: controverses et tendances de l'analyse des politiques» // *Revue française de science politique*, p. 101-102. (Мюллер П.: «Общее знакомство: пять проблем анализа направлений общественной политики»).

¹⁸ Gaudin J.-P. *Negocier d'abord? // Poles sud*, N 4, mai 1996, p. 19-32.

секторы административного управления и управления культурой в равной мере затронуты этой эволюцией.

Завершит эту переоценку «перетасовка карт» внутри самого профессионального сообщества, что положит конец господству государственных чиновников, отныне располагающих меньшим пространством и меньшей властью в сфере публичного чтения. Происходит перестройка политических и административных систем, складываются новые группы, выдвигаются новые деятели, библиотекари изыскивают новые законные источники поддержки¹⁹, и все это вместе ведет к коренным структурным преобразованиям.

Соответственно, определять профиль библиотек переходит от библиотекарей к другим деятелям или социальным группам, в частности к местным депутатам, работникам управлений культуры, архитекторам и т.п.

Признание на местах

Это приводит нас к третьему парадоксу. Несмотря на длительное пренебрежение большинства специалистов по отношению к местному уровню, именно на местном уровне библиотеки получили массовое признание особенно в связи с успехом публичных медиатек.

О создании медиатек написано много. За последнее десятилетие они привлекают возрастающий интерес широких кругов местных депутатов. Растет число медиатек из стекла, построенных по самым современным архитектурным проектам, и их развитие «насыщает» библиотечное пространство. Успех этих учреждений таков, что даже заговорили о новой политической мо-

дели, которая придет на смену прежней политической модели, воплощенной в театре²⁰.

Эта интересная гипотеза тем не менее слишком обобщенна. Если медиатеки это достойные заведения, то по-видимому лишь допускаемая ими многозначность инвестиций, а также политические интересы, которые они защищают, определяют их муниципальный успех: медиатеки содержат фонды разнообразного назначения, которые могут стать символом столь широких и разнообразных направлений политики — что не препятствует их сосуществованию — как воспитание молодежи, освоение новых технологий, развитие краеведения или демократизация культуры.

Погребальный звон по публичному чтению

Как бы то ни было, повышая статус сектора библиотек, медиатеки знаменуют погребальный звон по публичному чтению. С одной стороны, поскольку в национальном плане сооружение крупных медиатек означает отказ от цели достижения территориального равенства, ибо преимущественное внимание уделяется определенным учреждениям.

С другой стороны, поскольку чтение растревается среди массы все более и более разнообразных услуг и это разнообразие, будучи ключом к успеху этих учреждений, является также фактором растворения самого назначения института чтения, к которому относятся публичные библиотеки и их сотрудники.

И, наконец, потому что с внедрением зрелищной проблематики нередко вновь подвергается пересмотру традиция общедоступного обслуживания (бесплатность и равенство доступа к фондам, профессиона-

лизм и привлечение «непрофессионалов», принципы добровольного, договорного сотрудничества в оснащении учреждений, вопросы расписания работы и т.п.).

Таким образом, изучение публичного чтения показывает, что категории, фирменные отличия, коллективы — это исторически сложившиеся формы, процесс «деконструкции» которых бывает интересно изучать в целях выявления возможности «единства».

Если последнее рассматривать в развитии, выходя за рамки сектора публичного чтения, то выявляется и трудность этого коллективного предприятия в плане накопления ресурсов для воссоединения и увековечения. Что никак не означает, что фак-

тическая эволюция учреждений определяется историей публичного чтения и что их традиционный облик нельзя вновь использовать и привлечь в других обстоятельствах.

Таким образом, место книги в борьбе против Национального фронта может стать основой для принятия закона о публичных библиотеках, особо предусматривающего плюрализм фондов — проект вполне реальный при реализации ряда условий, которые нет возможности здесь рассмотреть. Что кстати, ни в коей мере не было бы парадоксом.

Перевод М.П. Дубянской,
Т.А. Завадовской

¹⁹ С этой точки зрения остается уточнить, что децентрализация могла представлять собой определенный «рваный» коммунальных чиновников по отношению к чиновникам государственным. Прежде всего, поскольку децентрализация в определенном роде уравнивает статус кадров территорий и коммун; затем, поскольку осуществляется сближение библиотекарей и их местных начальников, она обеспечивает легитимизацию территориальных кадров и влечет за собой определенное обесценивание фундамента легитимности национальных библиотекарей. В подтверждение или опровержение этой гипотезы приводятся различные работы, в частности Ани-Мари Бертраи с одной стороны и Лоранс Тарэн с другой о муниципальных библиотеках и местных направлениях политики публичного чтения.

²⁰ О достоинствах театра см.: Urfalino P. *L'invention de la politique culturelle*. (Филипп Юрфалино «Изобретение культурной политики»). Paris: La Documentation française, с. 185 и далее.

и показывающий ее без идеализации, без красотостей для иностранцев. При этом его картинам свойствен французский шарм и французское изящество, но это шарм и изящество петербургского режиссера. Для него как для петербуржца не столько по месту рождения, сколько по духу этот диалог различных культур абсолютно естественен. И в природе самого города он ощущает разные культуры. Поэтому он делает картину о жизни татарской диаспоры. Поэтому он снимает фильм о постановке спектакля с еврейским национальным колоритом — по пьесе Исаака Бабеля «Закат».

Янковский прекрасно чувствует Францию и любит ее, любит ее язык. При этом, как человек, хорошо знающий ту жизнь, он не идеализирует ее. Ему явно интересно было учиться и работать во Франции, общаться с французскими друзьями. В этом убеждают его фильмы.

Но он предпочитает и жить, и работать в России. Это его сознательный выбор. Он любит Россию, ее культуру, ее атмосферу. Ему, как он сам замечает, уютнее жить в доме, в котором порядок не доведен до музейной идеальной степени завершенности. Ему уютно в русском доме. Ему даже дороги многие мелочи, из которых складывается повседневная жизнь русского человека. Ведь во французских заторах, по его словам, никогда не бывает дырок. Так идеально там устроена жизнь.

Здесь, в Петербурге он сложился как личность, как художник со своим неповторимым взглядом на мир, избравший в качестве языка своего искусства язык кино. Здесь он познакомился с человеком, который оказал на него очень сильное воздействие — с Александром Сокуровым. Эта встреча повлияла на выбор основной профессии. И хотя учился Алексей Янковский в Париже, его Учитель живет и работает в Петербурге.

У Александра Николаевича были прямые ученики, но они не сохранили духовную связь с ним и о них трудно говорить как о его учениках. Алексей Янковский формально учеником не был, но и его можно назвать учеником и единомышленником Сокурова,

хотя он во многом не похож на него, ибо для Янковского принципиально — никому не подражать. Он сам говорит о том, что никогда не хотел никому подражать. У него свой почерк и свои привязанности. Ему нравится, например, авторская песня под гитару.

Поэтому в его игровых картинах одна авторская песня может звучать за другой, хотя в ткань фильма входит и музыка Моцарта, и музыка Рахманинова. В использовании авторской песни и музыки в целом в ранних работах есть даже некоторая избыточность, но таков его авторский замысел, таков его внутренний мир, такова его стилистика.

Впрочем, в одной из первых работ — в маленьком шедевре под названием «Одним днем меньше» музыка появляется только в финале. Звучит фортепианная фантазия Шуберта, которая придает всему увиденному не только законченность, но и особую человеческую теплоту.

Для Янковского общественная идеология и политика так же, как и наука, не могут быть предметом художественного произведения.

Для него кино — не мир идей, который живет, по его словам, в Библиотеке. Кино для Янковского — это ускользающие мгновения человеческой жизни. Ему интересен человек и именно человек. Но интересен сам человек, а не то, что он говорит. В его игровых картинах герои говорят очень мало. В фильме «Ночные прогулки» он крайне осторожно, почти неохотно использует слово. А в фильме «Латерна» герои не произносят ни одного слова. Здесь слово звучит только в песне — «за кадром».

И все-таки при обращении к его работам, не раз возникают параллели именно с Сокуровым. Да и сам Александр Николаевич появляется в кадрах одного из лучших фильмов Янковского — «Киркенесская этика».

С Сокуровым его сближает многое. Ему близки взгляды Сокурова на кино, его возможности и его проблемы. Янковский так же как и он, тяготеет к игровому и к неигровому кинематографу. Он так же считает, что принципиальной разницы между игровым и неигровым кино для создателя филь-

мов нет. Разница для него заключается лишь в разной ситуации, ибо в документальном кино иная этическая ситуация.

Янковскому 30 лет. По возрасту он молод. На даже его ранним работам, которые созданы несколько лет назад, присуща та мудрость, которая свойственна людям, более чем зрелым — та мудрость, которая приходит к большей части людей с годами. Он таким пришел в творческую жизнь с самого начала. При этом ему свойственно и поразительно молодое по духу мироощущение — мироощущение человека, который с влюбленностью, благодарностью Творцу смотрит на мир.

Он живет в одно время с нами и прекрасно знает об особенностях нашей современной жизни. И при этом он живет в гармо-

нии. В нем совпадают внутренний и внешний ландшафты. У Янковского свой взгляд на мир. И это всегда очень добрый взгляд. Его работы наполнены удивительным светом духовности. Как это ему удается? Ответ на этот вопрос дает его работы. В определенной степени ответ дает и он сам во время общения со зрителями. После каждого из показов в публичной библиотеке режиссер очень обстоятельно, с большой теплотой отвечал на вопросы зрителей. Предлагаемая читателям журнала статья Алексея Янковского представляет собой текст его выступлений в РНБ после показов фильмов «Ночь. Весна» и «Киркенесская этика», литературно обработанный автором данного предисловия при участии режиссера.

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ДЕСТРУКТИВНОМУ ДВИЖЕНИЮ?

Алексей Игоревич Янковский — кинорежиссер, закончил Высшую киношколу в Париже, автор ряда игровых и неигровых фильмов, живет и работает в Петербурге

1. Две тенденции

Мне кажется, что писатели находятся вavidном положении по сравнению с кинематографистами по своей самостоятельности, по своей свободе от многих материальных проблем. Для меня в литературе принципиально важны несколько имен, но одно важно в особенности, я всегда произношу его с полемическим запалом, это Борис Леонидович Пастернак. У меня складывается такое впечатление, что помимо распада формы, свойственного XX в., существовала другая тенденция, и сейчас она существует. Пастернак для меня наиболее цельный, наиболее убедительный пример этой другой тенденции, этой альтернативы деструктивному движению.

Деструктивным я считаю то, что связано с игрой на желании заглянуть в ад. Есть, грубо говоря, два подхода в кино: заставлять зрителя синтезировать или синтез этот

провести за пределами экрана. Мне кажется, что есть определенная степень ответственности за последствия своей работы, особенно это касается кино, если вы придете на любой фестиваль, вы увидите достаточно странные вещи.

Вообще, я не склонен судить режиссеров, работающих в больших коммерческих структурах, потому что я понимаю, насколько они несвободны. Но человек делает выбор: работать в коммерческой структуре, делать коммерческое кино. Это другая жизнь, другой мир. Это страшная беда. Кино напрямую связано с этикой, чудовищно связано с этикой. Там, где это большое дорогое производство, там существует невообразимое давление, и проще всего с ними не связываться.

С другой стороны, в документальном кино, совершенно недорого и основанном на наблюдении, на повседневности людей,

тоже существуют этические проблемы. Мы пользуемся жизнью других людей, чтобы выразить себя публично, чтобы получить поддержку — деньги, понимание и т.д.

Большое счастье, если удастся установить такие отношения, когда счастливы оба участника диалога — и режиссер и персонаж картины. В этом большая проблема этики документального кино, которая, наверное, является ключевой для документального кино как искусства. 3

Здесь очень много нерешенных, противоречивых вещей. Вообще, кажется, что само существование документального кино зависит от того, как будут осмысливаться и решаться этические проблемы.

Самая главная проблема совершенно проста. Поскольку речь идет не о научно-популярных картинах, не о репортажах, а о картинах, которые ставят художественные задачи, подразумевается, что в картину вложена индивидуальность автора, без этого художественная задача решена быть не может. Значит, включается индивидуальность автора.

А между тем, это документальное кино, значит такое, которое пользуется фиксацией жизни других людей. Это не мою жизнь я показываю, показываю я других людей, а выражаю я при этом в какой-то степени себя. И в этом фундаментальное противоречие документального кино, которое Сокуровым преодолевается по-своему, кем-то не преодолевается вообще.

Смысл и отличие кино, особенно документального кино, от всего остального в том, что в какой-то момент на пленке появляется реальное, несменяемое и неустраняемое изображение и звук, и вот они такие, какие есть, дальше их можно преобразовывать, как-то монтировать, но все равно есть какая-то материальность, опора, и надо, видимо, ее любить, по крайней мере режиссеру...

Элитарного кино не существует. Существует мнение, что есть разные «сорта» культуры. Но я глубоко убежден, что просто есть искусство, которое как составляющая часть присутствует в вещах любого критиками находимого сорта. Есть доля искусства — я не знаю, сколько именно грамм, — в «Спис-

ке Шиндлера», в «Титанике», в любом фильме такого рода. Хотя в массовых фильмах его и вовсе может и не быть. Гораздо большая доля этого искусства в вещах Антониони, например... Мне кажется, что мы не вправе делить людей на интеллигенцию и на всех остальных, на элиту и на массу. По крайней мере, для меня лично это неприемлемо.

Я не считаю, что делаю свои картины для элиты — они для всех желающих их посмотреть. Я ни в коем случае не буду думать, что я сам какая-то элита. Для меня эти принципиально.

2. Мои работы

Мне всегда трудно отвечать, сколько у меня фильмов, так как есть фильмы, которые выходили в эфир, есть учебные, есть более или менее любительские, юношеские работы. Я начинал делать картину «Киркенесская этика» в 1990 г., когда я еще не поступил в киношколу, закончил монтировать в 1993 г., вышла она в 1998 г., и в титрах написано — 1998 г. За это время я снимал другие фильмы. Официально эта картина — последняя, на самом деле — это старая картина.

Официально первой профессиональной работой надо считать «Ночь. Весну», потому что это первая картина, начатая и законченная после того, как я вышел из киношколы. У меня несколько документальных работ и несколько игровых учебных работ.

Второй фильм, который показан в Российской национальной библиотеке, «Киркенесская этика», — фильм об Игоре Михайловиче Дьяконове, одном из крупнейших наших ученых-гуманитариев, ведущем специалисте в мире в области ассириологии и афразийской лингвистики, авторе многих стихотворных переводов с древних и с новых языков, оригинальном поэте.

В картине звучат его собственные стихи и его перевод Екклезиаста — единственный русский перевод, который ритмически соответствует подлиннику. Эта картина считается моей последней работой — дата ее выхода 1998 год, но на самом деле это не совсем так. Задумана она была еще в 1990 г. С того времени я начал собирать для нее ма-

териал самыми разными способами — свои собственные съемки, хроника, материал, снятый А.Н. Сокуровым в 1991 г. На основании того, что у меня было к 1992 г., я сумел убедить руководство киношколы в Париже, где я тогда учился, что нужно снять материал об И.М. Дьяконове. И в 1992 г. я со своей однокурсницей, французским оператором Сесиль Ансье, снял довольно большой материал, который составил основу фильма. С этого времени начались мои многолетние попытки картину закончить и показать, и каждый раз они возобновлялись на каком-то другом этапе, поэтому она, может быть, лишена такой стилистической цельности, которая могла бы быть, если бы я снимал картину в обычных условиях — в течение года или нескольких месяцев. В 1993 г. первый вариант этой картины, которая шла тогда 1,5 часа, был показан в Эрмитаже, и основные вещи тогда уже сложились.

В прошлом году Александр Николаевич Сокуров предложил мне показать эту картину в своем цикле «остров Сокурова», который состоит из передач по 55 минут, поэтому необходимым условием показа картины стало ее сокращение до стандартного формата, до 52 минут. Конечно, при таком сокращении картина изменилась.

Проектов много, на ближайшие годы хватит, удастся ли их все осуществить? Есть две уже снятые картины, не смонтированные пока. Они совершенно не похожи на эту. Одна из них называется «Петербургская молитва», но степень вовлеченности в религиозную тематику в ней совсем другая, это картина в какой-то степени бытовая, о жизни петербургских татар.

Вторая картина — о рождении спектакля по «Закату» Исаака Бабеля в Молодежном театре. Случайно получилось так, что есть православная картина, татарская и еврейская, но это совершенно не было задумано заранее, и я не собирался делать сериал. Кроме того, есть проекты самые разные, интересные.

В игровом кино собираюсь снять маленькую короткометражную десятиминутную работу, в которой не будет ни единого слова. Написанная вещь называется «Если мы живы», и сейчас я пытаюсь организовать ее

производство. Есть большие полнометражные проекты, до осуществления которых еще далеко. Я думаю, что надо работать над тем, что есть. Есть возможность сейчас делать документальные работы.

Ощущаю ли я связь с Францией? Связь есть прежде всего с моими однокурсниками и с той атмосферой, которая меня окружала. Больше, чем с французским кинематографом, который мне всегда сложно было воспринимать. Наверное, если бы не было много российского опыта, знакомства с Александром Николаевичем Сокуровым, не получилось бы ничего и из французской поездки и вообще.

Главным отличием для меня, печальным отличием была систематическая борьба, которая ведется в этом обществе со следами времени.

Мне всегда было дорого то, что и люди, и погода, и природа оставляют после себя случайно; как было сказано Пастернаком о распускающихся почках: какая-то грязь завелась, какая-то неправильность в кустах, какая-то зеленая грязь, которая на самом деле была жизнь, и стремление искусства, которое настолько смыкается с дизайном, что перестаешь понимать, где кончается одно и начинается другое, к тому, чтобы поверхность была глянцевой, чтоб никакой грязи на ней ни в коем случае не было, это настолько тяжело, настолько убийственно тяжело, что очень, очень сложно было преодолеть и увидеть человеческую жизнь за всеми этими попытками навести лоск.

3. Встреча с Сокуровым

С Александром Николаевичем мы знакомы уже очень давно. Я его увидел впервые, когда доснималась картина «Скорбное бесчувствие», в мае 1986 г. В 1987 г. в Доме культуры профтехобразования состоялась премьера этого фильма — тогда еще нельзя было ее показать в Доме кино. Я впервые смотрел картину Александра Николаевича. В то время я кино не любил, в том смысле, в каком об этом часто говорят, не знал, например, и не знаю до сих пор фамилий артистов и т.д. После просмотра я долго не мог прийти в себя и думал, неужели это тоже кино, и если да, то какое бесконечное зна-

чение оно имеет, какое это великое искусство. Я думаю, что с этого потрясения и началось мое дело.

Потом я не видел других режиссеров, которые по степени внутренней оригинальности и по степени честности передачи того, что они в жизни видят, по непосредственности этой передачи сравнились бы с Александром Николаевичем. Какие бы ни были сомнения, какие бы ни были личные неприятия конкретной ситуации, работы Александра Николаевича с тех пор остались для меня абсолютным случаем кинематографической поэзии. Поэзию эту надо понимать как способность донести жизнь, реальность жизни, до бумаги или до экрана, в неискаженном виде, не привнося сюда различные наши амбиции и прочие посторонние вещи. Хочется, чтобы те ощущения и картины, которые нам мир дает, всегда доходили, — пропущенные через себя, — в целостности. И это мне казалось самым главным и теперь кажется самым главным.

Учеником Александра Николаевича я формально не был, но получилось так, что в том или ином качестве участвовал во многих его работах. Участие это чаще всего было неформальным, малозаметным. Мне до сих пор трудно найти точный термин. Так вышло, что со «Скорбного бесчувствия» я имел счастливейшую возможность смотреть, как меняется кино Александра Николаевича. Он стал мне очень близким.

То, что произошло в моей картине, которую вы только что посмотрели, — «Ночь. Весна», — меня устраивает не вполне. Многие мне указывали, что здесь существует слишком большая пластическая зависимость. И это на самом деле так, это меня огорчает. Когда я собирал картину еще во Франции, когда я ее монтировал, мне это казалось просто катастрофой, вплоть до плагиата, теперь я думаю, что это не совсем так, но все-таки это остается по-прежнему для меня огорчением, потому что на самом деле я снимаю разные картины, они иначе решаются.

Пластически мне ближе другие вещи, технические тоже. Здесь очень большое влияние оказал на изобразительную сторону оператор картины Александр Буров, кото-

рого вы знаете по многим картинам Сокурова. Он снял немного, он снял российскую «рамку» картины, Ижорский завод в начале и Усть-Ижору в конце, но поскольку сам Александр заряжен за многие годы работы с Александром Николаевичем его пластикой, то склонен ее воспроизводить и делает это хорошо. Эта рама придала картине определенный настрой и даже повлияла на восприятие работы совершенно другого по духу и по стилю оператора, снимавшего этот фильм, который ничего ни с Александром Буровым, ни с Александром Николаевичем Сокуровым не имеет.

4. Духовный авторитет за меньшинством

Меня спрашивают, каким образом моя героиня (Элизабет Гендекур), живя во Франции, где сама атмосфера католическая, будучи французенкой, графиней, перешла в православие. Люди переходят в меньшинство. Духовный авторитет за меньшинством. Католическая институция, связанная с государством — это машина очень сложная, у нее возникает масса противоречий с личностью, с человеком, который действительно искренне к этому относится. И повсюду религиозное меньшинство, и не только религиозное, но люди, которые не разделяют всеобщие принятые правила, обладают другим духовным авторитетом. Почему она выбрала именно православие? Она ведь работала обыкновенной учительницей истории и имела дело с разными книгами, просто готовясь к своим занятиям. Но поскольку у нее очень хорошее религиозное образование и она владеет богословской проблематикой, она могла разобраться и выбрать то, что показалось ей важным.

Я думаю, что здесь есть и объективная сторона дела, касающаяся именно православия и определенных его достоинств, я не говорю в абсолютном смысле, потому что не считаю возможным так говорить о какой бы то ни было конфессии. Но ведь люди тоже разные.

На мой взгляд, конфессия подобна языку. Каждый из нас говорит на своем собственном языке, на языке своей души, и это очень важно, но существуют общие языки,

позволяющие делиться, позволяющие это обсуждать, позволяющие быть вместе с другими людьми. Конфессия и является таким общим языком. Естественнее всего предположить, что мне проще всего будет говорить на родном языке, но это не всегда так. Мне кажется, что в православии объективно существовали вещи, которые героине картины оказались ближе.

Мне трудно говорить об этом подробнее, это вещи интимные. Мне кажется, что профессиональные проблемы должны касаться человека и бога и не являются темой для публичных обсуждений.

И это для меня самая большая проблема, потому что ясно было почти с самого начала, что есть вещи, о которых прямо говорить нельзя, это ведет к фальши. Вообще пользоваться в художественном произведении непосредственно церковной риторикой — это очень рискованно и очень трудно. И я считаю главным недостатком картины, что в ней так много непереработанной, нехудожественной риторики. Если бы я взялся делать картину о Пасхе теперь, я бы, наверное, делал ее иначе. Церковь для другого существует, не для того, чтобы делать фильмы. Как это часто бывает, есть материал и надо его организовать и когда начинаешь его организовывать, всегда есть опасность поддаться каким-то штампам, пойти по проторенной дороге: «Вот история человека, связанная с религией, следовательно, мы будем говорить о религии». Я думаю, что здесь я проявил какую-то несамостоятельность по отношению к материалу, в этом недостаток этой работы. На самом деле религия, мне кажется, вообще, повторюсь, не должна быть непосредственным предметом художественного произведения. Лично для меня это может быть языком моей веры, моих отношений с миром, это может быть языком для обсуждения, но вряд ли это может быть основой творческого произведения.

5. «Киркинесская этика» — это не только название фильма

Что такое Киркинесс, действительно, вряд ли знают многие, поскольку это маленький городок в Норвегии и найти его на карте

можно, но больше о нем узнать довольно трудно. Что касается «Киркинесской этики», то это произведение имеет достаточно загадочную историю. Игорь Михайлович сам рассказывал, что она написана во время войны, в 1944 г., в Киркинесе, и я сам впервые видел на английском языке в 80-е гг. В 1989 г. она была опубликована в журнале «Знание — сила», но с мистификацией: там было написано, что этот трактат был передан Дьяконову его другом, служившим в это время в Киркинесе, что на самом деле — мистификация, и вопрос остается только о том, была ли она написана на самом деле в 1944 г. или в послевоенное время. Вполне вероятно, что тот текст по-английски был оригиналом, что по-русски она была написана позже.

Так или иначе это короткий трактат, в который входят три воспоминания и который содержит две максимы. Начинается он словами, что неверно, будто бы существует много различных этик для разных рас, религий, национальностей и социально-экономических формаций. Существуют только две основные этические максимы, общие для всех. Первая заключается в следующем: благо твоего ближнего важнее твоего собственного блага. Далее происходит разбор — что следует понимать под ближним и какие проблемы возникают, когда в задаче участвует более двух людей. Проблемы возникают трудно- или неразрешимые. Вторая максима заключается в следующем: по мере твоих сил не умножай мирового страдания. И разбирается, как это следует понимать. Уточняются все приведенные в этих постулатах термины и приводятся примеры, притчи. Такое вот кредо. Математически ясная вещь, которая на самом деле в своей абстрактности к жизни, наверное, непосредственно неприменима, но является суммой того, что Игорь Михайлович в момент ее написания обо всем этом думал. Мне сначала хотелось включить текст в картину. На самом деле сама идея возникла из этого трактата. Математичность ее, ясность формулировки настолько была противоположна любому художественному изложению, что это меня привлекло. Мне показалось, что может возникнуть какая-то энергия из

противопоставления этой математической стройности этического трактата, а этика и искусство соприкасаются непосредственно, и жизни, которая за этим стоит. И постепенно я пришел к тому, что ни одна фраза этого трактата непосредственно войти в картину не может и не должна, потому что на самом деле киркинесская этика — это тайна, тайна, на которой эта жизнь держится. И постольку поскольку она является тайной, постольку мы способны в это проникнуть и вынести что-то для нас существенное для нашего отношения к различным этическим проблемам. Поэтому осталось это название и не осталось как такового ни одного постулата, а для любознательных зрителей я решил оставить в фонограмме картины эти слова — они там присутствуют... В картине я иду от автора, а он толкует в «Киркинесской этике» зло как страдание и более развернутого объяснения там нет. Метафизические понятия как таковые не привлекали Игоря Михайловича никогда. Для него было свойственно исходить из как можно более рационалистических понятий. Это удивительно для переводчика Екклесиаста. Мне очень хотелось как-то передать этот диапазон. Это очень трудно сделать любыми способами — словесными, несловесными. Диапазон личности, когда человек обладает математическим, логическим, кристально ясным мышлением, отмечает все, что не входит в рационалистическую концепцию и вместе с тем способен настолько проникнуть в такое произведение, как Екклесиаст, чтобы перевести его стиха-

ми на русский язык. В какой-то степени этим объясняется обилие рассказов в картине, обилие словесной информации, я понимаю, что это очень рискованная для кино задача.

Вы спрашиваете о развитии социальной жизни. В этом развитии есть вещи очень печальные. Надо надеяться на лучшее. Я думаю, что самой надеждой мы помогаем людям. Когда мы подходим к жизни без надежды, она и останется такой. Но в социальном отношении, конечно, то, что происходит, грустно, и я надеюсь, что та индивидуализация, переориентирование на индивидуальные ценности, все же не безгранична, что осталось еще достаточно много коллективистских традиций, представлений о том, что есть взаимопомощь, есть ответственность друг перед другом, есть коллективистские ценности. Мне хочется надеяться на то, что те десятилетия воспитания в этом духе не проходят совершенно бесследно. С другой стороны, развитие в направлении индивидуализма можно сравнить с эпохой эллинизма в Греции. При всей мрачности, которая, на первый взгляд, существует, сейчас наше время такое, что оно не приемлет мрачных обобщений, и не надо стремиться к ним пока, да и не способны мы сейчас к обобщениям. Мне кажется, сейчас нужно, как один священник говорил, копать шахту вглубь на том месте, куда привел Господь, авширь — время покажет, потому что тут легко потерять ощущение равновесия, которое нужно для работы, для повседневности. Это важнее.

К 80-ЛЕТИЮ
АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА
ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР В РНБ

В день 80-летия Александра Исаевича Солженицына, 11 декабря 1998 г., кинорежиссер Александр Николаевич Сокуров вновь пришел в Российскую Национальную библиотеку.

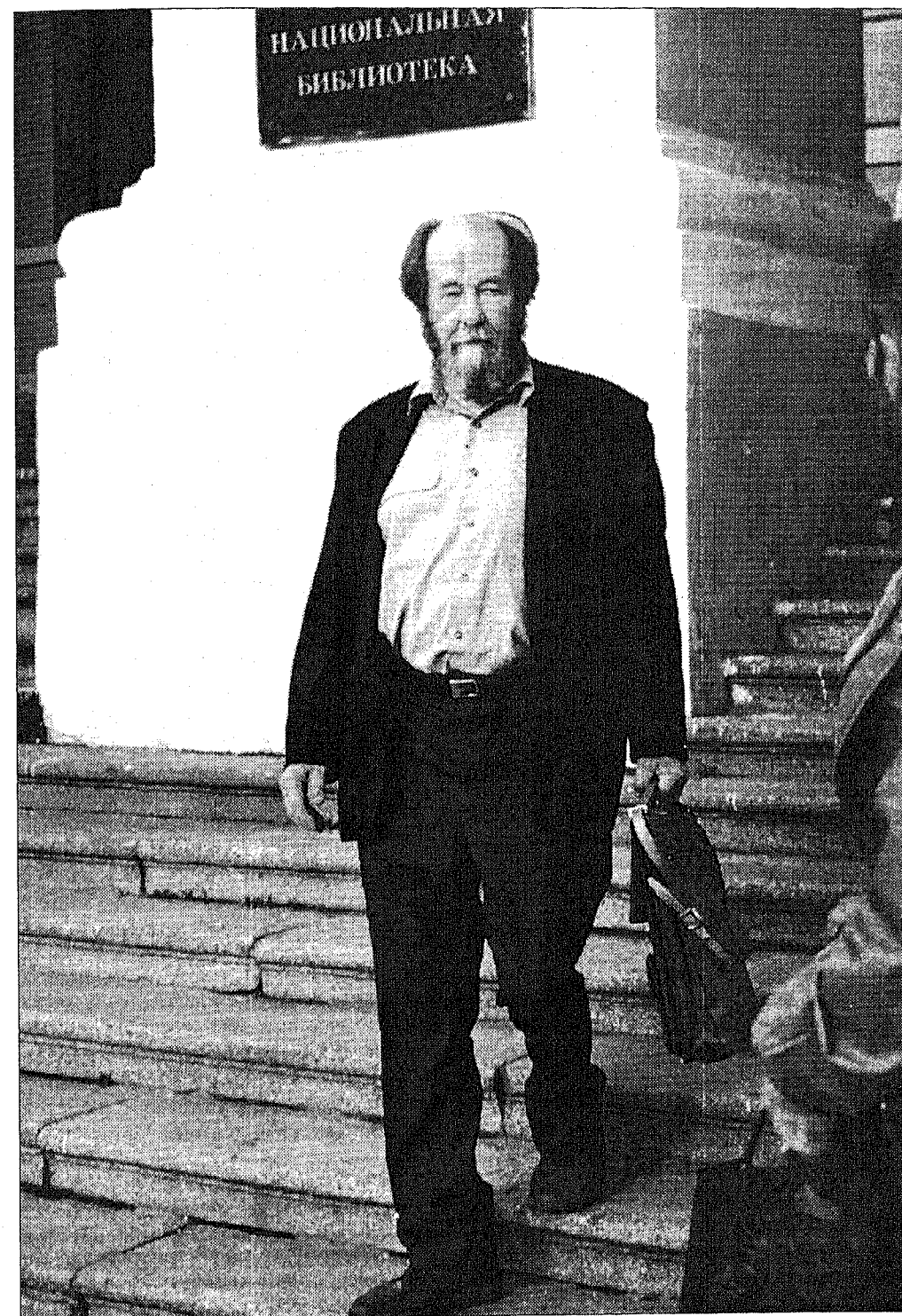
Здесь, в РНБ, в конференц-зале главного здания, уже три года проводятся вечера, посвященные творчеству А.Н.Сокурова. В течение двух лет они проходили в рамках цикла «Все фильмы Александра Сокурова»¹. В 1998 г. этот цикл был продолжен под тем же названием, которое имел завершившийся к настоящему времени цикл передач для телевидения, подготовленный Александром Николаевичем, — «Остров Сокурова».

В день юбилея Александра Исаевича режиссер представил в РНБ свою новую работу — фильм «Узел». Он показал его в Библиотеке, в которой выступал сам Солженицын, встречаясь с ее сотрудниками и ее читателями, в стенах, с которыми он на протяжении длительного времени был связан сам как читатель. Здесь он особенно интенсивно работал в конце 1960-х гг. Поскольку писателя часто отвлекали в читальном зале, ему было разрешено в виде большого исключения работать в зале основного русского фонда, в самом книгохранилище. Долгое время он работал и в читальном зале НЧЗ-5, т.е. в читальном зале спецхрана. Позднее Александр Исаевич подарил Библиотеке большое число изданий своих произведений, благодаря чему РНБ хранит одну из самых полных, а возможно и самую полную коллекцию его произведений, как и положено национальной библиотеке, в фондах которой находится самая полная коллекция русской печати в мире.

Фильм «Узел» начинается с документального ряда. На экране возникают одна за

другой фотографии Александра Исаевича и его близких. Звучащий за кадром тихий голос режиссера рассказывает об основных событиях жизни писателя. Черно-белые фотоснимки сменяются движущимся черно-белым изображением. Возникает панорама Невского проспекта, увиденная сверху. Камера поворачивается и, совершив круг, «входит», «вплывает» с балкона в Библиотеку. Вместе с камерой оператора Алексея Федорова в Библиотеку «входят» и сам Александр Исаевич вместе с женой — Натальей Дмитриевной. Режиссер удивительно удачно соединяет в одном кадре реальное пространство Библиотеки с фотографией. Тем временем камера движется к центру того самого зала основного русского фонда и приближается к стоящему посередине зала столу, на котором находятся книги Солженицына. Крупным планом режиссер дает десятитомное издание книги «Красное колесо». Само название на корешках и обложке, данное именно красным цветом, обретает и в фильме красный цвет. Изображение с этого момента становится цветным.

Голос режиссера продолжает рассказ. И он идет на фоне маятника — тех часов, которые выходят на Невский проспект и так хорошо известны и жителям и гостям Петербурга. Маятник раскачивается на фоне стеллажей с книгами, на фоне уникальных фондов Библиотеки, которые подлежат постоянному, вечному хранению. Но время течет и здесь — в пространстве, для которого понятие времени значения не имеет. Маятник раскачивается. Слышен его монотонный звук. А за окном живет своей сегодняшней жизнью город — проходят люди, движутся трамваи и автомобили. Сокуров создает потрясающий по своей глубине и

¹См. *Петербургская библиотечная школа.* - 1997. - № 3. - С. 78-95.

емкости образ библиотеки. Так никто никогда до него не снимал не только эту библиотеку, но и библиотеку вообще.

Символ вечности, с одной стороны, и символ постоянно и безостановочно текущего времени, с другой, на фоне реального, конкретного дня жизни Библиотеки, жизни города — в данном случае это точка отсчета разговора о писателе как своего рода визуальный эпиграф к слову писателя, которое вскоре начинает звучать с экрана.

В одном из эпизодов картины режиссер показывает, как работает Александр Исаевич, но при этом на экране на протяжении нескольких минут сверхкрупным планом — часть лица писателя, работающего за столом.

Человек дышит, и звук этого дыхания похож на звук дыхания других людей. Чуть позже режиссер задает ему один из самых непростых своих вопросов. Писатель задумывается, погружается в себя и долго, очень долго молчит. Но не просто молчит. На лице в этот момент нет абсолютно никаких внешних признаков жизни. В эти мгновения тем, кто смотрит фильм, дано увидеть, как при полнейшей неподвижности физического тела внутри человека идет сложнейшая внутренняя духовная жизнь, живет душа гениальнейшей личности. Через мгновения вдруг снова оживают глаза, становится подвижным лицо и писатель отвечает — отве-

чает подробно, продолжая думать, продолжая размышлять. Сокуров приближается к той сфере жизни гения, к которой никогда до него кинематограф не приближался — к сфере жизни духа.

В течение 1998 г. снималось огромное по масштабам произведение под названием «Повинность», которое Александр Николаевич цитирует и в фильме «Узел». Основная же работа в нынешнем году была связана с двумя картинами — игровым фильмом «Молохи» и неигровым фильмом о Солженицыне. Это очень разные работы. Но они находятся в определенных отношениях друг с другом не только потому, что они создавались одновременно, хотя фильм «Молохи» связан с другим, конкретным историческим временем, с другой страной, а именно — с реальными историческими персонажами третьего рейха. В том фильме основное внимание также нацелено на то, что стало с душой в результате сознательного выбора жизненного пути, но итог того пути — ее полное разрушение. Фильм «Узел» показывает каких высот духа может достичь Человек также в результате сознательного выбора, на выбора нравственного. Это другой полюс — полюс духовного восхождения.

Ниже дан текст выступления А.Н.Сокурова в РНБ в день юбилея А.И.Солженицына в литературной обработке.

ВТОРОГО ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ НЕТ

Александр Николаевич Сокуров — кинорежиссер, автор более 30 игровых и неигровых фильмов, которые завоевали множество призов на международных и российских кинофестивалях, лауреат Государственной премии Российской Федерации, живет и работает в Петербурге

КАК ПОЯВИЛСЯ ФИЛЬМ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Наша картина сделана в четырех частях. Первые две составляют фильм «Узел». Их, благодаря огромным усилиям продюсера картины Светланы Волошиной, согласи-

лось показать ОРТ. А третья и четвертая части, объединенные названием «Беседы с Солженицыным», будут показаны только здесь, в Петербурге, по петербургскому каналу телевидения. Эти две заключительные части имеют, возможно, даже большую зна-

чимостью, чем две первые, по крайней мере с точки зрения содержания, существа разговора. В этих сериях Александр Исаевич показан крупным планом. И то, что он говорит, и то, как он говорит — это, пожалуй, самое главное. Там нет никакой режиссуры, только ненадолго появляется лицо Чехова. А в основном говорит Солженицын — говорит спокойно, сосредоточенно.

Меня часто спрашивают, формулировалась ли передо мною, как режиссером картины какая-то задача. Ответить на этот вопрос можно однозначно: задача перед нами никак не формулировалась. Задачу формулировала в конце концов организация, которая согласилась показывать — ОРТ, хотя там были очень сложные, тяжелые переговоры. От готовой картины отказалось Российское телевидение. Там было сказано, что Солженицын — скверный гражданин, что он — враг России и т.д. Картину не взяли и на НТВ. Там отказали, так как они не показывают никаких авторских произведений, а показывают вещи, сделанные с рекламным прицелом. Отказал ТВ-центр. Неожиданно удалось убедить ОРТ.

Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна сами обратились ко мне с предложением сделать фильм. У них очень много наших картин на кассетах VHS, целая фильмотека. Не было только картины «Повинность», и мы ее им подарили. Но я даже не смел, честно говоря, подумать, что такая встреча может состояться. А они говорили, что не предполагали, что я соглашусь. Видимо, какие-то пути шли в эту сторону.

Конечно, сам Александр Исаевич хотел, чтобы ему заранее были бы предоставлены темы для разговора, может быть, даже вопросы, чтобы он мог подготовиться. Он неоднократно мне говорил, что он человек, который формирует мысль через страницы, через кропотливую работу, а устная речь, устные изложения — это особая жизнь. Надо сказать, что профессионалы в области телевидения и радио, видимо, часто использовали страсть его, накал эмоций. И иногда возникало представление, по крайней мере по тем видеобразам, которые нам приходилось видеть, что это человек жест-

кий, агрессивный, наступательный. На самом деле, если начинаешь говорить с ним по-человечески, если в этих разговорах поднимают темы, над которыми он сам когда-то много думал, даже если они не являются для него основными, но кажутся ему важными, а в каком-то смысле даже новыми, то он раскрывается как прекрасный собеседник. Второго такого человека в России нет.

Очень трудно отфиксировать, в чем мы друг на друга влияли и влияем, что мы значим друг для друга. Вообще, что значит для человека более молодого человек более старый? Это процесс, который трудно постигнуть, но это принципиально важно. Гуманитарное общество — общество, где есть претензия на образованность, жить без старших людей не может. Это невозможно!

Я старался быть по возможности корректным и не задавать никаких вопросов, которые могли бы обнаружить какую-то конфронтацию с кем бы только ни было. Я старался формулировать вопросы, которые представляют его добрым, мягким, ласковым человеком. И если формулировать мою основную задачу, то она очень простая. Я хотел, чтобы зритель, посмотрев то, что мы сделали, просто полюбил его по-человечески.

Когда мы встречались, единственным моим условием было вести себя так, как я привык, как я считаю нужным. И еще я сказал: «Я бы очень хотел, чтобы мы смогли сохранить содержание разговора, Вас передать другим людям». И это было принято. Я был вынужден так сформулировать, так как за мною была группа, продюсер, были средства, которые собирали на эти съемки. Иначе, без такой откровенной договоренности, в такое серьезное плавание пускаться нельзя. Надо честно и прямо говорить человеку — как будешь себя вести. Нужен был живой человек.

ЭТО СОБЫТИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В профессиональном смысле этот фильм снимался недолго — съемочная работа заняла несколько дней, поскольку долго работать сложно просто по причине огромной стоимости технологий, техники — всего,

что с этим связано. Сам факт съемок в доме Солженицына — большая редкость.

Пишущий человек, тем более человек такого масштаба, не допускает того, чтобы это происходило. Это редчайший случай, и второго такого в истории аудиовизуальных средств я не знаю. По отношению к нам, к нашей съемочной группе это было сделано с полным доверием. Находясь в доме, я не спрашивал о том, что за рукопись лежит на столе. В первый день нашей работы, когда ему не было задано ни одного вопроса, весь день мы были рядом — в кабинете, входили, осторожненько выходили. А он работал, не поднимая головы, на нас внимания не обращал. Все было очень тихо. И мы вели себя тихо. Он достаточно быстро привык к нам. Хотя, конечно, он — опытный человек в отношениях с теми, кто снимает, слушает, спрашивает.

Он — человек в высшей степени профессиональный. Я думаю, что второго такого писателя, который бы так знал психологию аудио- и видеопроцесса, трудно найти. Он хорошо все это знает и не боится этого, но в то же время, конечно, нужно некое доверие для того, чтобы это происходило.

Александр Исаевич видел этот фильм, и такую картину он не мог не видеть. Поэтому был сделан черновой монтаж, и Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна получили кассеты. У них было время подумать высказать свои соображения, замечания. Они высказали все замечания и я их выполнил — это было для меня нормально — первый раз, правда. Я никогда не уступал, а здесь этой проблемы не было. Ну, правда, когда мы делали картину о Б.Н.Ельцине, то без согласия его самого и его семьи я тоже не считал за собой права самовыражаться на их жизненном пространстве. Он тоже смотрел.

Правда, ни Ельцин, ни его семья не давали никаких замечаний. А здесь были вещи, которые касались фактической стороны — некоторых ошибок по биографическим данным, по некоторым фотографиям, использованным не в соответствии с историческим временем.

Кроме того, когда человек доверительно говорит, он может сказать что-то такое, что

может потом в контексте другими людьми быть воспринято не так, как он сам того хотел бы. И если у него самого возникло ощущение дискомфорта, то к этому следует отнестись по-человечески очень внимательно. Кинематограф, ведь, на самом деле, — средство опасное, страшное. У режиссера столько возможностей в каком-то сложном контексте просто в маленьком кадре перечеркнуть человеческие намерения и даже жизнь. Поэтому для меня было принципиально важным, чтобы Александра Исаевича фильм ничем не мог ранить.

Область, которой я занимаюсь, — это на самом деле та часть жизни, которая для духовного развития общества необязательна. Нельзя сказать, что кинематограф является той средой, без существования которой людям жить невозможно. Привычка — да. Привыкли люди к изображению. Эта привычка основана на том, что каждый из нас делать не может — возможно единственное. Даже прозу какую-то или стихотворения, плохо или хорошо, каждый из нас может написать. Человек в состоянии что-то нарисовать.

Что касается визуальных произведений, это оказывается до некоторого уровня достаточно элитарным. Людей, которые это делают, не так много. И кроме того, вокруг этого существуют еще большие проблемы экономического характера. Для того чтобы сделать игровую картину, нужны сотни тысяч долларов. В стране, которая находится в таком положении, как Россия, это совсем нелегко. Может быть, от того, что не каждый человек может взять и создать визуальное произведение, хотя кажется, что это так просто — на самом деле это не так сложно — может, от этого возникает обостренное внимание и интерес к визуальным произведениям.

На самом деле сказать, что за этим стоит некая объективная потребность, необходимость, конечно, нельзя. В том масштабе развития визуальной культуры, какого она достигла сейчас, это конечно подмена и серьезная трансформация — просто психопатологическая — в современном человеке. Изображение с его внутренней ленью — в любом динамическом изображе-

нии заложена лень — так вот изображение с этой ленью, не должно занимать так много места в жизни, не должно иметь такого значения.

Меня спрашивают, чему я отдаю предпочтение — кинотехнике или видео. Это зависит от специфики ситуации. Кинопленка — это другой технический инструмент. Кинокамера — технически гораздо сложнее в использовании, чем профессиональная, хотя и очень дорогая видеокамера. Но тем не менее она позволяет проводить непрерывную съемку в течении нескольких минут, что в кино невозможно. В кино невозможно снять кадр длиной более 8-9 минут.

Кроме того, мы имеем возможность сразу писать звук в Dolby-stereo, очень хорошего качества, чего в кино нет — т.е. создается документ, который достаточно адекватно отражает, сохраняет нам личность человека.

Чем меньше монтажа, чем меньше режиссер режет речь человека, сокращает ее, правит — тем в конечном счете полезнее результат, потому что нам, или тем, кто будет после нас, принципиально важно видеть, как этот человек молчал, вставал, ходил — не обязательно как он говорил умные вещи, что собственно говоря несложно бывает, человек в его человеческом поведении — вот что эта технология позволяет сохранить.

Непросто ответить на вопрос, как я нашел такого оператора для картины. Это вопрос о том, что такое труд оператора. Операторское мастерство — это колоссальная, огромная по своей сложности профессия, состоящая из ряда мелочей. Во-первых, мастерство оператора — это ремесло. Во-вторых, это интуиция. И потом надо, чтобы человек прошел какой-то путь. Просто так в этой области ничего не происходит. И это не обязательно путь ошибок.

Что касается этой картины, немножко необычными были сами условия беседы. Наши лица находились на расстоянии 15—20 сантиметров, а камера располагалась довольно далеко от нас.

И кроме того, я специально сел с той стороны, чтобы ему не надо было ориентироваться только на меня, т.е. он мог смотреть куда-то вперед. Александр Исаевич привык

смотреть в окно, и он мог отключаться от меня, чтобы я не надоедал своим взглядом, какими-то своими лишними движениями. С другой стороны, это позволяло оператору чувствовать себя свободно с точки зрения построения кадра. На самом деле — это вопрос постепенного вхождения в стиль режиссера. С Сашей Дегтяревым мы ранее никогда не работали. Художественные задачи ему приходилось выполнять редко. Здесь задача была поставлена, и он вместе с Алексеем Федоровым ее реализовывал. И если режиссер в кино — это не профессия, то оператор — это профессия. Она складывается из потребности в постоянно изменяющихся и совершенствующихся навыках, потребности в постоянном изменении — совершенствовании навыков и инструментов.

К сожалению, это та профессия, где нельзя застревать. К сожалению, потому что на самом деле это непросто, тяжело. Неоткуда брать глоток воздуха, когда видишь разрушенный город, серые тона, несчастных людей. У тебя может не возникнуть никаких художественных амбиций — ни цветовых, ни композиционных, т.е. не возникнет желание преодоления этих противоречий.

Первая встреча состоялась в их московской квартире. Мне тогда было важно понять, насколько догматичен человек. Хотя это слово, может быть некорректно, оно точно выражает механизм контакта с другим человеком — слушает ли он его или нет, умеет ли реагировать с улыбкой, умеет ли останавливаться в мыслях своих.

Потому что, если это есть, тогда можно реализовать намерения. А если есть активная, наступательная позиция или какая-то непрекращающаяся боль, то уже сложно, возникает какая-то ложь, т.е. режиссер пытается свои намерения поперек естества человека реализовать.

Здесь же отношения сложились сразу. И потом я понимал, с кем я рядом. Я живу в его время — как гражданин я понимаю, о чем речь, хорошо понимаю. Хорошо многое помню из своей жизни из того, что связано с этим именем.

Новым в плане профессиональной дея-

тельности фильм для меня не стал. Но это событие в моей жизни, которое очень важно для меня, потому что беседа вообще для меня имеет большое значение. А я здесь получил какую-то внутреннюю поддержку, подтверждение своих позиций, потому что задавал вопросы не те, которые он хотел, чтобы были ему заданы. Я задавал ему такие вопросы, которые мне были интересны. И в этом заключается как бы моя вина перед ним, потому что в фильм не вошло что-то из того, что он сказал, например, целый монолог о свободе совести и о свободе человека. В рамках данного замысла он кажется мне несколько неорганичным и искусственным. Но как документ это будет сохранено и передано в архивный фонд, чтобы это хранилось.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАСШТАБ СЕГОДНЯ АБСОЛЮТНО НЕ ВИДЕН

Я сознательно не говорю о способе его исторической жизни — это масштаб, который сегодня абсолютно не виден — судя по «Красному колесу», судя по каким-то странным контекстам и странной акустике его небольших рассказов, таких как «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». «Красное колесо» есть результат колоссального труда, начатого, между прочим, в стенах Публичной библиотеки.

Сбор огромного материала вызывает удивление, потом восхищение, что ему удалось все это вывезти — семье удалось вывезти архив. Вот это фантастика!

Вот этого я просто не понимаю, как в тех условиях это оказалось возможным.

Наталья Дмитриевна — удивительный человек. Она прошла путь риска — для семьи и детей, ибо в то время риск был столь велик. Иногда может показаться, что риск преувеличивают. Но все это могло кончиться гибелью детей. Надо хорошо представлять, что это за выбор пути. Вы можете себе представить, что это за люди, которые решились иметь детей, когда день ото дня становилось все хуже, когда все необратимее складывалась ситуация и ничего кроме заключения и смерти не ожидало их на самом деле — и тем не менее было такое жизнеутверждающее поведение. Кто это пережил,

кто знает, что такое обыск, кто знает, что такое вызов в госбезопасность, тот может понять, что чувствует в такой ситуации человек.

Для России это очень большая проблема. Уничтожено много, очень много людей. Среди этих убитых много тех, кто стоял, держась за руки. Они погибли не только на войне. Я имею в виду блестящих, уникальных преподавателей вузов, переводчиков, литераторов — не только тех, кто создает литературу, а тех, кто обеспечивает эту уникальную среду, потому что писателю без этого окружения очень тяжело. Это и переводчики высшей категории, врачи и вообще люди чести. Они были слишком видны. Они погибали первыми. И еще многие люди уехали. Людей с такой степенью самоотверженности не может быть много. Не может быть, чтобы в народе так много людей рисковали собой. Многие думают только о себе, ругают себя, раскаиваются, но сохраняют свою семью, сохраняют своих близких, не позволяют погибнуть маме, отцу, брату, сестре, любимому человеку. Просто не позволяют погибнуть, поэтому идут не до конца, иногда молчат, иногда еще что-то, но самим себе жизнь сохраняют.

Дети Александра Исаевича и Натальи Дмитриевны, к сожалению, живут в Америке. Но они прекрасно говорят по-русски. Все они блестяще образованы. А с ними рядом живут друзья. Наталья Дмитриевна говорит, что в друзьях они счастливы.

Те люди, которые были преданы им, преданы им и сегодня. Ощущение же, что Солженицыны живут достаточно изолированно, может возникнуть потому, что у них нет салона. Семья живет очень строго, и поскольку он работает все время, все дни недели практически, то выезды за пределы дома очень редки. А раз они салонных акций не устраивают, люди обижаются на них за то, что они избегают публичности, каких-то публичных акций. А рядом живут люди их поколения. Они помогают им в работе с Фондом Солженицына.

Там, в Фонде — огромная переписка и большая работа с документами, поскольку Солженицыны помогают нескольким десяткам тысяч человек, доплачивают этим лю-

дям стипендии или пенсии — из тех средств, которые заработаны на издании «Архипелага ГУЛАГ». Конечно, чудовищное наше государство пытается и это свернуть, наложить какие-то запреты, предпринимает налоговые акции.

Сам фонд расположен в московской квартире. Это небольшая квартира для писателя такого масштаба. И там везде, в том числе и в коридорах, вдоль стен стоят книги. Все стены заставлены книгами. И это тот редкий случай, когда все книги прочитаны. Это удивительно?

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВОСПРИНИМАЕТ ТЕПЛО

Александр Исаевич начал с литературы, пришел в учительское дело и вернулся в литературу. На самом деле вот это внутреннее его желание заниматься гуманитарным трудом — оно складывалось помимо его желания. Он был физиком. Но если бы он, по его словам, получил гуманитарное образование, например, литературное, он не смог бы жить и работать. Никто ему с его убеждениями кафедре учителя ни в одной школе не предоставил бы. Он получил такое негуманитарное образование не случайно. Даже в эти моменты она полагал, что выбор такой профессии — нейтральной по отношению к обществу — как-то сможет его защитить, и на самом деле так и произошло.

Хотя Александр Исаевич перенес два инфаркта, внешне он выглядит поразительно. Я думаю, что это потому, что те 18 лет жизни, которые он прожил в Вермонте, в Америке, он прожил в условиях относительно спокойствия и нормальной физиологической жизни, нормального питания. Это как бы вернуло ему лет 15-20 жизни. Внешне никогда не скажешь, что ему 80 лет.

Александр Исаевич встает очень рано и работает часов до 2-х, до 3-х очень упорно. В это время к нему никто не заходит, никто его не беспокоит. Если ему надо, там у него в кабинете есть плитка, он может согреть себе чай, приготовить еду, если надо. Если возникает срочная ситуация, то домашние спрашивают, может ли он подойти к телефону, будет ли говорить. Склонившись, си-

дит часами в полной тишине. Может только включить приемник, настроенный на волну радио «Орфей». В полной тишине он подходит к полкам с книгами, переходит из одного кабинета в другой. На столах у него разложены разные источники, разные документы, бумаги, с которыми он постоянно работает. Стол завален ручками, карандашами, каждый из которых имеет свое назначение — их десятки. У него каждая ручка для чего-то предназначена. Один карандаш используется для каких-то записей. Другая ручка — еще для чего-то. А затем рукопись, которая проходит многократное прочтение, поступает с этими пометками к Наталье Дмитриевне, которая разбирается с текстом, задает ему вопросы, проводит работу со словарями и только затем предлагает ему конечный вариант. Что-то принимается, что-то не принимается, но сказать, что он тоталитарно настроен по отношению к этому процессу, что он отвергает всякие замечания, неверно. Если за этими замечаниями есть мотивировка, серьезная работа собеседника, то это безответно не может быть.

Относительно того, что любит Александр Исаевич, то поскольку он человек особого масштаба, можно только предполагать, что имеет для него особенно большое значение. Мне кажется, что он очень любит музыку. Он очень любит язык — русский язык, и знает язык великолепно. Это его главная привязанность.

Выделяет ли он кого-то из современных писателей? Я не задавал ему таких вопросов. Но мне кажется, то, что он в фильме сказал о Валентине Распутине — это проявление его чувств к этому человеку. На самом деле ему многое нравится в русскоязычной литературе. Он не тот человек, который расчищает вокруг пространство и оставляет его только для себя. Он очень многое любит в литературе настоящего. И если даже появляются небольшие произведения, он помнит и любит этого человека, насколько позволяют силы.

Культура, духовная жизнь в обществе — это река, это движение. Берега могут быть неподвижны, а вода должна течь. Все время в одной и той же беседе где-то там на берегу реки сидит, условно, Островский, а

здесь по набережной прогуливается, условно, Достоевский. А вот по этой реке бегут новые люди, и каждый раз новые — десятки, сотни тысяч, миллионы образованных людей. Проблема в том, что этот сидит в беседке, а второй ходит по берегу здесь, а в реке рыба. Здесь только рыба, или мало тех, кто на лодках проплывает.

Как в театре на Таганке — одна и та же публика. Для такой страны как Россия — мало. Духовная цивилизация в России всегда переживала тяжелейшие испытания. Духовная ситуация, как мне кажется, стабильной никогда не была. В этом все дело. Они сидят и ждут. Островский сидит, ждет. Достоевский сидит, ждет. Чайковский ждет. Еще кто-то — люди, которые из нас людей делают. Их должно быть много, тех, кто на этих лодках проплывает, мимо этих берегов. Новые люди, новые лица. Моложе, моложе.

Александр Исаевич — человек очень серьезный, сконцентрированный. Он на самом деле человек глубоко верующий, но он не фанатик ни в коей мере. Там, в Вермонте, у него были сложные проблемы. В том доме, где жили Солженицыны, они выстроили небольшую часовню. У него очень серьезное отношение к церкви — и как к какой-то структуре, и к церкви как к носите-

лю определенной истории, национальной культуры. Он как человек огромной значимости не может относиться к таким вещам комплиментарно, потому что церковь — это люди, которые так или иначе себя проявляют.

Через него, через его поступки для нас доходит благая весть. Ведь благая весть доходит через поступки людей. Таковым поступком может быть просто мысль. Важно, чтобы она была вовремя высказана вслух или чтобы она про себя повторялась все время — непрерывно.

Но никакого небопокровительства по отношению к Александру Исаевичу нет. Он сам такой. Человек, который воспринимает тепло, над ним и солнце светит, вокруг него тепло. Он в первую очередь сам такой. А потом уже Господь, провидение.

Он до такой степени собрал всю свою жизненную энергию, когда он узнал о заболевании раком, что он сам себя вылечил этой энергией — просто энергетически. Подавляющее число людей, что подтверждают специалисты в области медицины, погибает от того, что этой волевой энергии нет — она куда-то ушла. И каждый раз он находил силы создавать себе новые критерии, новые точки отсчета. Он сам это делал. А мы можем думать — провидение, Бог.

ских местах» в нашем городе, одним из главных они назовут Публичку. Точнее ее спецхран. О том, что его книги оказались в спецхране, когда писатель был выслан из страны, известно всем. Но немногие знают, что сам Солженицын некоторое время работал в «святая святых», куда обычным читателям вход запрещен.

«И В НАДЕЖДЕ НА ДЛИТЕЛЬНУЮ ДРУЖБУ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫН — ЧИТАТЕЛЬ ПУБЛИЧКИ

Наталья Всеволодовна Одинцова — петербургский журналист. Автор многочисленных публикаций в петербургских и центральных периодических изданиях

Весной 1994 г. Солженицын вернулся в Россию, в наш город. И снова побывал там, куда когда-то страстно стремился, где проводил за работой долгие часы — в Публичной (ныне Российской национальной) библиотеке.

Если биографы Александра Исаевича будут когда-нибудь говорить о «солженицын-

Александр Исаевич впервые переступает порог Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина — главной цели его поездки в Ленинград. Когда предъявил паспорт и писательский билет, испуганная девушка пролила чернила.

— Вас нельзя в общий зал: будет фурор! — пояснила она.

«Мужа посадили в отдельную комнату», — пишет в своей книге «Александр Солженицын и читающая Россия» первая жена писателя Н. Решетовская.

Этой «отдельной комнатой» был спецхран. Насчет того, почему Солженицыну предложили заниматься именно там, у старых сотрудников Публички разные мнения. Кто считает, что дело и вправду в «фуроре», в многочисленных поклонниках, отвлекающих от работы, а кто полагает, что на сей счет было указание «сверху».

Происходило все в июне 1963 года. Солженицына всего несколько месяцев как приняли в Союз писателей и только что вышел отдельной книжкой «Один день Ивана Денисовича». На экземпляре, хранившемся в Публичке, по просьбе ее сотрудников Александр Исаевич написал: «Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина с большим уважением и в надежде на длительную дружбу».

Первое время Солженицын занимался в читальном зале спецхрана. Садился всегда на одно и то же место у окна с видом на Невский, Садовую и Гостиный двор. Приходил он к открытию, к девяти утра, занимался допоздна. Он собирал тогда материалы для будущей книги «Август 1914-го». Из открытых фондов ему приносили книги и журналы прямо в зал. Однако слух о том, что Солженицын в библиотеке, в самом деле распространился быстро. Плотная железная дверь спецхрана то и дело открывалась, и в зал заглядывали люди, желавшие увидеть человека, который впервые так обнаженно и резко сказал запретную правду о тогда еще сравнительно недавно минувших сталинских временах. К нему подходили, заговаривали, просили автограф. И чтобы огрadyть писателя от любопытствующих, ему предложили заниматься в самом служебном помещении спецхрана, среди каталогов и

запрещенных книг. Там он и работал основную часть времени.

С работниками библиотеки он был неизменно вежлив, хотя и немногословен. Прощаясь, галантно целовал руку дамам. И сотрудницы спецхрана с гордостью рассказывали, что им целовал руку сам Солженицын.

Приезжал он в Ленинград и второй раз — зимой 1964 года. Собирался быть и в третий, и даже написал одной из сотрудниц, Е.М. Сергеевой, письмо, которое и по сей день у нее хранится: «Собираюсь в январе работать у вас и в связи с этим хочу Вас попросить черкнуть мне два слова. Не считайте за труд. Я работал у вас в феврале нынешнего (1964-й — Н.О.) года. Нужно ли мне возобновлять к Вам отношении организации писателей или мне продлить прежнее?»

Далее Александр Исаевич благодарил еще раз всех обслуживавших его работников библиотеки, назвав каждого по имени-отчеству.

Однако больше он в Публичку не приезжал.

Хотя читательский формуляр Солженицына не сохранился, у спецхранов долгая память. Осталось другое: карточка, в которой написано, что согласно приказу Главлита № 10 от 14 февраля 1974 года издания с произведениями Солженицына должны быть изъяты из фондов. Главлит «сработано» оперативно: приказ появился на следующий день после того, как писатель был выслан из страны.

«Один день Ивана Денисовича» с дарственной надписью автора из почетной коллекции книг с автографами перекочевал в спецхран. В то самое помещение, где 10 лет назад работал писатель. Такая вот ирония судьбы. Там же оказались и номера «Нового мира», где были напечатаны его рассказы.

Произведения Солженицына скрылись от читателей. Зато появились книги о нем, которые клеймили и разоблачали. Красноречивы были их заголовки: «В споре со временем» (Н. Решетовская, 1975 г.). «Спираль лжи Солженицына» (Т. Ржезач, 1978 г.). Однако и их достать было совсем непросто. Распространялись они по специальной разрядке и

в Публичку не поступали вовсе. Как выяснили работники библиотеки, эти издания зато есть в Доме политпросвещения — месте, «надежном» во всех отношениях.

В конце восьмидесятых «пленники спецхрана» вернулись в фонды. «Один день Ивана Денисовича» вновь занял свое место среди книг с автографами писателей. История сделала очередной оборот.

А старые сотрудники спецхрана помнят все: и Солженицына, провожаемого восхищенными взглядами читателей, и работников библиотеки, и роковой формуляр с приказом Главлита.

«...И в надежде на длительную дружбу», писал Солженицын. Тридцать пять лет — или целую вечность — назад.

К ЧИТАТЕЛЮ

Публичная библиотека: специфика страны, специфика России. 1

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Материалы круглого стола «Профессиональное сознание библиотекарей как предмет философских, культурологических и социологических исследований» (окончание) 4

Матвеев М.Ю. Народные библиотеки дореволюционной России и современные общедоступные библиотеки: возможности сравнения 11

Урюпина К.В. Информационно-библиотечное обеспечение национальных меньшинств в рамках международного права. 26

ОПЫТ НАШИХ КОЛЛЕГ

Филиппова М.Б. Публичная библиотека и местная власть 31

Мазняк Н.Н. Библиотека как открытый мир 34

Буслаева О.П. Библиотека — гармония или новая модель библиотеки, как центра духовного возрождения общества. 37

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Образ детской библиотеки
Секретарева Л.Г., Куракина М.С., Буенок А.Г., Васюкова М.Л. 40

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК

Тищенко М.Н. Пушкинские читальни (к истории первых бесплатных народных библиотек Санкт-Петербурга). 43

Одинабекова Л.М., Ложкина Л.Г., Никиташина С.О. Первая горнотехническая библиотека России. История создания. 47

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Корен М. Тихая библиотека 55

Володин Б.Ф. Голландская публичная библиотека или кошка, которая смотрит вниз с дерева. 61

Лассаль М. де. Парадоксы успеха политики публичного чтения. 66

БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Володин Б.Ф. Алексей Янковский — режиссер с «острова Сокурова». 76

Янковский А. Есть ли альтернатива деструктивному движению? 78

К 80-летию А.И. Солженицына. Юбилейный вечер в РНБ. 84

Сокуров А. Второго такого человека в России нет. 86

Одинцова Н.В. «И в надежде на длительную дружбу». 92

А.И. Солженицын — читатель публички. 92